В. И. Снигиревъ.

ДРУЖЕСКІЕ и БРОНЗОВЫЕ ВЕКСЕЛЯ.

Историческое, бытовое и юридическое изслѣдованіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе журнала „КОММЕРЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ".

ЦАБ "Автограф"
май 2021

„Дружескіе и бронзовые векселя“.

I.

По тому экономическому положенію, которое вексель занимаетъ въ жизни народовъ исторически,—онъ не перестаетъ привлекать къ себѣ вниманіе законодателя и науки.

Съ давнихъ поръ наука стремится опредѣлить правовую природу векселя, его вліяніе на экономическое развитіе и условія роста, а законодатель, вмѣстѣ съ судебной практикой,—установить сферу и способъ обращаемости векселя въ жизни своего государства.

Но какъ бы законодатель не былъ дальновиденъ и какъ бы твердо и точно наука ни опредѣлила правовые принципы того или другого юридическаго института вообще,—жизнь, съ ея постояннымъ ростомъ и разнообразіемъ потребностей, всегда явитъ то, чего предвидѣть невозможно. Такъ было со многими юридическими институтами, такъ случилось и въ области вексельнаго права. Въ своемъ историческомъ развитіи, вексель пережилъ цѣлый рядъ юридическихъ опредѣленій отъ простого договора до абстрактнаго обязательства включительно и, тѣмъ не менѣе, вексельный вопросъ до сего времени нельзя считать вполнѣ разрѣшеннымъ. И теперь среди вексельныхъ сдѣлокъ встрѣчаются такія, которыя по существу носятъ совершенно иной характеръ и ни косвенно, ни прямо не предусмотрѣны вексельнымъ закономъ. Между тѣмъ, въ жизни онѣ существуютъ и не только существуютъ, но и прогрессируютъ въ своемъ существованіи, пробивая брешь въ самыя вексельныя постановленія. Къ такого рода исключительнымъ сдѣлкамъ нельзя не отнести такъ называемые „дружескіе и бронзовые векселя“. Эти векселя, благодаря современному развитію экономической жизни, разнообразію ея формъ и сложности отношеній, за послѣднее время сдѣлались обычнымъ явленіемъ, претендуя не безъ основанія на самостоятельное юридическое опредѣленіе.

Правда, векселя эти, какъ возникшіе изъ акта довѣрія одного лица къ другому и нормироваться должны соотвѣтствующими правилами этики. Но, во-первыхъ, не всегда эти правила оказываютъ должное воздѣйствіе, особенно на лицъ съ готтентотской моралью, въ силу которой — если я украду — хорошо, а если у меня украдутъ,—предосудительно; во-вторыхъ, въ жизни нерѣдки случаи, когда вообще трудно установить истинное происхожденіе векселей, какъ напр. въ случаѣ смерти векселедателя, объявленія его несостоятельнымъ должникомъ и проч.; и, въ третьихъ, вслѣдствіе существующаго соціально-экономическаго неравенства люди всегда будутъ стремиться къ улучшенію своего быта, поддаваясь иногда различнымъ соблазнамъ. Поэтому надлежитъ признать, что если вексель имѣетъ свою исторію, то и вексельныя сдѣлки не безъ бытового прошлаго.

Нѣчто тожественное дружескимъ векселямъ замѣчается еще въ XVII вѣкѣ, подъ наименованіемъ „посредничество за честь“. Это посредничество выражалось въ томъ, что, въ случаѣ непринятія векселя къ акценту трассатомъ, или неоплаты его акцептантомъ,—таковой производился посредникомъ, т. е. лицомъ, оказывавшемъ особое довѣріе векселедателю, съ тѣмъ разумѣется, что онъ получалъ удовлетвореніе отъ послѣдняго съ процентами и издержками.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

Посредничество всѣхъ видовъ осталось не чуждымъ и Русскому вексельному законодательству первой половины XVIII вѣка. О немъ говорится въ ст. 16 Вексельнаго Устава 1729 года, въ отдѣлѣ «О настоящихъ купеческихъ векселяхъ». Оно сохранилось и до нынѣ въ ст. 66 Вексельнаго Устава 1903 года. Указывая на нѣкоторое сходство дружескихъ векселей съ посредничествомъ за честь, мы однако должны признать, что между ними замѣчается существенная разница въ юридическихъ послѣдствіяхъ. Общее въ нихъ то, что и посредникъ за честь и векселедатель дружескаго векселя дѣйствуютъ по мотивамъ личнаго довѣрія, а потому, въ моментъ этого дѣйствія, никакого эквивалента не получаютъ,—а разница—въ правѣ обратнаго требованія уплаченной суммы или выданнаго векселя. Въ то время, какъ посредникъ за честь не только сохраняетъ за собой право регресснаго требованія уплаченной суммы, но и удерживаетъ въ своихъ рукахъ самый вексель, какъ доказательство уплаты,—дружескій векселедатель остается всецѣло во власти векселепринимателя и рискуетъ поплатиться валютой, если заранѣе должнымъ образомъ не обезпечитъ своихъ интересовъ.

Вотъ почему мы считаемъ не лишнимъ попытаться выяснить здѣсь условія легальнаго существованія дружескихъ векселей, закономѣрность обращенія ихъ въ гражданскомъ оборотѣ и по возможности опредѣлить юридическую природу тѣхъ правоотношеній, которыя вытекаютъ изъ сущности такихъ сдѣлокъ. Затѣмъ, въ области гражданскаго права существующимъ юридическимъ отношеніемъ признается лишь только то, что надлежащимъ образомъ доказано, какъ реальный юридическій фактъ, а потому будетъ весьма кстати здѣсь же остановиться и на теоріи доказательствъ, составляющей въ процессѣ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ въ случаѣ спора. И, наконецъ, не безынтересно вообще отмѣтить, хотя бы въ общихъ чертахъ, не только историческое развитіе векселя, но и отдѣльные его виды въ связи съ экономическими и бытовыми факторами, обусловливающими его прогрессивное движеніе, ибо въ исторіи, все, по нашему мнѣнію, имѣетъ ту или другую причинную связь.

II.

Опредѣлить точно время появленія векселя невозможно, какъ впрочемъ трудно установить время возникновенія всякаго юридическаго института. Право вообще возникаетъ въ народной психикѣ сначала безсознательно, затѣмъ также безсознательно проявляется въ видѣ разрозненныхъ фактовъ и лишь позже создается норма, какъ результатъ постояннаго примѣненія однѣхъ и тѣхъ же правилъ къ однообразнымъ явленіямъ жизни. Такъ возникло обычное право, ставшее впослѣдствіи источникомъ большинства правовыхъ нормъ. Такъ, повидимому, слагались и вексельныя постановленія.

Въ отношеніи собственно происхожденія векселя съ достовѣрностью можно сказать лишь то, что онъ появился въ Италіи во второй половинѣ XII вѣка. Правда, имѣются данныя относительно того, что вексель извѣстенъ былъ римлянамъ и даже древнимъ грекамъ, но эти данныя не достаточно убѣдительны, а потому нѣтъ основаній считать появленіе векселя раньше указаннаго времени. Въ этомъ, кромѣ того, насъ убѣждаетъ терминологія векселя (акцептъ, индосаментъ и проч.) и то, что «древнѣйшія вексельныя постановленія—замѣчаетъ проф. Федоровъ,—написаны на итальянскомъ языкѣ, а вексельныя сдѣлки находятся въ связи съ дѣятельностью итальянскихъ мѣнялъ» *). Наконецъ, Италія въ средневѣковую эпоху была какъ бы сборнымъ пунктомъ извѣстнаго движенія крестоносцевъ, а резиденція

*) Федоровъ, Исторія векселя 1895 г., стр. 8.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

папы немало привлекала богомольцевъ *). И цѣлый рядъ другихъ историческихъ событій сдѣлали Италію родиной векселя, а тогдашнее политическое состояніе ея съ мелкими государствами и особенностью монетныхъ системъ въ каждомъ, вызывали необходимость въ постоянномъ обмѣнѣ денегъ одной монеты на другую. И дѣйствительно, всѣ тѣ лица, которыя приходили въ Италію издалека и которыя передвигалась внутри своего государства, приносили съ собой свои монеты и обязывались обмѣнивать ихъ на мѣстныя, такъ какъ въ то время запрещалось пускать въ обращеніе не только монеты одного государства въ другомъ, но даже за предѣлами какого нибудь города, если этому городу предоставлялось самостоятельное право чеканки. Отсюда уже слѣдуетъ, что вексельныя операціи въ средневѣковьи носили несомнѣнно мѣновой характеръ, ибо потребность въ обмѣнѣ ощущалась всѣми, кто попадалъ въ Италію. Этимъ въ значительной степени объясняется и отсутствіе какихъ либо вексельныхъ ограниченій, какъ это наблюдается въ позднѣйшее время, когда векселъ сдѣлался монополью торговаго класса. Тогда всякій признавался способнымъ вступать въ вексельныя сдѣлки,— преимущественное назначеніе которыхъ— обмѣнъ денегъ одной монеты на другую.

Но уже въ XIII вѣкѣ, благодаря соприкосновенію съ Итальянскимъ коммерческимъ міромъ, векселъ проникаетъ въ Германію, Францію, Англію, Скандинавскія государства, а позже, при содѣйствіи нѣмецкихъ купцовъ, и въ Россію **)

Первоначальная форма векселя чрезвычайно проста. «Мѣняла—говоритъ проф. Шершеневичъ,—получившій опредѣленную сумму денегъ мѣстною монетою, выдавалъ нотаріально удостовѣренную квитанцію въ полученіи денегъ и въ то же время обязывался уплатить эту сумму въ условленномъ мѣстѣ, въ условленное время лично или чрезъ третье лицо» ***). Имѣется впрочемъ и другое указаніе на то, что вначалѣ не было вовсе письменной формы, а всѣ сдѣлки совершались словесно. Письменная форма являлась лишь доказательствомъ взноса денегъ, а такимъ доказательствомъ могли быть и свидѣтели. Это указаніе вполнѣ вѣроятно, при первоначальномъ обмѣнѣ, но затѣмъ, съ развитіемъ вексельныхъ операцій и распространеніемъ ихъ далеко за предѣлы простого обмѣна, словесная форма оказывалась не удовлетворительной и должна была уступить мѣсто письменной. Но намъ нѣтъ нужды углубляться въ исторію даннаго вопроса. Для нашей цѣли вполнѣ достаточно, если мы примемъ за отправную точку зрѣнія приведенную выше квитанцію и по ней опредѣлимъ юридическую природу средневѣковаго векселя. Итакъ, квитанціей прежде всего удостовѣрялся взносъ денегъ. Юридически,—это типичный односторонній договоръ, въ силу котораго одна сторона внесла деньги, а другая обязалась уплатить ихъ въ условленное время, въ условленномъ мѣстѣ и условленной монетой. Одностороннимъ договоромъ онъ представляется потому, что въ выдаваемой квитанціи содержится лишь обязанность мѣнялы произвести извѣстный платежъ, такъ какъ другое лицо сохраняло лишь право на полученіе этихъ денегъ. По современной терминологіи эти стороны можно раздѣлить на векселедателя и векселепринимателя. Первымъ являлся мѣняла, какъ выдавшій обязательство, а вторымъ—пріобрѣтатель, какъ внесшій деньги. Такъ въ общемъ возникъ простой векселъ со всѣми его особенностями.

Но не всегда мѣняла и пріобрѣтатель располагали временемъ и возможностью произвести разсчетъ лично, особенно, когда таковой надлежало произвести въ другомъ

*) Шершеневичъ, Курсъ Торг. Права, т. III, изд. 1909 г., стр. 4.
**) Федоровъ, Исторія векселя, 34.
***) Шершеневичъ, Курсъ Торг. Права, т. III, стр. 5.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

мѣстѣ. Этого рода неудобства еще больше увеличились, когда къ обмѣну присоединились операціи торговаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы произвести платежъ въ какомъ нибудь другомъ городѣ, мѣнялѣ необходимо не только ѣхать лично, но и вести съ собой иногда значительную сумму денегъ, что при тогдашнихъ путяхъ сообщенія представляло громадныя неудобства. Все это не могло не вызвать необходимости обратиться къ сотрудничеству третьихъ лицъ, каковыми и явились такъ называемыя уполномоченныя, къ содѣйствію которыхъ, въ случаѣ надобности, и прибѣгали обѣ стороны. Дѣлалось это такимъ образомъ: въ выдаемой квитанціи мѣняла заранѣе назначалъ то лицо, къ которому слѣдовало обратиться за полученіемъ денегъ, а равно, и внесшій валюту требовалъ отмѣтки своего представителя, которому онъ поручалъ получить по данной квитанціи деньги. Своему уполномоченному лицу мѣняла посылалъ особое увѣдомительное письмо, съ указаніемъ кому, когда и сколько слѣдовало уплатить. Это письмо впослѣдствіи стало технически называться «авизо». Но не всегда уполномоченныя лица обозначались заранѣе. Иногда это было трудно опредѣлить, а иногда и вовсе невозможно, особенно когда не имѣлось въ виду надежнаго лица. Въ этихъ случаяхъ предоставлялось право назначить уполномоченное лицо впослѣдствіи, каковое право обусловливалось выраженіемъ: «приказу такого-то». Однако, такое выраженіе имѣло значеніе для векселепринимателя, а не для векселедателя (мѣнялы). Послѣдній, если не могъ назначить уполномоченное лицо при выдачѣ квитанціи, то обязанъ лично произвести платежъ, испытывая всѣ неудобства и потери, сопряженныя съ каждымъ переѣздомъ. Не трудно уже теперь замѣтить, что въ этой необходимости назрѣвалъ переводный векселъ съ акцептомъ, который и появился при развитіи ярмарочной торговли.

Такимъ образомъ, вмѣсто первоначальныхъ двухъ лицъ—векселедателя и пріобрѣтателя, въ этотъ періодъ времени присоединилось еще два—въ видѣ уполномоченныхъ на производство платежа и на полученіе денегъ. Тѣмъ не менѣе, юридическія отношенія отъ этого нисколько не измѣнились, а равно не измѣнилась и самая конструкція договора. Не смотря на участіе въ данной сдѣлкѣ двухъ уполномоченныхъ, договоръ продолжалъ существовать между лицами, непосредственно заключившими его. Роль представителей сводилась лишь къ выполненію опредѣленныхъ дѣйствій и при томъ отъ имени и въ интересахъ ихъ вѣрителей. Увѣдомительныя письма лишь уполномочивали на эти дѣйствія, но отнюдь не сообщали имъ какихъ либо самостоятельныхъ правъ. Поэтому, въ случаѣ неплатежа уполномоченнымъ по векселю, пріобрѣтателю надлежало обратиться съ требованіемъ уплаты къ самому мѣнялѣ, хотя бы для этого пришлось возвратиться въ тотъ городъ, гдѣ совершена данная сдѣлка. Такой способъ обмѣна и перевода денегъ въ XV вѣкѣ получилъ самое широкое распространеніе, вылившись впослѣдствіи въ форму переводнаго векселя. Онъ почти совсѣмъ вытѣснилъ собой простой векселъ, сдѣлавшись не только орудіемъ обмѣна, но и средствомъ расплаты. Подвижность и простота формы уже сами по себѣ содѣйствовали широкому распространенію переводнаго векселя, а средневѣковыя ярмарки завершили его движеніе. Купцу уже не было надобности вести съ собой для расплаты огромныя суммы; онъ не нуждался уже въ храненіи полученныхъ денегъ, а просто-на-просто или производилъ разсчеты по векселямъ путемъ перевода валюты на своихъ должниковъ, или же пріурочивалъ къ какому нибудь опредѣленному сроку. Такимъ временемъ взаимнаго разсчета и являлись, какъ указано, ярмарки.

Но съ развитіемъ вексельныхъ операцій пришлось обратить вниманіе и на форму векселя. Первобытная квитанція съ увѣдомительными письмами уже тогда

ЦАБ "Автограф"
май 2021

порождали неудобства, а въ данное время она оказывалась не примѣнимой. Да и самыя увѣдомительныя письма необходимо было привести въ соотвѣтствіе съ потребностями времени, иначе затруднялся не только переводъ денегъ, но и простой обмѣнъ ихъ. Въ удовлетвореніе всего этого, въ этотъ періодъ, вексельный реквизитъ уже состоялъ: 1, изъ обѣщанія платежа; 2, указанія валюты; 3, причастныхъ лицъ; 4, помѣтки въ полученіи денегъ и 5, подписи векселедателя. Что касается до увѣдомительнаго письма, то оно получило техническое названіе «тратты», такъ какъ служило цѣлямъ перевода денегъ. Выдавшій вексель, назывался «трассатомъ», а внесшій валюту—«ремитентомъ». Уполномоченные—на полученіе денегъ—«презентантомъ», а на производство платежа—«трассантомъ». Названія эти сохранились и до настоящаго времени И въ этой своей формѣ вексель не переставалъ быть договоромъ. Введенныя подробности опредѣляли лишь отношеніе векселедателя къ своему уполномоченному, но не освобождали перваго отъ отвѣтственности по выданному обязательству передъ векселепринимателемъ, какъ кредиторомъ. А такъ какъ вексельныя операціи по преимуществу были денежнаго характера, то и валюта всегда обозначалась деньгами. Товарные векселя, какъ полагаютъ, появились лишь въ XVII вѣкѣ, очевидно также подъ вліяніемъ ярмарочной торговли.

III.

Какъ отмѣчено, огромное вліяніе оказали на развитіе векселя средневѣковыя ярмарки. Это были не просто торговыя пункты,—а средоточіе крупной торговли тогдашняго времени. Неудовлетворительность путей сообщенія, отсутствіе страхованія и опасность перевозки товара, недавала возможности развиться лавочной или магазинной торговлѣ. Чтобы перевести большую партію товара, необходимо сопровожденіе охранъ, а это увеличивало покупную стоимость его. Кромѣ того, невсегда возможно было достать потребный товаръ въ моментъ спроса. Затруднялось отъ этого и предложеніе. И наконецъ, не могло не отразиться на развитіи операцій и неудобство разсчета. Чтобы купить товаръ, надо вести съ собой значительную сумму денегъ, что при тогдашней тяжести монетныхъ системъ еще больше затрудняло развитіе мѣстной торговли. Въ этомъ отношеніи вексель нашелъ себѣ самое лучшее примѣненіе. Все вмѣстѣ взятое не только содѣйствовало развитію его, но создало особый типъ векселей,—такъ называемые «ярмарочные векселя» съ платежомъ на ярмаркѣ и даже вызвало учрежденіе особыхъ «ярмарочныхъ судовъ».

Ярмарочная торговля въ извѣстныхъ размѣрахъ сохранилась и понынѣ. И теперь существуютъ такіе пункты, куда въ извѣстное время стекается торговый міръ. Извѣстная «Нижегородская ярмарка» является однимъ изъ характерныхъ отраженій средневѣковой ярмарочной торговли и, хотя значеніе ея съ развитіемъ путей сообщенія, страхованія, почты, телеграфа и проч., въ настоящіе время для торговли и промышленности утратилось, тѣмъ не менѣе еще многія отрасли коммерческой дѣятельности прислушиваются къ ея голосу. Правда, ярмарочные суды упразднены и давно отошли въ область преданія, но ярмарочные векселя сохранились въ оборотѣ и до настоящаго времени.

Строгость и жестокость этихъ судовъ заключалась прежде всего въ томъ, что по ихъ рѣшеніямъ должникъ по векселю подвергался личному задержанію а его имущество конфисковалось въ пользу вексельнаго кредитора. Подобная строгость сначала обусловливалась главнымъ образомъ поддержаніемъ довѣрія къ вексельному акту, но впослѣдствіи, какъ оплотъ и орудіе имущаго класса противъ неимущаго, дѣйствіе ярмарочныхъ судовъ распространено было и на другого рода долговыя обязательства,

ЦДБ "Автограф" Май 2021

независимо отъ ярмарокъ. Для подсудности этимъ судамъ, достаточно было объявить то или другое обязательство векселемъ, хотя бы по существу оно вытекало изъ другого рода отношеній. Этимъ создано было важное удобство ростовщикамъ и спекулянтамъ прикрывать свои предосудительныя операціи благовиднымъ вексельнымъ терминомъ. Противъ такой вакханаліи порабощенія неимущаго класса любителями легкой наживы, каноническое право объявило жестокую борьбу, основываясь на текстѣ Евангелія—«о дачѣ взаймы, не ожидая ничего» (Лука гл. VI, ст. 35). Прежде всего воспрещено было дѣлать помѣтку въ текстѣ векселя объ уплатѣ процентовъ, а также разницу валюты съ той суммой, которая подлежала уплатѣ. Этимъ церковь стремилась искоренить скрытые денежные займы. Каноническое право допускало лишь вознагражденіе за трудъ, а потому противъ незначительной разницы въ векселяхъ съ платежомъ въ другомъ мѣстѣ отъ мѣста выдачи, оно ничего не имѣло. Но находчивая практика изобрѣла средство для сокрытія своихъ операцій. Стали писать векселя съ платежомъ въ другомъ мѣстѣ, но туда въ извѣстное время являлся векселедержатель, или же поручалъ это уполномоченному, и внѣшняя форма такимъ образомъ соблюдалась. Тогда въ XVI вѣкѣ, въ Италіи, почти изъяты были изъ обращенія такіе векселя, которые трассировались на самого себя, хотя бы съ платежомъ уполномоченному. Однако, хотя борьба церкви и достигала извѣстныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе искоренить совершенно зло не удалось. Съ развитіемъ репрессій, развивались и способы обхода. Въ этомъ стремленіи установлены были рядъ ограничительныхъ мѣръ, которыя стали обязательными при опредѣленіи дѣйствительности вексельныхъ сдѣлокъ въ отличіе отъ займовъ. Во-первыхъ, необходимо было означать въ векселѣ наиболѣе короткій срокъ и мѣсто уплаты, а ярмарочные векселя — писать на ближайшую ярмарку. Во-вторыхъ, платежи по частямъ, вознагражденіе за просрочку и выдача векселей собственному приказу — запрещалась вовсе. Само собою разумѣется, при такихъ условіяхъ получили наибольшее развитіе не простые векселя, способные прикрывать займы, а переводные, какъ болѣе соотвѣтствующіе торговымъ цѣлямъ. Этимъ, кромѣ того, разграничивалась сфера вексельныхъ операцій и до извѣстной степени исключалось прикрытіе займовъ. Установить подобное разграниченіе важно было не только по каноническимъ соображеніямъ, но и по причинамъ экономической жизни и тогдашняго значенія векселя въ торговомъ оборотѣ и на международномъ рынкѣ, гдѣ онъ котировался какъ товаръ и имѣлъ свой собственный курсъ. Ярмарка же вызвала къ жизни и акцептъ векселя съ самостоятельной отвѣтственностью акцептанта. Раньше мы видѣли, что принявшіе на себя посредничество въ уплатѣ или полученіи не обладали никакими правами по векселю. Они исполняли лишь данное имъ порученіе векселедателемъ или пріобрѣтателемъ. Но условія торговой жизни измѣнили эту природу, установивъ по одной подписи переходъ не только извѣстнаго рода дѣйствій, но и правъ и обязанностей по векселю отъ одного лица къ другому, признавая уполномоченныхъ участниками самой вексельной сдѣлки. И это понятно, такъ какъ передача вексельныхъ правъ по общегражданскому основанію (цессіи) сопряжена съ рядомъ затрудненій, а выдача полномочія на какое-либо дѣйствіе, требовала особой довѣренности или соотвѣтствующаго указанія въ текстѣ векселя. Не говоря уже о томъ, что не всегда удавалось подыскать такое лицо въ сравнительно короткій періодъ времени отъ выдачи векселя до времени платежа,—могли произойти и невольныя измѣненія въ дѣятельности уполномоченныхъ, а потому направлять къ нимъ платежи невозможно. Наконецъ, о такихъ измѣненіяхъ стороны могли и не знать и тогда положеніе векселепріобрѣтателя становилось затруднительнымъ, а для мѣнялы оно вредно отражалось на его

ЦАБ "Автограф"
май 2021

дѣятельности и кредитѣ. Уже тогда, поэтому, намѣчалась необходимость заранѣе выяснить,—будетъ ли произведенъ платежъ по векселю намѣченнымъ лицомъ и сохраняетъ ли онъ эту обязанность до установленнаго срока. А все это можно было опредѣлить и окончательно установить путемъ акцепта.

Въ до ярмарочный періодъ такого акцепта выразиться опредѣленно не могло, такъ какъ тогда вексель имѣлъ мѣновое назначеніе. Но съ развитіемъ ярмарочной торговли, на которой главнымъ образомъ сосредоточивался взаимный разсчетъ и вслѣдствіе указанныхъ ограниченій каноническаго права, потребность въ переводномъ векселѣ настолько возрасла, что акцептъ становился необходимымъ его атрибутомъ. Какъ выдавшему переводный вексель, такъ и принявшему его въ платежъ прежде всего важно было знать — будетъ ли онъ принятъ къ платежу третьимъ лицомъ, какъ должникомъ векселедателя. Для лицъ торговой дѣятельности необходимо выяснить это обстоятельство еще и потому,—чтобы навѣрное располагать такимъ векселемъ, какъ платежнымъ средствомъ; а съ другой стороны и векселедателю не безинтересно знать—освобожденъ ли онъ отъ обязанности платить по выданному векселю и не пришлось бы ему неожиданно обременять свой торговый бюджетъ вслѣдствіе отказа отъ принятія третьяго лица и при томъ его должника. Но какъ же все это выяснить, какъ ни путемъ акцепта? Поэтому-то, принявшій переводный вексель, спѣшилъ предъявить его указанному лицу и если послѣдній его подписывалъ, то этимъ самымъ принималъ на себя обязанности въ платежѣ.

Акцептъ допускался не только на самомъ векселѣ, но и въ особомъ письмѣ и даже словесно, но непремѣнно при свидѣтеляхъ. Въ случаѣ же отказа трассата отъ принятія векселя къ платежу путемъ акцепта или отсутствія его изъ указаннаго мѣста, допускалось посредничество постороннихъ лицъ, технически называвшееся въ данномъ случаѣ «акцептомъ за честь», при чемъ посредничество допускалось какъ со стороны трассата, такъ и со стороны презентанта и не только до протеста, но и послѣ его.

Подобно посредничеству за честь по отношенію акцепта векселя, допускалось посредничество и по отношенію къ платежу, технически называвшееся «посредничество въ платежѣ». Основанія того и другого посредничества тѣ же. Если платежъ не производился со стороны акцепта или векселедателя простого векселя, то за честь ихъ вступались постороннія лица и таковой производился ими изъ своихъ собственныхъ средствъ. Но, уплатившій деньги по векселю, посредникъ за честь пользовался правомъ регресса, т. е. обратнаго требованія уплоченной суммы съ процентами и издержками, становясь какъ бы собственникомъ выкупленнаго векселя.

IV.

Какъ ни простъ самъ по себѣ акцептъ, тѣмъ не менѣе онъ вызывалъ и вызываетъ немало споровъ въ вексельной литературѣ. И въ настоящее время послѣдствія непринятія векселя къ акцепту не во всѣхъ законодательствахъ разрѣшены одинаково. Такъ, въ случаѣ непринятія векселя акцептантомъ или его несостоятельности,—векселедержатель въ большинствѣ западно-европейскихъ государствахъ вправѣ потребовать отъ векселедателя или соотвѣтствующаго обезпеченія, или же немедленной уплаты слѣдуемой по векселю суммы (Германія, Бельгія, Швейцарія, Италія и др.). Въ Россіи это правило выражено въ 100 ст. Новаго Вексельнаго Устава 1903 г.

По своему свойству акцептъ возможенъ исключительно въ отношеніи переводныхъ векселей, такъ какъ въ простыхъ моментъ предъявленія векселя къ платежу

ЦАБ "Автограф"
май 2021

совпадаетъ съ моментомъ окончательной ликвидаціи всѣхъ правоотношеній по векселю. Простые векселя какъ бы акцептуются въ моментъ ихъ выдачи, если только можно въ отношеніи ихъ вообще говорить объ акцептѣ.

Но и по переводнымъ векселямъ не всегда допускается акцептъ. Напр., акцептъ невозможенъ по векселямъ, выданнымъ собственному приказу. Здѣсь акцептъ означалъ бы удостовѣреніе такого факта или устанавливалъ бы такія послѣдствія, выполненіе которыхъ находится въ зависимости отъ собственной воли. Недопустимъ акцептъ и по векселямъ, срокомъ по предъявленію. Въ этихъ векселяхъ моментомъ платежа всегда является моментъ предъявленія векселя, слѣдовательно неоплата векселя по предъявленію, будетъ равносильна непринятію его къ акцепту.

Возникалъ и еще окончательно не разрѣшенъ вопросъ объ обязанности векселедержателя предъявлять вексель къ акцепту. Въ этомъ отношеніи заинтересованъ не только векселедержатель но, какъ указано, и векселедатель. На западѣ данный вопросъ представляетъ особенный интересъ для векселедателя, еще и потому, что тамъ, въ случаѣ непринятія, допускается право досрочнаго требованія платежа отъ векселедателя. Этого правила держится до сего времени Англійское вексельное право. Оно присуще было и нашему старому Вексельному Уставу, по которому векселедержатель обязывался въ 24 часа, или по крайней мѣрѣ на другой же день по полученіи векселя, предъявить его къ акцепту, за исключеніемъ праздничныхъ, а для евреевъ и субботнихъ дней (ст. 31 Уст. 1893 г.). Въ остальныхъ странахъ запада, а равно и по Русскому Вексельному Уставу 1903 года, векселедержатель вправѣ, но не обязанъ, предъявлять вексель къ акцепту (ст. 91 Векс. Уст. 1903 г.).

Никакого срока для предъявленія векселя къ акцепту современныя законодательства не устанавливаютъ. Поэтому акцептъ можетъ быть учиненъ въ теченіи всего періода отъ полученія векселя до срока платежа. Лишь ярмарочныя векселя предъявляются не раньше наступленія самой ярмарки (ст. 92 Векс. Уст.). По смыслу 98-й ст. того же Устава акцептъ допустимъ и послѣ срока платежа съ одинаковой отвѣтственностью акцептанта такъ же, какъ если бы онъ принятъ былъ до наступленія срока. Разница въ послѣдствіяхъ при несостоятельности и проч. При распредѣленіи претензій, правильный акцептъ всегда будетъ предпочтенъ конкурснымъ управленіемъ акцепту послѣсрочному.

Форма акцепта весьма разнообразна и ни одно законодательство не пыталось ее опредѣлить. Акцептъ можетъ быть не только на лицевой сторонѣ векселя, но и на оборотѣ, лишь бы онъ не сливался съ бланковой надписью. Напр. «принятъ», «отвѣчаю» и даже одна подпись вполнѣ достаточна для акцепта. Однако, если допущено какое нибудь отрицательное выраженіе въ формѣ: «какъ же, ждите», или «посмотримъ», то такой акцептъ долженъ почитаться не принятымъ, хотя бы онъ и сопровождался собственноручной подписью акцептанта. Но если не допустимъ условный акцептъ, то вполнѣ возможенъ акцептъ частичный. Это признается и нашимъ Вексельнымъ Уставомъ 1903 г. и западно-европейскимъ законодательствомъ. По ст. 93 Устава акцептантъ можетъ принять вексель въ полной или частичной суммѣ, но никакихъ другихъ уклоненій не допускается. Въ этомъ случаѣ онъ оговариваетъ, что принято въ такой-то суммѣ и подпись. Зачеркнутая подпись акцептанта даетъ основаніе считать акцептъ не принятымъ.

Не требуется также какой-либо отмѣтки о времени учиненія акцепта. Послѣдняя однако имѣетъ весьма важное значеніе, какъ напр., при установленіи вексельной дѣеспособности акцептанта и проч. Вексель предъявляется къ акцепту въ томъ мѣстѣ,

ЦАБ "Автограф" май 2021

какое обозначено на немъ, но, само собою разумѣется, онъ можетъ быть предъявленъ и во всякомъ другомъ, если акцептантъ противъ этого не возражаетъ.

По предъявленіи векселя векселедержателемъ, плательщикъ обязанъ акцептовать его въ 24 часа, въ противномъ случаѣ вексель можетъ быть представленъ къ протесту съ послѣдствіями для векселедателя—въ видѣ досрочнаго удовлетворенія или въ представленіи соотвѣтствующаго обезпеченія (ст. 97 Векс. Уст.).

Но не рѣдки случаи, когда ко времени предъявленія векселя къ акцепту плательщику, послѣдняго уже нѣтъ въ живыхъ. Тогда не исключается возможность акцепта его наслѣдниками, которые, въ силу преемственности правъ по имуществу наслѣдателя, принимаютъ на себя и его обязательства. Вексельный кредиторъ, принимая переводный вексель въ уплату, не знаетъ да и не желаетъ знать назначеннаго векселедателемъ плательщика. Но, получивъ акцептъ, онъ вдругъ узнаетъ, что акцептантъ человѣкъ не кредитоспособный и настолько некредитоспособенъ, что еще до наступленія срока ясно, что платежа отъ него не послѣдуетъ. Возникаетъ вопросъ — обязанъ ли векселедержатель ждать наступленія срока, или же, согласно 100 ст. Векс. Уст. 1903 г., онъ вправѣ потребовать досрочнаго платежа отъ векселедателя?—Вопросъ этотъ разрѣшается почти всѣми западно-европейскими законодательствами въ томъ смыслѣ, что векселедержатель не обязанъ ждать наступленія срока, разъ онъ убѣдился въ неоплатности акцептанта (Германія, Англія, Франція, Италія и др.). Однако, отъ векселедержателя требуется, чтобы онъ установилъ фактъ наступившей неоплатности акцептанта, а не индосантовъ, удостовѣривъ его протестомъ. Отсюда слѣдуетъ, что на западѣ существуетъ кромѣ обычныхъ протестовъ, еще протестъ въ неоплатности. Наше законодательство никакого другого протеста, кромѣ какъ въ непринятіи къ акцепту или въ неплатежѣ, что возможно лишь при наступленіи срока, не допускаетъ, а потому у насъ недопустимо и досрочное удовлетвореніе векселедателемъ векселедержателя при наличности у послѣдняго предположенія въ болѣе или менѣе основательной неоплатности акцептанта (ст. 38 Векс. Уст.). По смыслу нашего Устава (ст. 96) съ принятіемъ векселя, акцептантъ считается принявшимъ на себя обязанность въ платежѣ той суммы, которая обозначена въ векселѣ. Онъ подлежитъ отвѣтственности по своему акцепту и передъ векселедателемъ, если не произведетъ платежа въ срокъ, но самъ никакими вексельными правами на него не располагаетъ.

Векселедатель переводнаго векселя конечно остается отвѣтственнымъ передъ векселедержателемъ не только въ акцептѣ, но и въ платежѣ акцептованной суммы. Однако, въ случаѣ непринятія векселя къ акцепту и упущенія протеста, онъ остается отвѣтственнымъ передъ векселедержателемъ лишь въ теченіе *года*—со дня наступленія времени платежа по векселю, и то въ томъ случаѣ, если *не докажетъ*, что у акцептанта въ то время было имущество на удовлетвореніе векселедержателя и что онъ, чрезъ упущеніе протеста, по своей винѣ лишился своевременнаго удовлетворенія. Слѣдовательно, если всѣ эти обстоятельства имъ будутъ доказаны, то и отвѣтственность его, очевидно, отпадаетъ (ст. 99 Векс. Уст.).

V.

Вторымъ факторомъ въ исторіи развитія векселя является индосаментъ, который произвелъ въ вексельномъ обращеніи цѣлый переворотъ.

Появленіе индосамента относится къ началу XVII вѣка подъ вліяніемъ ярмарокъ въ Южной Франціи. Вызванъ онъ необходимостью наиболѣе свободнаго, быстраго и безпрепятственнаго обращенія векселя въ торговомъ оборотѣ. Въ это

ЦАБ "Автограф" май 2021

время вексель какъ бы перекочевываетъ изъ своей старой родины Италіи—въ страну живой торговой дѣятельности—Францію, принявъ иной видъ и иную подвижность. Поэтому и разработка индосамента принадлежитъ уже не Италіи, а Франціи, каковая съ этого времени начинаетъ все больше и больше обращать вниманіе на этотъ интересный экономическій документъ.

Относительно Италіи надо вообще замѣтить, что въ дальнѣйшемъ развитіи векселя, она уже не принимала такого активнаго участія, какъ это было въ средніе вѣка. Вся его юридическая и другая разработка принадлежитъ Франціи и Германіи, къ постановленіямъ которыхъ, какъ мы ниже увидимъ, остальныя государства или присоединялись, или же незначительно измѣняли ихъ.

Съ установленіемъ переводнаго векселя, если за презентантомъ признавалось право самостоятельнаго требованія платежа по векселю и передача его на основаніи выраженія «приказу», то съ введеніемъ индосамента уже не было надобности указывать новаго пріобрѣтателя, а равно отмѣчать объ этомъ въ текстѣ самаго векселя или въ особомъ увѣдомительномъ письмѣ.

Освободивъ отъ этого несомнѣнно стѣснительнаго ограниченія въ сферѣ передаваемости векселя, дальнѣйшая передача его по индосаменту выражалась въ томъ, что на оборотѣ векселя ставились однѣ лишь подписи, а для обозначенія дальнѣйшаго пріобрѣтателя оставлялось мѣсто (бланкъ), куда и вписывалось то лицо или фирма, которымъ передавался вексель въ собственность. Такъ возникли два вида передаточныхъ надписей: бланковая, когда ставится одна подпись безъ обозначенія имени пріобрѣтателя, и именная, когда оно указывалось опредѣленно.

Хотя появленіе индосамента и встрѣчено было недружелюбно, особенно банкирами, тѣмъ не менѣе потребности торговаго оборота взяли верхъ. Благодаря индосаменту вексель поднялся до такой высоты, на которой могли стоять только денежные знаки. Не даромъ его называли «купеческими деньгами». И дѣйствительно, векселями производились различные платежи, подъ векселя оказывался разный кредитъ и векселя же являлись средствомъ перевода денежныхъ суммъ изъ одной мѣстности въ другую.

Съ другой стороны, надо замѣтить, что повысившееся значеніе векселя въ торговомъ оборотѣ, его до извѣстной степени абстрактный характеръ—вызвалъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ ограниченій, измѣнивъ и дополнивъ самый реквизитъ. И, понятно, по справедливому замѣчанію проф. Федорова «пока вексельныя права принадлежали лишь ременту или презентанту, — правовыя отношенія между всѣми причастными къ вексельному обязательству лицами могли регулироваться началами общаго гражданскаго права, нормирующаго всякаго рода сдѣлки вообще». Но съ введеніемъ индосамента открылся широкій доступъ для вступленія въ вексельныя сдѣлки не только тѣмъ, которые имѣли дѣловую надобность въ этомъ, но и совершенно постороннимъ лицамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ дѣловой жизни. Поэтому, прежде всего обращено было вниманіе на выработку внѣшнихъ формъ векселя, которыя служили исключительнымъ источникомъ, какъ правъ векселепріобрѣтателя, такъ и возраженій вексельнаго должника. Съ этой цѣлью въ XVII и XVIII вѣкахъ вексельныя законоположенія подверглись существенному измѣненію. Прежде всего было признано необходимымъ установить письменную форму, такъ какъ, какъ указано выше, не только акцептъ и передаточныя надписи, но и самый вексель иногда совершался словесно, что въ данное время уже представлялось немыслимымъ. Затѣмъ, чтобы устранить злоупотребленіе векселемъ для цѣлей скрытаго займа и проч., вексельная мѣтка, т.-е. наименованіе обязательства векселемъ,

ЦКБ "Автограф" май 2021

стала необходимымъ условіемъ. Далѣе установлено, какъ существенныя принадлежности векселя, указаніе векселеприобрѣтателя, т. е. лица, приказу котораго выдается векселъ; означеніе прописью вексельной суммы съ указаніемъ монеты; срокъ уплаты; помѣтка въ полученіи валюты деньгами или товаромъ, или же въ счетъ; время и мѣсто выдачи векселя; надпись векселедателя, а для переводныхъ векселей—означеніе трассата. Съ введеніемъ индосамента не обошлось также и безъ вліянія на вексельную правоспособность. Такому ограниченію прежде всего подвергались: женщины вообще, мужчины до 25 лѣтняго возраста, духовные, крестьяне, военные, учащіе и учащіеся лица, живущіе при родителяхъ, поденщики, ремесленники и проч.

Изъ даннаго перечня ограниченія видно, что въ этотъ періодъ векселъ предназначался законодателемъ для лицъ, занимающихся торговымъ промысломъ. По этому и самое ограниченіе, повидимому, было вызвано соображеніями этого рода, такъ какъ коснулось оно такихъ лицъ, которыя по своему возрастному, профессіональному и соціальному положеніямъ менѣе всего могли заниматься коммерческой дѣятельностью, и лишь впослѣдствіи, съ развитіемъ торговли и участіемъ въ ней женщинъ, вексельная правоспособность была распространена и на нихъ, если, разумѣется, онѣ въ дѣйствительности занимались таковой.

Помимо разныхъ ограниченій вексельной правоспособности и состава вексельнаго реквизита, измѣнились и самыя юридическія основанія вексельныхъ сдѣлокъ. Если до индосамента вексельныя правоотношенія возникали изъ договора, предметомъ котораго являлась выдача векселя, то при индосаментѣ эти правоотношенія уже вытекали изъ текста самаго векселя, право передачи котораго стало присуще каждому векселю, независимо отъ указанія объ этомъ въ вексельномъ текстѣ (Германія). Другими словами, юридическая сила этого акта заключалась не въ обособленномъ соглашеніи, а въ самомъ его существѣ, если текстъ удовлетворялъ требованіямъ закона. И, наконецъ, послѣднее обстоятельство, вызванное индосаментомъ въ связи съ измѣненіемъ вексельныхъ законоположеній, поставило на очередь вопросъ о мѣстѣ и времени разсчета по векселямъ. Появилось стремленіе сосредоточить эти платежи въ опредѣленномъ мѣстѣ, куда стекались бы въ назначенное время заинтересованныя въ этомъ лица, а такъ какъ этого трудно было достичь безъ какого-либо посредничества и притомъ такого, которое было бы способно производить зачеты по векселямъ, то естественно этой цѣли могли удовлетворять только банки. Въ этихъ банкахъ купцы имѣли текущіе счета, почему и самый разсчетъ по векселямъ производился большею частью бухгалтерскимъ способомъ, списывая со счета вексельнаго должника на счетъ кредитора причитающуюся сумму. Но и здѣсь, какъ и при акцептѣ, не обошлось безъ «посредничества за честь», устанавливаемое заранѣе. Помѣтка о такомъ посредничествѣ дѣлалась чаще всего на особомъ листѣ, дабы не дескридитировать непосредственнаго должника по векселю. Поэтому, въ случаѣ отсутствія должника изъ мѣста разсчета или неплатежа имъ по какимъ либо другимъ причинамъ,—соотвѣтствующее требованіе вексельнымъ кредиторомъ направлялось къ посредникамъ за честь, каковые и производили удовлетвореніе изъ своихъ собственныхъ средствъ, сохраняя право регресснаго требованія не только къ лицу, за честь котораго произведенъ платежъ, но и къ трассанту и индосантамъ, если отвѣтственность ихъ предшествовала отвѣтственности лица, за честь котораго посредникъ вступился.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

VI.

Вопросъ о юридической природѣ индосамента въ свое время подвергался различнымъ опредѣленіямъ. Въ XVII вѣкѣ одинъ французскій юристъ Потье доказывалъ, что индосаментъ есть договоръ обмѣна, въ силу котораго индосантъ, съ уплатой валюты, пріобрѣталъ право на полученіе этихъ денегъ впослѣдствіи. Отсюда Потье выводилъ полное юридическое сходство между первоначальной выдачей векселя со всѣми послѣдующими передачами по индосаменту, такъ какъ въ каждомъ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, совершался самостоятельный договоръ. Противъ этой теоріи другіе его соотечественники возражали, указывая, что индосаментъ—есть цессія, т. е. передача правъ и обязанностей отъ одного лица къ другому, или въ лучшемъ случаѣ поручительство. Однако, теорія Потье нашла себѣ поддержку въ Германіи, гдѣ Тёль, развивая мысль Потье, въ свою очередь доказывалъ, что индосаментъ представляетъ изъ себя новое обязательство, лишь скрытое въ прежнемъ векселѣ, такъ какъ при индосаментѣ, какъ и при всякой выдачѣ новаго векселя, требуются тѣ же условія и почти тотъ же вексельный реквизитъ. Такой взглядъ въ общемъ раздѣляется и Италіей *).

Въ настоящее время теорія Потье, дополненная Тёлемъ, считается наиболѣе правильной и индосаментъ разсматривается, какъ новое обязательство.

Новая теорія о векселѣ придала ему въ это время принадлежностное свойство передаваемости.

Правда, сначала по французскому вексельному праву требовалось обозначеніе передаваемости выраженіемъ «приказу» въ текстѣ самаго векселя, но затѣмъ германское право это обозначеніе отмѣнило, сообщивъ такимъ образомъ векселю присущую ему передаваемость. Къ этой точкѣ зрѣнія присоединились и другіе законодательства. Въ современномъ ученіи о векселѣ вопросъ о присущей векселю передаваемости уже не вызываетъ никакихъ споровъ и сомнѣній. Онъ раздѣляется и нашимъ вексельнымъ правомъ. По ст. 17-й Векс. Уст. 1903 г. первый пріобрѣтатель векселя вправѣ передать его въ собственность другому лицу; такое же право имѣетъ и каждый послѣдующій пріобрѣтатель векселя. Но этотъ же законъ допускаетъ и нѣкотораго рода ограниченіе въ области передаваемости, поставивъ данное ограниченіе въ зависимости отъ воли векселедателя или бланконадписателя. Какъ первый, такъ и второй могутъ воспретить передачу. Практически это ограниченіе выражается векселедателемъ въ извѣстномъ выраженіи: «безъ оборота на меня» (ст. 22 Векс. Уст.). Но такое ограниченіе имѣетъ примѣненіе лишь въ отношеніи того лица, кѣмъ передача воспрещена и оно не распространяется на послѣдующихъ надписателей, если они въ огражденіе себя никакого ограниченія не установили. Поэтому, хотя бы векселедержатель и передалъ такой вексель по бланковой или другой надписи,—чрезъ это вексель по дѣйствующему праву, не можетъ быть признанъ не дѣйствительнымъ. Въ этомъ случаѣ нельзя лишь обратить послѣдующему векселедержателю свое вексельное требованіе къ векселедателю, такъ какъ послѣдній, въ силу ограничительной оговорки, отвѣчаетъ исключительно передъ тѣмъ лицомъ, кому имъ вексель выданъ.

Въ этомъ вопросѣ наше право примкнуло къ итальянскому, которое также разрѣшаетъ ограничительную передачу. Исключеніе составляетъ германское право.

*) Шершеневичъ, Курсъ торг. права, т. III, стр. 84.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

Оно положительно воспрещаетъ дальнѣйшую передачу, если въ текстѣ векселя или надписи выражено векселедателемъ или однимъ изъ предшествующихъ надписателей подобное ограниченіе.

Мы уже говорили, что по индосаменту вексель составляетъ собственность новаго пріобрѣтателя. Поэтому юридическія послѣдствія передачи таковы, что, во-первыхъ, оно сообщаетъ векселедержателю право требовать удовлетворенія отъ всѣхъ предшествующихъ участниковъ, а, во-вторыхъ, налагаетъ на него самого отвѣтственность въ платежѣ передъ всѣми послѣдующими надписателями, кому онъ передаетъ и если онъ не оговоритъ безоборотности на себя.

Возникалъ вопросъ о времени передачи векселя по бланковой надписи, главнымъ образомъ въ его предѣльности. По русскому праву никакого ограниченія въ этомъ отношеніи не установлено. У насъ, слѣдовательно, передача возможна не только до срока платежа, но и послѣ таковаго, и не смотря на то,—протестованъ вексель или нѣтъ. По ст. 56 Устава 1903 г., если передача учинена послѣ протеста или вообще по истеченіи срока, то такіе надписатели лишь не подлежатъ обратной отвѣтственности, но сами, очевидно, сохраняютъ право требовать удовлетворенія.

Вексель конечно можетъ быть выданъ и не одному лицу, а нѣсколькимъ пріобрѣтателямъ; спрашивается, однако, какимъ образомъ можетъ быть совершена передача и можетъ ли быть вексель переданъ по бланковой надписи не одному лицу? По смыслу 17 ст. Векс. Уст. эти вопросы разрѣшаются въ удовлетворительномъ смыслѣ. Законъ воспрещаетъ лишь дробленія вексельной суммы и ничего не имѣетъ противъ соединенія векселедержателей.

Никакой формы для передаточной надписи не установлено, но практикой освящена передача ввидѣ одной подписи, если передача предъявительская, или съ обозначеніемъ имени пріобрѣтателя, если она именная. Но относительно мѣста надписи, нашъ новый уставъ требуетъ, чтобы таковая совершалась обязательно на обратной сторонѣ; исключеніе составляетъ первая именная надпись, которая можетъ быть начата и на лицевой. Если вексель уже весь исписанъ, то дозволяется продолжать передаточныя надписи на добавочномъ листѣ, но съ тѣмъ, чтобы самая надпись, не умѣщающаяся на векселѣ, начиналась все же на оборотной его сторонѣ (ст. 19 Векс. уст. 1903 г.). Поэтому, надпись учиненная на лицевой сторонѣ, по нашему праву признается недѣйствительной. Но въ Германіи и Франціи, лицевая бланковая надпись сохраняетъ свою вексельную силу, лишь бы она была подписана самимъ бланконадписателемъ и не оспорена въ подлинности.

VII.

Какъ извѣстно, первоначальный вексель развивался на началахъ обычнаго права. Но съ развитіемъ его въ правовомъ и экономическомъ отношеніяхъ, онъ пріобрѣталъ все большее и большее значеніе вплоть до универсальнаго характера. Если въ среднихъ вѣкахъ вексельныя отношенія могли нормироваться общимъ гражданскимъ правомъ, то послѣдующій ростъ векселя предъявилъ требованіе на самостоятельное существованіе, вылившись въ форму обособленнаго обязательства. Прежняя нотаріальная квитанція или удостовѣреніе, выдаваемое мѣнялой въ полученіи денегъ для обмѣна, если и имѣла какое-либо значеніе, то скорѣе процессуальнаго характера. Это видно изъ того, что раньше вексельныя сдѣлки совершались словесно, при свидѣтеляхъ. Слѣдовательно, основная цѣль всего этого заключалась въ необходимости доказать самый взносъ денегъ мѣнялѣ для опредѣленной цѣли, а вовсе

ЦАВ "Автограф" май 2021

не для того, чтобы установить какой-нибудь юридическій институтъ этого рода правоотношеній. Договорная теорія въ періодъ развитія векселя оказалась уже мало примѣнимой, особенно какъ мы видѣли съ введеніемъ индосамента, когда вексель получилъ свободное и безпрепятственное обращеніе въ торговомъ оборотѣ. Въ это время всѣ права и обязанности по векселю стали вытекать не изъ общегражданской нормы, а изъ специфической природы самаго векселя, а потому все, что внѣ этого условія, чуждо было вексельному обязательству. Къ тому же, съ развитіемъ экономической жизни и международнаго значенія векселя особенно подъ вліяніемъ банковскихъ операцій послѣдняго времени, важно было установить однообразный типъ векселя для того, чтобы онъ получилъ вездѣ по возможности одинаковое юридическое значеніе. Разумѣется, это лишь формальная сторона векселя. Матеріальныя отношенія, какъ мы знаемъ, часто были чужды вексельному обязательству, такъ какъ подъ ними скрывались нерѣдко съ разнообразными цѣлями совершенно иного рода сдѣлки, какъ, напримѣръ, заемъ подъ проценты, преслѣдовавшійся тогда каноническимъ правомъ, измѣненіе подсудности ярмарочнымъ судамъ и проч. Поэтому, еще въ XVII вѣкѣ, законодатель обратилъ серьезное вниманіе на вексель. Такъ: 23-го марта 1673 года во Франціи появляется первый вексельный законъ (ордонансъ) въ которомъ сдѣлана первая попытка кодифицировать вексельныя постановленія. Но и здѣсь жизнь обнаружила рядъ существенныхъ пробѣловъ, уйдя далеко впередъ отъ тѣхъ формъ и принциповъ, которые только что были безспорными. Для устраненія этихъ пробѣловъ и для приведенія въ соотвѣтствіе вексельныхъ постановленій съ жизненными потребностями, въ 1808 году изданъ въ той же Франціи новый торговый кодексъ, подъ наименованіемъ «Code de Commerce».—Въ немъ собственно приведены главныя начала ордонанса 1673 года.

Основныя начала Французскаго вексельнаго закона заключались въ слѣдующемъ: 1, вексельная правоспособность распространена была на женщинъ и на несовершеннолѣтнихъ, занимающихся торговлей; 2, хотя вексельная мѣтка и не требовалась, но валюта непремѣнно указывалась въ томъ или другомъ видѣ; 3, необходимо было также указаніе о полученіи валюты и въ передаточной надписи, иначе индосаментъ не имѣлъ значенія передачи векселя въ собственность другого лица; 4, самое уполномочіе на передачу векселя требовалось въ видѣ отмѣтки въ текстѣ словомъ «приказу»; 5, бланковый индосаментъ сохранялъ за собой значеніе лишь препоручительной надписи; 6, неправильность въ означеніи имени, мѣста выдачи, мѣста платежа и проч. лишала вексель силы вексельнаго обязательства, превращая его въ простую долговую росписку; 7, главнымъ должникомъ по векселю въ силу этого закона являлся векселедатель въ простомъ и акцептантъ въ переводномъ векселѣ; 9, во всѣхъ случаяхъ установлена письменная форма; 10, вѣрность платежа обезпечивалась солидарной отвѣтственностью всѣхъ подписавшихъ вексель; 11, отсрочки и обожданія (граціонные дни) не допускались, чѣмъ достигалась быстрота въ платежѣ, не исключая векселей срокомъ по предъявленію; 12, для погашенія отвѣтственности, какъ векселедателя, такъ и надписателей, установлена вексельная давность.

Изъ всего этого видно, что, хотя во французскомъ законодательствѣ вексель и приближается къ самостоятельному обязательству, сила котораго заключается въ письменномъ текстѣ, тѣмъ не менѣе по существу оно продолжаетъ смотрѣть на вексель, какъ на договоръ со всѣми его послѣдствіями. Благодаря простотѣ, ясности и, главнымъ образомъ, расширенію вексельной правоспособности,—французское вексельное право получило довольно широкое распространеніе и послужило образцомъ для многихъ европейскихъ законодательствъ. Тѣмъ не менѣе надо замѣтить, что

ЦАБ "Автограф" май 2021

отсутствіе правилъ на разныя случайности, установленная необходимость различія мѣста выдачи и мѣста платежа переводнаго векселя, а равно непризнаніе бланковыхъ надписей (индосаментовъ) какъ передачи векселя въ собственность и проч.,— все это дѣлало французскій вексель несовершеннымъ и неспособнымъ къ быстрому, свободному и безпрепятственному обращенію. Особенное неудобство французскаго векселя заключалось въ томъ, что право регресса предоставлялось не всякому индосатору, а лишь векселедержателю и тому, кто произвелъ платежъ по векселю. Но такое постановленіе противорѣчило тому воззрѣнію, которое завоевалъ себѣ вексель со времени введенія индосамента и тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ онъ былъ вызванъ къ жизни. Какъ указано, съ появленіемъ индосамента, измѣнилась и юридическая природа векселя. Сила его стала коренится не въ договорномъ началѣ, а въ формѣ. Послѣдствіемъ этого, вексель лишенъ былъ прежняго характера, какъ долговаго обязательства, возникшаго изъ торговаго оборота; пали и сопряженныя съ симъ ограниченія вексельной правоспособности. Французское законодательство поэтому, сдѣлавъ значительный шагъ впередъ, не освободило однако вексель отъ указанныхъ ограниченій. «Новой эрой,—говоритъ проф. Федоровъ,—въ воззрѣніи на юридическую характеристику вексельнаго обязательства, выразилось въ признаніи принципа, что добросовѣстный индосаторъ пріобрѣтаетъ права по векселю совершенно самостоятельно, даже въ томъ случаѣ, если бы индосантъ этими правами совсѣмъ не обладалъ». И дѣйствительно, въ 1848 году появляется Общегерманскій вексельный уставъ, введенный въ дѣйствіе съ 1 мая 1849 года. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ политическихъ обстоятельствъ, а равно и составному характеру Германской Имперіи, этотъ уставъ сталъ являть различнаго рода неудобства, какъ въ области примѣненія, такъ и въ области однообразнаго толкованія въ судахъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Въ этихъ видахъ только что изданный вексельный уставъ подвергся сначала въ Нюрнбергской комиссіи 1856 года, а затѣмъ Лейпцигской конференціи 1869 года существенному измѣненію и лишь въ 1870 году введенъ былъ новый вексельный законъ для всего сѣверогерманскаго союза. Нѣсколько позже онъ былъ введенъ и въ остальныхъ частяхъ Германіи. По германскому вексельному праву этой эпохи, вексель дѣлается абстрактнымъ обязательствомъ, указаніе валюты признано излишнимъ, передаваемость векселя сдѣлалась присущей каждому векселю, независимо отъ указанія въ текстѣ; всѣ провоотношенія по векселю заключались въ его текстѣ, а потому и возраженія допускались лишь такія, которыя вытекали изъ вексельныхъ постановленій; переводные векселя получили полное уравненіе съ простыми; право регресса предоставлено усмотрѣнію векселедержателя; личное задержаніе отмѣнено; впрочемъ это жестокое средство понужденія къ платежу вексельнаго должника въ половинѣ XIX столѣтія отмѣнено и во Франціи, Австріи и Англіи, а самый процессъ взысканія включенъ въ общее судопроизводство. Такимъ образомъ, германскій вексель составляетъ единственную основу обязательства и притомъ односторонняго. Права и обязанности участвующихъ въ векселѣ лицъ (векселедатель, акцептантъ, индосаторы и проч.) вполнѣ самостоятельны. Все это дѣлало германскій вексель необыкновенно свободнымъ въ обращеніи, а самое германское вексельное право, въ силу указанныхъ преимуществъ, не могло не оказать весьма значительнаго вліянія на развитіе вексельныхъ законовъ и другихъ государствъ. Нѣкоторымъ особнякомъ осталось лишь англійское вексельное право. Въ Англіи вообще писаныхъ законовъ мало. Тамъ до сихъ поръ преобладаетъ обычай, прецедентъ, парламентскіе акты, судебная практика и литература. По англійскому вексельному закону 1882 года вексель собственно сближается съ чекомъ и можетъ быть выданъ на предъявителя.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

Не возбраняется указывать проценты и допускается условный акцептъ. Протестъ хотя и возможенъ, но не обязателенъ. Вексельной мѣтки, указанія валюты вовсе не требуется и вообще, надо замѣтить, формальная сторона англійскаго векселя предоставлена заинтересованнымъ лицамъ, а равно и опредѣленіе составныхъ его частей. Поэтому, согласно названному закону 1882 года, вексельная правоспособность въ Англіи признается за всѣми способными принимать на себя обязательства вообще. Въ отличіе отъ германскаго векселя, гдѣ граціонные дни не допускаются,—въ англійскомъ опредѣляются тремя днями.

VIII.

Въ своихъ главныхъ основаніяхъ англійское вексельное право примѣнено въ вексельныхъ законахъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ имѣются лишь законы по нѣкоторымъ вексельнымъ вопросамъ.

Въ остальныхъ западно-европейскихъ государствахъ вексельное право собственно зиждится на началахъ французскаго или германскаго права, а потому намъ нѣтъ особенной надобности на нихъ останавливаться подробно. Для полноты обзора достаточно будетъ привести ихъ основныя начала со ссылкой на источники, а отсюда уже легко будетъ опредѣлить и общій типъ векселя того или другого государства. Отправной точкой зрѣнія въ этомъ вопросѣ, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ, мы беремъ книгу проф. Федорова (Исторія векселя), гдѣ съ достаточной полнотой приведены вексельные законы почти всѣхъ западно-европейскихъ государствъ съ дополненіями и періодическими измѣненіями. Для болѣе широкаго ознакомленія съ исторіей векселя, мы отсылаемъ интересующихся именно къ этой книгѣ, гдѣ много матеріала по этому вопросу и притомъ въ весьма сжатой формѣ. Въ наши же задачи историческій обзоръ входитъ въ видѣ предпосылки къ другого рода вопросу, а потому мы останавливались на немъ въ болѣе общихъ и краткихъ выраженіяхъ.

Въ *Австріи* дѣйствуетъ общегерманскій вексельный уставъ за исключеніемъ Босніи и Герцеговины, слѣдовательно, здѣсь цѣликомъ сохранены начала германскаго вексельнаго права.

Въ *Венгріи* —по политическимъ соображеніямъ германскій уставъ въ 1861 г. отмѣненъ и введенъ новый въ 1876 году по началамъ опять таки германскаго вексельнаго права.

Въ *Бельгіи*—сначала дѣйствовалъ французскій Code de Commerce 1807 года, а затѣмъ въ 1872 году изданъ новый вексельный уставъ примѣнительно къ началамъ германскаго права, но съ сохраненіемъ извѣстнаго вліянія и французскаго. Такимъ образомъ, въ Бельгіи вексельный законъ можно назвать смѣшаннымъ по началамъ французскаго и германскаго вексельнаго права. Законъ 1872 года былъ въ частности измѣненъ въ 1877 году; затѣмъ въ 1879 году и кромѣ того королевскимъ постановленіемъ 1879 года съ сохраненіемъ однако прежнихъ основныхъ началъ.

Въ *Италіи*—до изданія торговаго уложенія 1882 года дѣйствовалъ торговый кодексъ, построенный по уложенію Сардиніи 1842 года на началахъ французскаго права, а въ уложеніи 1882 года преобладаетъ, на оборотъ, германское.

Въ *Испаніи*—торговый кодексъ 1829 года замѣненъ уложеніемъ 1885 года, въ которомъ проведены начала французскаго права.

Въ *Португаліи* — сначала дѣйствовало торговое уложеніе 1833 года с измѣненіями по закону 1810 года, а затѣмъ въ 1888 году издано новое уложеніе по основнымъ положеніямъ испанскаго, а, слѣдовательно, и французскаго права.

НАБ "Автограф" май 2021

Въ *Швейцаріи*—въ нѣкоторыхъ кантонахъ не было вовсе вексельныхъ законовъ, въ другихъ были по германскимъ началамъ, а въ третьихъ по французскому Code de Commerce. Но въ 1881 году изданъ союзный законъ по основнымъ началамъ германскаго вексельнаго права.

Въ *Даніи, Швеціи и Норвегіи*—до изданія, такъ называемаго скандинавскаго вексельнаго устава 1880 года, дѣйствовали въ каждомъ государствѣ свои особенные вексельные законы. Въ Даніи 1825 и 1843 года, въ Швеціи вексельный уставъ 1851 года, а въ Норвегіи законы 1818 года, 1830 и 1842 годовъ. Современный вексельный уставъ изданъ по началамъ германскаго права.

Въ *Голландіи* — торговое уложеніе 1838 г. построено по началамъ французскаго права.

Въ *Румыніи*—сначала дѣйствовало уложеніе 1840 года, изданное для Валахіи, а съ 1863 г. распространенное и на Молдавію. Въ 1877 г. издано торговое уложеніе по началамъ французскаго права.

Въ *Сербіи*—въ 1860 году издано гражданское торговое уложеніе по принципамъ французскаго Code de Commerce, и лишь съ нѣкоторымъ заимствованіемъ изъ положеній германскаго права.

Въ *Турціи* — торговое уложеніе 1850 года измѣнено закономъ 1860 года по началамъ французскаго вексельнаго права.

Въ *Болгаріи*—находятъ примѣненіе турецкія вексельныя постановленія, французскаго права.

Въ *Греціи*—въ 1835 году издано торговое уложеніе по началамъ турецкаго, а, слѣдовательно, и французскаго вексельнаго права. Съ 1866 года греческое уложеніе распространено и на Іоническіе острова.

IX.

Въ *Россіи* вексель появился благодаря сношенію съ нѣмецкими купцами, какъ полагаютъ, въ концѣ XVII вѣка; поэтому онъ носитъ всѣ типическія черты германскаго вексельнаго права. Русскій вексель съ полнымъ основаніемъ можно назвать—векселемъ германскаго происхожденія, такъ какъ въ то время, когда на западѣ совершенствовались вексельныя постановленія, у насъ въ Россіи вексель даже былъ неизвѣстенъ и лишь въ царствованіе Петра I онъ появляется въ качествѣ средства перевода денегъ изъ одной мѣстности въ другую на содержаніе арміи. Преимущества вексельнаго перевода оказались настолько значительными,—какъ для казны, такъ и для частныхъ лицъ торговой дѣятельности, что съ цѣлью развитія вексельнаго обращенія при Петрѣ II выработанъ и 16 мая 1729 года изданъ спеціальный вексельный уставъ съ двойнымъ текстомъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Предполагаютъ, что и самый уставъ выработанъ однимъ Лейпцигскимъ проф. по порученію русскаго правительства, но это предположеніе, хотя и вѣроятное, не доказано. Названный вексельный уставъ дѣлится на три части: I—«о настоящихъ купеческихъ векселяхъ»; II—«о векселяхъ на казенныя деньги» и III—«о формахъ и толкованіи».—Соотвѣтственно тогдашнимъ переводнымъ операціямъ, главное вниманіе обращено было не на простой вексель, а на переводный. Въ сущности, русскій вексель являлся въ значительной степени воспроизведеніемъ германскаго. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, сила векселя заключалась въ текстѣ его, сохраненъ безспорный характеръ, указаніе о срокѣ, о протестѣ, объ акцептѣ, индосаментѣ и проч. атрибутахъ, не исключая посредничества за честь. Обязываться векселями дозво-

ЦАБ "Автограф"
май 2021

лось не только купечеству, но и всѣмъ проч. лицамъ, которыя соприкасались такъ или иначе съ торговой дѣятельностью.

Въ XVIII столѣтіи подвергается коренному пересмотру вопросъ о вексельной дѣеспособности. Желая удержать нѣкоторые классы, отъ вексельныхъ сдѣлокъ, главнымъ образомъ, крестьянство, подъ видомъ которыхъ совершались и процентные займы,—въ 1740 году издается указъ, которымъ воспрещается вступать въ вексельныя операціи, крестьянамъ, дворянамъ и другимъ лицамъ, не имѣющимъ прямого отношенія съ купечествомъ въ торговыхъ сношеніяхъ. Однако, въ 1814 году торгующимъ крестьянамъ дано разрѣшеніе брать на свое имя векселя, но безъ оборота на себя, а равно безъ права выдачи векселей отъ своего имени. Вексельный Уставъ 1729 года просуществовалъ около 100 лѣтъ и, конечно, въ силу уже своего престарѣлаго возраста пересталъ удовлетворять потребностямъ жизни. По этому 25 іюня 1832 года изданъ былъ новый вексельный уставъ, но по началамъ уже не германскаго, а французскаго вексельнаго права. Сохранивъ частью прежнія основанія, новый уставъ требовалъ указанія валюты, а передаваемость должна была обусловливаться въ текстѣ векселя словомъ «приказу такого-то». Но весьма скоро и этотъ уставъ обнаружилъ цѣлый рядъ пробѣловъ и дѣловыхъ неудобствъ, тормозившихъ свободное обращеніе векселя въ торговомъ оборотѣ. Въ 1847 году 12-го ноября состоялось Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ вексельнаго законодательства и о составленіи проэкта новаго вексельнаго устава. И съ этого времени русскій вексельный законъ постигаетъ рѣдкое въ исторіи законодательствъ несчастье. Обычныя комиссіи, разнаго рода вѣянія, заключенія, измѣненія, дополненія и проч. сдѣлали то, что новый вексельный уставъ вырабатывался 30 лѣтъ,—и такъ и остался невыработаннымъ, удовлетворившись 3-го декабря 1862 года незначительной поправкой къ старому уставу 1832 года въ отдѣлѣ о вексельной дѣеспособности. По этому измѣненію къ вексельнымъ операціямъ допущены были всѣ достигшіе гражданской правоспособности, за исключеніемъ опять таки крестьянъ, не имѣющихъ недвижимости или торговыхъ свидѣтельствъ, лицъ духовнаго званія всѣхъ вѣроисповѣданій, нижнихъ чиновъ, замужнихъ женщинъ безъ согласія мужей и неотдѣленныхъ дѣвицъ, безъ согласія родителей, если онѣ не ведутъ торговлю отъ собственнаго имени.

Любопытна въ этомъ отношеніи исторія составленія и развитія проэкта вексельнаго устава разными комиссіями и совѣщаніями. Такъ: 12 ноября 1847 года состоялось Рысочайшее повелѣніе II-му отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи о пересмотрѣ вексельнаго законодательства. Въ исполненіи сего въ 1860 году былъ составленъ проэктъ устава о векселяхъ по началамъ общегерманскаго вексельнаго права 1848 года. Но послѣ обсужденія въ биржевыхъ комитетахъ, коммерческихъ и мануфактурныхъ совѣтахъ, а равно въ коммерческихъ судахъ,—этотъ уставъ видоизмѣненъ и въ 1866 году замѣненъ новымъ въ редакціи, согласно замѣчаніямъ указанныхъ учрежденій. Обсуждая этотъ видоизмѣненный уставъ, представители торговаго класса и свѣдующія лица сдѣлали новыя замѣчанія въ томъ направленіи, чтобы вексель могъ служить международному сношенію и въ такомъ видѣ, выработанный въ 1880 году новый проэктъ, поступилъ на разсмотрѣніе министерства финансовъ и юстиціи. Здѣсь онъ снова подвергся коренной переработкѣ. Издана была на русскомъ языкѣ терминологія вексельныхъ уставовъ почти всѣхъ западно-европейскихъ государствъ. Въ результатѣ, въ 1881 и въ 1882 годахъ, образовалось особое совѣщаніе для обсужденія данныхъ предположеній, которое и установило новую редакцію проэкта. Но на бѣду, въ 1882 году,

ЦАБ "Автограф"
май 2021

появляются англійскій вексельный уставъ, итальянское торговое уложеніе и проэктъ голландскаго вексельнаго закона и, только что выработанный проэктъ, вновь поступаетъ на разсмотрѣніе консультаціи при министрѣ юстиціи.

Посыпались новые отзывы, новыя замѣчанія и проэктъ опять подвергается измѣненію и лишь въ 1884 году получаетъ окончательную редакцію. Въ этой редакціи представляется въ Государственный Совѣтъ, а въ 1886 году, туда же представлены дополнительныя постановленія, какъ процессуальнаго, такъ и матеріальнаго характера. Надо замѣтить, что въ началѣ 1890 года въ Государственный Совѣтъ представленъ былъ со стороны министра финансовъ свой проэктъ, но ни онъ, ни ранѣе представленные проэкты не удостоились утвержденія.

Въ 1895 году въ Государственный Совѣтъ вносится рядъ новыхъ проэктовъ, но ихъ постигаетъ та же участь, какъ и предшественниковъ. Такимъ образомъ, не смотря на цѣлый рядъ проэктовъ, въ дѣйствіи такъ и остался уставъ о векселяхъ 1832 года съ измѣненіемъ 3 декабря 1862 года, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта. Это измѣненіе главнымъ образомъ коснулось вексельной дѣеспособности до предѣловъ общегражданской, за исключеніемъ вышеуказанныхъ сословій. Что касается до Царства Польскаго и Финляндіи, то въ первомъ,—оставленъ Code de Commerce, а, во второй, русскіе законы вообще не распространяемы.

Въ такомъ видѣ вексельный уставъ дѣйствовалъ до девятисотыхъ годовъ, пока 27 мая 1902 г. не былъ утвержденъ новый дѣйствующій вексельный уставъ, который введенъ съ 1-го января 1903 года. Отличительными особенностями этого послѣдняго устава—его абстрактность. Не въ примѣръ прежнему, новый уставъ не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ о валютности и проч. Отмѣтка въ полученіи валюты въ томъ или другомъ видѣ признана совершенно излишней, ибо разъ векселъ выданъ, слѣдовательно было и основаніе этой выдачѣ. Въ прежнемъ Уставѣ право передачи обусловливалось выраженіемъ: «приказу». Въ новомъ передаваемость стала присущей каждому векселю, и самое слово «приказу», выпущено изъ текста векселя. Такъ называемые дни обожданія, или какъ принято называть «граціонные дни»,—также отмѣнены.

Но вмѣстѣ съ этими нововведеніями въ интересахъ свободнаго и безпрепятственнаго обращенія векселя, потребовалась по новому Уставу наибольшая матеріальная строгость. Малѣйшія отступленія отъ выраженнаго требованія въ ст. 3-й новаго Вексельнаго Устава 1903 г., дѣлаютъ векселъ, какъ таковой, не дѣйствительнымъ, превращая его въ простое долговое обязательство общегражданскаго характера со всѣми послѣдствіями. (Ст. 14 Векс. Уст.).

Этотъ Уставъ носитъ всѣ слѣды вліянія Германскаго Вексельнаго права, которое, впрочемъ, замѣчается еще при составленіи проектовъ. На Царство Польское и Финляндію онъ и въ данномъ видѣ не распространяется.

Какъ видно изъ приведеннаго выше, вексельное законодательство интересуетъ всѣ культурныя государства. Имъ много времени занималась Германія, Франція, Италія и др. Въ настоящее время надъ выработкой международнаго вексельнаго права работаетъ особый институтъ, который еще въ 1882—1885 г.г. выработалъ проэктъ «Общеевропейскаго Вексельнаго Устава». Въ Сентябрѣ 1908 года по иниціативѣ Германіи и Италіи въ Гаагѣ собиралась конференція по вопросу объ объединеніи вексельнаго права.

Таковы въ общемъ историческія перспективы этого важнаго въ экономической жизни акта и таковъ его международный интересъ. Вполнѣ понятно поэтому стрем-

ЦАБ "Автограф"
май 2021

леніе законодателей и науки разработать возможно полнѣе правовые принципы векселя и опредѣлить юридически его отдѣльныя проявленія въ дѣловой жизни.

Останавливаясь на историческомъ ростѣ векселя, мы хотѣли дать связанное представленіе съ отдѣльными видами вексельныхъ сдѣлокъ и съ тѣми бытовыми условіями, въ которыхъ возникали онѣ. Эти бытовыя условія, особенно важны въ опредѣленіи правоваго положенія дружескихъ и бронзовыхъ векселей, такъ какъ только его потребностями и объясняется появленіе ихъ въ жизни. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ юридическому обоснованію даннаго вопроса, мы и позволимъ себѣ остановиться на этихъ условіяхъ, чтобы затѣмъ послѣдовательно перейти уже къ окончательному выводу.

X.

Въ области быта, какъ и въ исторіи развитія векселя вообще, намъ придется вновь вернутся въ далекое прошлое и посмотрѣть, какъ тамъ возникали и слагались однородныя явленія съ затронутымъ нами вопросомъ. Это необходимо сдѣлать еще и потому, что не только самый вексель, но и отдѣльныя его виды возникали въ тѣхъ же условіяхъ, совершенствуясь по мѣрѣ развитія экономической жизни и культурнаго роста народовъ. Такъ было съ формой векселя, акцептомъ, индосаментомъ, посредничествомъ и проч. Наиболѣе родственнымъ явленіемъ дружескимъ векселямъ надлежитъ признать — „посредничество за честь“. Какъ въ посредничествѣ, такъ и въ выдачѣ дружескаго векселя, предшествуетъ довѣріе одного лица къ другому, основанное или на близкомъ личномъ знакомствѣ, или же на особаго рода взаимныхъ отношеніяхъ. Разница лишь въ юридическихъ послѣдствіяхъ, но о нихъ скажемъ ниже.

Посредничество всѣхъ видовъ возникло сейчасъ же, какъ итальянскіе мѣнялы распространили свои операціи за предѣлы того города, гдѣ они находились сами, ибо люди все больше и больше нуждались въ обмѣнѣ денегъ одной монеты на другую за предѣлами своей осѣдлости. Необходимость въ сотрудничествѣ росла, а всякое сотрудничество уже само по себѣ усложняло отношенія. Поэтому, въ самомъ началѣ мѣновыхъ операцій, потребовались уполномоченные какъ на полученіе денегъ, такъ и на производство платежа. Посылая увѣдомительныя письма, мѣняла указывалъ лицо, которое должно было въ условленное время и условленной монетой произвести платежъ по выданной квитанціи. Но уже тогда встрѣчались случаи, когда такого лица въ указанномъ мѣстѣ не оказывалось и имѣющему право на полученіе денегъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ вернуться къ мѣнялѣ и потребовать уплаты или возврата внесенной суммы. Такія явленія, помимо своихъ неудобствъ, а часто и невозможности для векселеприобрѣтателя возвращаться обратно, подрывали финансовое значеніе мѣнялы и наносили ему матеріальный ущербъ. Во избѣжаніе подобныхъ послѣдствій, находились третьи лица, которыя производили платежъ. Но началомъ посредничества слѣдуетъ считать время появленія акцепта векселя. Здѣсь уже вексель получилъ кредитное значеніе и доведенъ до средства платежа.

Самое появленіе акцепта обусловливалось, какъ сказано, развитіемъ ярмарокъ, на которыхъ по большей части и сосредоточивался платежъ. Учрежденіе строгихъ ярмарочныхъ судовъ, усилило вниманіе къ вексельному обязательству не только самого должника, но и лицъ, знавшихъ его. Случалось и здѣсь, помимо его воли и желанія, онъ не успѣвалъ ни лично попасть въ мѣсто платежа или акцепта, ни сдѣлать соотвѣтствующаго распоряженія по этому поводу, или же просто упускалъ

ЦАБ "Автограф"
май 2021

это изъ виду. Между тѣмъ, за свою неаккуратность онъ подвергался весьма суровымъ послѣдствіямъ вплоть до личнаго задержанія и конфискаціи имущества въ пользу его кредитора. А о потерѣ кредита, нравственномъ страданіи нечего и говорить. И все это могло происходить на глазахъ у лицъ, хорошо его знающихъ,— какъ честнаго и кредитоспособнаго человѣка. Естественно, эти лица и вступались за честь такого должника и законодательство не могло имъ воспретить. По моменту, посредничества подраздѣлялись: на посредничество въ принятіи и посредничества въ платежѣ, а по основанію вступленія: на посредничество на случай, если оно векселедателемъ заранѣе предустановлено, и посредничество за честь, если оно выражалось по собственной иниціативѣ самого посредника. Всѣ эти посредничества можно свести къ одному основанію—въ силу личнаго или имущественнаго довѣрія не допустить данное лицо до указанныхъ послѣдствій. Тѣ или другія формы посредничества знаютъ почти всѣ западно-европейскія законодательства. Знаетъ и нашъ Новый Уставъ о векселяхъ 1903 года. Въ ст. 66 этого устава говорится, что „кромѣ посредниковъ, назначенныхъ въ самомъ векселѣ, могутъ быть и посредники, предлагающіе векселедержателю платежъ за честь каго-либо изъ подписателей... съ тѣмъ: 1) что посредничество за честь можетъ быть предложено до или во время совершенія протеста, но во всякомъ случаѣ до составленія акта о протестѣ (ст. 69) и 2) что посредникъ, производящій платежъ за честь, въ правѣ требовать означенія въ актѣ о протестѣ или въ дополненіи къ сему акту, за честь кого именно производится платежъ“. Такимъ образомъ, и посредничество заранѣе установленное и посредничество за честь допускается и нашимъ законодательствомъ, но съ условіемъ, чтобы таковое производилось до протеста векселя. И это понятно, потому, что съ момента протеста вексельный должникъ, такъ сказать, перечисляется въ разрядъ некредитоспособныхъ, а потому, посредничество явилось бы запоздалымъ. Правда, оно можетъ имѣть мѣсто и послѣ протеста, но въ такомъ видѣ посредникъ не сохраняетъ того значенія, которое предназначалось ему самой цѣлью посредничества. Но тутъ же надо отмѣтить, что въ современномъ вексельномъ оборотѣ посредничество въ той или иной формѣ составляетъ рѣдкое явленіе. Торговый міръ, въ охраненіи своего кредита, къ нему почти не прибѣгаетъ, а если и допускается матеріальная услуга, то въ менѣе видимой формѣ. Напр. путемъ займа, переписыванія векселя съ бланкомъ посредника и проч. Если оно и встрѣчается, то развѣ въ силу родственной связи, когда напр.богатый отецъ оплачиваетъ векселя промотавшагося сына, жена—векселя мужа и т. д., при чемъ эти векселя предаются уничтоженію и лишь въ исключительныхъ случаяхъ сохраняются въ какихъ-нибудь личныхъ соображеніяхъ.

Но вмѣсто посредничества, въ настоящее время сильно развивается выдача дружескихъ и бронзовыхъ векселей. Съ помощью перваго увеличиваютъ кредитъ, а если онъ упалъ, то возстанавливаютъ его, а съ помощью вторыхъ — лишаютъ законнаго кредитора возможности получить удовлетвореніе по своей претензіи. Насколько первая сдѣлка является законной, допустимой, — настолько вторая — незаконной и запрещенной. Но та и другая процвѣтаютъ, благодаря съ одной стороны векселю, какъ орудію кредита и средству платежа, а съ другой—его абстрактности и безспорности.

Такъ какъ каждая изъ этихъ сдѣлокъ вытекаетъ изъ различныхъ основаній и заключаетъ въ себѣ различныя цѣли, то мы и разсмотримъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности. Остановимся сначала на дружескихъ векселяхъ, какъ прежде всего входящихъ въ нашу задачу.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

XI.

Дружескіе векселя — есть несомнѣнное наслѣдіе посредничества. По крайней мѣрѣ, послѣднее обстоятельство соотвѣтствовало появленію перваго. Въ самомъ дѣлѣ, современная торгово-промышленная дѣятельность построена на кредитѣ. Нѣтъ предпріятія, которое въ той или иной формѣ не кредитовало бы другихъ и не кредитовалось бы само. Даже тѣ коллективныя фирмы, учрежденія въ формѣ акціонерной компаніи, товарищества на паяхъ, или въ формѣ торговыхъ домовъ полномъ и на вѣрѣ, — не спасаютъ свои предпріятія отъ кредита, хотя основной цѣлью ихъ учрежденія является—созданіе возможно большаго предпринимательнаго капитала. Да въ сущности говоря и не возможно обойтись безъ кредита коммерческому предпріятію. Вѣдь если собирается большой основной капиталъ, то соотвѣтственно сему развиваются и торговыя операціи. Здѣсь дѣйствуетъ неумолимый законъ коммерческаго разсчета и та экономическая формула, по которой слѣдуетъ—чѣмъ больше оборотъ, тѣмъ меньше расходы на оборотный рубль. Но, слѣдуя этому принципу, нѣкоторые предприниматели впадаютъ въ крайности. Въ тотъ или иной моментъ ему нуженъ кредитъ, а онъ уже истощенъ. Учетъ переполненъ, а наличность изсякла Надо добыть, или вѣрнѣе создать средства и таковыя создаются съ помощью добрыхъ друзей и знакомыхъ. Если у одного переполненъ кредитъ, то у другого въ данное время оказывается излишекъ и если одинъ нуждается въ платежномъ средствѣ, то другой охотно ему предоставляетъ свой дружескій вексель. И вотъ этотъ вексель учитывается въ банкѣ, выдается за товаръ и вообще пускается въ оборотномъ направленіи. Къ такого рода помощи прибѣгаютъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, но всѣ они будутъ сводится къ тому, чтобы съ помощью безвозмезднаго дружескаго векселя поддержать свой кредитъ, получить средства, избѣжать краха или временныхъ денежныхъ затрудненій, а такія затрудненія встрѣчаются у многихъ. Представимъ себѣ такой случай: у одного предпринимателя наступилъ періодъ заготовки, а слѣдовательно и значительныхъ расходовъ, тогда какъ другой реализируетъ запасы и располагаетъ возможностью оказать матеріальную услугу своему собрату. Наконецъ, для выдачи дружескаго векселя никакихъ періодовъ не существуетъ. Для осуществленія этой сдѣлки — нужны вексельная бумага и довѣріе, а перо всегда найдется.

Итакъ, какъ въ посредничествѣ всѣхъ видовъ, такъ и въ выдачѣ дружескаго векселя прежде всего предполагается довѣріе одного лица къ другому. Но вытекая изъ одного и того же основанія, эти отношенія совершенно не сходны между собой по юридическимъ послѣдствіямъ. Посредникъ за честь, уплативъ за вексельнаго должника валюту, пріобрѣтаетъ взамѣнъ этого самый вексель, по которому и получаетъ впослѣдствіи удовлетвореніе. Его право обратнаго требованія уплаченной суммы безспорно. Оно устанавливается векселемъ, гдѣ отмѣчено за кого произведенъ платежъ (66 Векс. Уст.). Другое положеніе векселедателя дружескаго векселя. Выдавая вексель, онъ часто ничего у себя не оставляетъ, да и оставить не можетъ, такъ какъ вексель — такой актъ, который свободно и безпрепятственно обращается въ гражданскомъ оборотѣ. Кромѣ того, онъ ограниченъ въ возраженіяхъ (ст. 33 Векс. Уст.). По наступленіи срока, дружескій векселедатель обязанъ произвести платежъ, если таковой не будетъ произведенъ векселепринимателемъ, иначе протестъ, а отсюда и всѣ кредитныя послѣдствія. Но пусть не оплатитъ векселепринимать дружескаго векселя, пусть произведетъ его векселедатель, но, спрашивается, гарантированъ ли онъ, векселедатель, въ томъ, что ему впослѣдствіи возвратятъ уплаченную сумму?

ЦАБ "Автограф" май 2021

Можетъ ли онъ принудить къ этому векселепринимателя? Конечно нѣтъ, если послѣдній не пожелаетъ добровольно заплатить, или векселедатель заранѣе не обезпечитъ себя тѣми или другими доказательствами по Вексельному Уставу.

Но тутъ возникаетъ еще болѣе сложный вопросъ. Каждый предприниматель обязанъ по роду своей торговли вести торговыя книги и содержать счетоводство въ полномъ порядкѣ (669 ст. Торг. Уст. изд. 1903 г.). Другими словами, торговыя книги должны быть ведены такъ, чтобы отражали дѣйствительное положеніе вещей въ каждый данный моментъ. Этотъ принципъ въ видѣ цѣли ставитъ себѣ и счетоводство. Но онъ кромѣ того имѣетъ и общественное значеніе, такъ какъ въ правильномъ веденіи счетоводства заинтересованы не только клієнты предпріятія, но и все общество, любой членъ котораго можетъ во всякое время войти въ составъ его клієнтовъ, а потому и возможнымъ собственникомъ той или другой части имущества предпринимателя. Наконецъ, въ этомъ заинтересовано и правосудіе, такъ какъ, по силѣ 232 Уст. Суд. Торг., книги отнесены къ особому ряду письменныхъ доказательствъ по торговымъ дѣламъ, а доказательства, какъ извѣстно, въ процессѣ имѣютъ рѣшающее значеніе. Спрашивается, какъ счетоводство проводитъ такіе векселя по своимъ книгамъ? Отмѣчаетъ ли оно въ нихъ, какъ особаго рода сдѣлку, или же заноситъ въ общій счетъ «векселей къ платежу»? Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ какъ практически совершается запись дружескихъ векселей и не знаемъ даже какого мнѣнія сами бухгалтеры держатся на этотъ вопросъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, мы имѣемъ основаніе предполагать, что одна часть этимъ вопросомъ живо интересуется, тогда какъ другая считаетъ ниже своего достоинства даже обсуждать его, считая дружескіе векселя явленіемъ противузаконнымъ.

Такое оригинальное разрѣшеніе столь важнаго вопроса очевидно основано ни недоразумѣніи или на явномъ непониманіи, что законъ считаетъ дозволеннымъ а недозволеннымъ. Разрѣшеніе подобнаго рода вопросовъ дѣйствительно требуетъ основательнаго знакомства съ правомъ,—но тогда—какъ же можно говорить о достоинствѣ, когда не разрѣшенъ вопросъ о степени познанія. Мы по этому поводу вообще думаемъ, что если бы вопросъ о дружескихъ векселяхъ и дѣйствительно являлся противузаконнымъ, то и тогда нѣтъ ничего унизительнаго выяснять его противузаконность и устанавливать тѣ признаки, по которымъ можно распознавать правомѣрныя вексельныя сдѣлки отъ неправомѣрныхъ. Это входитъ въ обязанность каждой компетенціи, если данный вопросъ входитъ въ кругъ ея вопросовъ. Во всякомъ случаѣ, подобное сужденіе о серьезныхъ вопросахъ характеризуетъ несерьезное отношеніе къ исключительнымъ явленіямъ жизни, что едвали увеличиваетъ достоинство человѣка и авторитетъ представителей данной отрасли знанія.

По вопросу о законности дѣйствій и сдѣлокъ надо вообще замѣтить, что то, что не запрещено закономъ, то признается дозволеннымъ. Въ сферѣ обязательственнаго права по Русскому гражданскому кодексу (ст. 1529, т. X, ч. I., Зак. Гр.) договоры недѣйствительны и обязательство ничтожно, если побудительная причинъ заключенію ихъ есть достиженіе цѣли, законами запрещенной, а именно: если договоръ клонится: 1, къ расторженію законнаго супружества; 2, къ подложному переукрѣпленію имѣнія во избѣжаніе платежа долговъ; 3, по лихоимству; 4, къ присвоенію частному лицу такого права, котораго онъ по состоянію своему имѣть не можетъ; 5, ко вреду государственной казны. Вотъ краткій перечень недозволенныхъ сдѣлокъ. При самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ ними нельзя не убѣдиться, что ни съ какой стороны дружескіе векселя къ нему не подходятъ. Ни лихоимственныхъ изворотовъ, ни подложнаго переукрѣпленія, ни присвоенія прав

ЦАВ "Автограф"
май 2021

состоянія, ни тѣмъ болѣе нарушенія государственныхъ интересовъ—въ этомъ типѣ сдѣлокъ не замѣчается. Государственная казна чрезъ дружескіе векселя не только ничего не теряетъ, но, на оборотъ, пріобрѣтаетъ по сбору за вексельную бумагу, а о лихаимствѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ дружескій векселедатель не только лихвенныхъ процентовъ, но вообще никакого эквивалента не получаетъ. Что же касается до вопроса о переукрѣпленіи имѣнія, то въ существѣ этой сдѣлки не заключается подобнаго элемента уже по одному тому, что дружескій вексель выдается въ предположеніи, что по нему платить не придется и въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно и не приходится.

Бываютъ сдѣлки недѣйствительными и по другому основанію, напр. по отсутствію воли у однаго изъ контрагентовъ, ограниченію въ правахъ и проч., но такіе сдѣлки недѣйствительны вообще, а не только въ отношеніи дружескихъ векселей.

Мы сознательно привели вопросъ о дружескихъ векселяхъ въ юридическое соотношеніе съ посредничествомъ за честь, чтобы этимъ показать, что и въ области вексельнаго права несомнѣнна законность первыхъ и возможность вторыхъ. Но намъ могутъ замѣтить, что въ вексельномъ законѣ о посредкичествѣ говорится, а о дружескихъ векселяхъ нѣтъ, а, слѣдовательно, выдача ихъ воспрещена. Отвѣтимъ заранѣе.

Во первыхъ, законъ никогда и нигдѣ не перечисляетъ всѣхъ совершаемыхъ сдѣлокъ въ государствѣ, которыхъ къ тому же и перечислить невозможно. Онъ лишь содержитъ въ себѣ рядъ указаній, необходимыхъ условій, при соблюденіи которыхъ только и можетъ та или другая сдѣлка почитаться правомѣрной, а заключенный договоръ для сторонъ обязательнымъ. А разъ нѣтъ въ законѣ запрещенія, дѣйствіе признается дозволеннымъ, хотя бы на это и не было особаго указанія.

Во вторыхъ, возможно не только то, что въ законѣ прямо указано, но и многое другое. Для легализаціи этого существуетъ практика, прецеденты, наука, общіе исходные принципы, которыми расширяется вообще облсать примѣненія закона и по которымъ распознается дозволенное отъ недозволеннаго, законное отъ запрещеннаго. Поэтому намъ болѣе понятны попытки той части счетоводовъ, которая стремится выяснить значеніе дружескихъ векселей и установить характеръ записи ихъ въ своихъ торговыхъ книгахъ. Мы вполнѣ понимаемъ практическую важность этого вопроса и не можемъ остаться равнодушнымъ къ нему.

XII.

И такъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ записывать дружескіе векселя въ торговыя книги, если слѣдуетъ, то какъ ихъ провести по книгамъ? Для болѣе правильнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо поставить на разрѣшеніе другой вопросъ, какимъ цѣлямъ служитъ счетоводство? И въ общепринятомъ понятіи, и въ счетоводной литературѣ обыкновенно говорятъ, что счетоводство служитъ цѣлямъ учета, выясненію истиннаго положенія торговыхъ дѣлъ и что оно ставитъ своей основной и главной задачей—*отраженіе дѣйствительности во всякій данный моментъ*. Это опредѣленіе, мы полагаемъ, въ общихъ своихъ чертахъ безспорно.

Но если счетоводство служитъ не только согласованію записей съ дѣйствительностью, но является и ея полнымъ отраженіемъ,—то нужно ли разрѣшать первый вопросъ—о необходимости записей дружескихъ векселей въ торговыхъ книгахъ? Намъ кажется, вопросъ этотъ ясенъ и безъ комментарій и онъ яснѣе всѣхъ и прежде всѣхъ—бухгалтеру, не говоря о томъ, что этого требуютъ и другіе интересы. Пред-

ЦАВ "Автограф"
май 2021

ставимъ себѣ, что предприниматель А выдалъ дружескій векселъ предпринимателю Б. Бухгалтеръ перваго въ свои книги такого векселя не записалъ, тогда какъ бухгалтеръ Б. поступилъ наоборотъ. Внѣ сомнѣнія, что книги послѣдняго ближе къ дѣйствительности. Но при наступленіи срока, Б отказался оплатить дружескій векселъ, полученный отъ А. Возникъ процессъ. Въ связи съ другимъ матеріаломъ, судъ постановилъ допросить въ качествѣ свидѣтеля бухгалтера дружескаго векселедателя въ разъясненіе того—былъ ли выданъ дружескій векселъ Б. Вмѣстѣ съ симъ постановленъ осмотръ торговыхъ книгъ А, какъ истца по данному вопросу. Вообразите только,—каково положеніе бухгалтера, который принужденъ будетъ показывать противъ собственныхъ своихъ книгъ? И судъ и стороны ему напремѣнно замѣтятъ,—отчего же онъ не отмѣтилъ въ своихъ книгахъ, что это векселъ дружескій, разъ онъ объ этомъ зналъ? И, конечно, къ его показанію отнесутся съ меньшимъ довѣріемъ, какъ противорѣчивому съ торговыми книгами.

Возьмемъ обратный случай между тѣми же А и Б, но съ той разницей, что выдачу дружескаго векселя отмѣтилъ бухгалтеръ А и не счелъ нужнымъ этого сдѣлать бухгалтеръ векселепринимателя Б. Возникъ также процессъ, такъ какъ Б заплатилъ по векселю деньги еще до срока, но забылъ зачеркнуть свой бланкъ, оставивъ векселъ у векселедержателя и получивъ взамѣнъ этого росписку неопредѣленнаго содержанія. Снова вызовъ бухгалтеровъ—и снова разнорѣчивыя показанія и полное несоотвѣтствіе записей въ торговыхъ книгахъ. Бухгалтеру Б, какъ не записавшему въ книги векселя, а слѣдовательно не отмѣтившему и платежа, придется устанавливать невозможное положеніе. Ему придется удостовѣрять, что векселъ дѣйствительно былъ полученъ отъ А, хотя онъ и не значится по книгамъ и что платежъ учиненъ, хотя и этого въ книгахъ нѣтъ. Помимо опасеній за результатъ процесса, не безъ большого смущенія бухгалтеръ будетъ созерцать созданное имъ же непримиримое противорѣчіе, а патронъ едва ли будетъ ему благодаренъ за такое странное веденіе счетоводства.

Такимъ образомъ ясно, что и по началамъ бухгалтеріи и по требованіямъ процессуальнаго права, и по чисто практическимъ соображеніямъ, операціи по дружескимъ векселямъ должны быть съ точностью занесены въ книги, какъ записывается всякая другая операція. И тотъ бухгалтеръ, который пренебрегаетъ подобной необходимостью, поступаетъ вдвойнѣ неправильно. Онъ, поступая такъ, нарушаетъ основныя правила собственной спеціальности и непростительно грѣшитъ противъ дѣйствительности. Но приведенными указаніями конечно не разрѣшается данный вопросъ во всей своей полнотѣ. Занести въ книги ту или другую операцію мало. Надо ее занести въ соотвѣтствующій счетъ и въ должномъ порядкѣ. Здѣсь поэтому возникаетъ новый вопросъ—въ какой счетъ относить операціи по дружескимъ векселямъ? Въ счетъ ли «векселей къ платежу» для векселедателя и къ «полученію» для векселепринимателя, или же въ какіе нибудь особые счета. Установивъ принципъ точности записей въ торговыхъ книгахъ вообще и полнаго соотвѣтствія ихъ съ дѣйствительностью въ особенности,—мы настаиваемъ на томъ, что бы операціи эти заносились въ особые счета и при томъ вполнѣ соотвѣтствующіе характеру и юридической природѣ данной сдѣлки. Противоположное мнѣніе привело бы насъ къ еще болѣе курьезнымъ результатамъ и поставило бы бухгалтера въ еще болѣе неудобное положеніе.

При записи выданныхъ дружескихъ векселей въ счетъ векселей къ платежу и при отказѣ дружескаго векселепринимателя отъ оплаты этого векселя, бухгалтеру опять-таки пришлось бы удостовѣрять обратное положеніе и не только противъ

ЦАВ "Автограф"
май 2021

отсутствія записи, а и вопреки той, которая собственноручно имъ или подъ его руководствомъ сдѣлана въ книгахъ. Въ первомъ случаѣ еще можно кое-какъ объяснить отсутствіе записей, сославшись на практикующійся обычай, но во второмъ— весьма трудно подыскать сколько нибудь извинительное основаніе. Но помимо всего этого не мало другихъ практическихъ неудобствъ переживаетъ такое счетоводство и оно, какъ хромой безъ костыля, не могло бы обойтись безъ памятныхъ записей въ отдѣльной книжкѣ или безъ карандашныхъ отмѣтокъ въ торговыхъ книгахъ въ видѣ той или другой условности.

Такимъ счетомъ могъ бы быть счетъ «Дружескихъ векселей», въ кредитъ котораго заносится выданный вексель съ одновременнымъ дебетованіемъ личнаго счета векселепринимателя. Запись эта можетъ быть мотивирована такимъ образомъ, что векселедателемъ, хотя и выданъ вексель, но онъ не подлежитъ оплатѣ изъ его средствъ, а потому и не можетъ быть отнесенъ въ общій счетъ «Векселей къ платежу». Его нельзя заносить и во всякій другой счетъ, такъ какъ онъ не будетъ соотвѣтствовать характеру другихъ записей, значащихся въ этомъ другомъ счетѣ. Дебетованіе личнаго счета дружескаго векселепринимателя будетъ вполнѣ соотвѣтствовать характеру его обязанности. Хотя онъ и получаетъ вексель, но для него по существу это не вексель къ полученію, а вексель къ платежу, такъ какъ, при наступленіи срока, ему придется оплачивать его изъ своихъ собственныхъ средствъ. Такова должна быть запись въ книгахъ дружескаго векселедателя.

При полученіи же обратно дружескаго векселя оплаченнымъ, надлежитъ на оборотъ кредитовать личный счетъ векселепринимателя и дебетовать счетъ «Дружескихъ векселей».

Что касается векселепринимателя, то онъ поступаетъ наоборотъ. Онъ дебетуетъ счетъ «Дружескихъ векселей» и кредитуетъ личный счетъ векселедателя по тѣмъ же основаніямъ, какія изложены выше. При учиненіи платежа,—кредитованіемъ счета «Дружескихъ векселей» и дебетованіемъ личнаго счета векселедателя, операція эта вполнѣ погашается.

Здѣсь можетъ возникнуть производный вопросъ—куда и какъ отнести полученные отъ учета векселя деньги или произведенный имъ платежъ? Оставаясь въ предѣлахъ указаннаго правила, очевидно, въ первомъ случаѣ придется дебетовать «счетъ кассы» на полученную сумму и кредитовать счетъ «Дружескихъ векселей»— и ни въ коемъ случаѣ не личный счетъ векселедателя, такъ какъ обязанность предъ нимъ еще въ этотъ моментъ не погашена, а во второмъ—дебетованіемъ соотвѣтствующаго счета (товара и проч.) съ непремѣннымъ кредитованіемъ того же счета «Дружескихъ векселей».

Также поступаетъ и векселедатель, если векселепринимать не оплатитъ дружескаго векселя. Онъ прежде всего дебетуетъ счетъ «Дружескихъ векселей», по которому отношенія ликвидируются и кредитуетъ счетъ кассы въ виду произведеннаго платежа. Останется не уррегулированнымъ личный счетъ векселепринимателя, что будетъ вполнѣ согласно съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Этотъ счетъ можетъ быть закрытъ тогда и въ томъ лишь случаѣ, если отъ векселепринимателя поступятъ деньги, которые потомъ должны быть записаны въ кредитъ его счета и дебетъ «Счета кассы», какъ пополненный расходъ.

Разумѣется здѣсь возможны различнаго рода варіаціи, но сколько бы ихъ не было и какого бы характера не возникали—онѣ должны быть подчинены въ томъ или другомъ видѣ основному правилу, обособленности счетовъ по такого рода операціямъ.

ЦАБ "Автограф" май 2021

Приведенными соображеніями устанавливается, что счетъ «Дружескихъ векселей»—есть счетъ переходный. Онъ открывается и закрывается съ наступленіемъ временныхъ событій и не носитъ жизненнаго характера. Поэтому, вмѣсто счета «Дружескихъ векселей», самое названіе котораго можетъ быть признано предпринимателемъ не желательнымъ по соображеніямъ коммерческаго свойства — можно рекомендовать счетъ «Переходящихъ суммъ», что также будетъ вполнѣ согласовано съ дѣйствительнымъ состояніемъ отношеній. Наконецъ, онъ можетъ быть скрытъ и подъ другимъ терминомъ, но непремѣнно открытъ и каждая выдача векселя записана.

Юридическое значеніе этого счета будетъ изложено въ ученіи о судебныхъ доказательствахъ, а теперь перейдемъ къ выясненію правовой природы самой сдѣлки и къ опредѣленію легальнаго существованія дружескихъ векселей.

Излагая данное правило, — мы имѣемъ въ виду исключительно векселедателя и векселепринимателя дружескихъ векселей; только въ ихъ книгахъ должны быть указаннаго вида записи, ибо защищаться противъ вексельнаго требованія возможне лишь, по ст. 33 Вексельнаго Устава, такими возраженіями, которыя или вытекаютъ изъ вексельныхъ постановленій, или же изъ непосредственныхъ отношеній участниковъ вексельнаго обязательства. Въ случаѣ отказа векселепринимателя отъ оплаты дружескаго векселя, векселедатель или бланконадписатель съ помощью подобной записи въ состояніи будетъ до извѣстной степени защищать свои интересы и это его единственное средство, такъ какъ, въ отношеніи правильно составленнаго векселя и въ срокъ предъявленнаго, никакія вексельныя постановленія не помогутъ. Что же касается до третьихъ лицъ, то они поступаютъ съ подобными векселями. на общемъ основаніи, ибо для нихъ это такіе же векселя, какъ и всѣ другіе

XIII.

Въ гражданскомъ правѣ всякая юридическая сдѣлка имѣетъ то или другое основаніе. Сдѣлки эти обычно возникаютъ вслѣдствіе какого либо договора, который по природѣ своей — есть соглашеніе воль двухъ или нѣсколькихъ лицъ, направленное на установленіе, измѣненіе или прекращеніе юридическихъ отношеній.

Предметомъ договора, въ качествѣ объектовъ гражданскаго права, бываютъ вещи и чужія дѣйствія, объединенныя подъ однимъ общимъ понятіемъ—*имущества*. Имущественныя блага, доступныя по своей природѣ и состоянію, владѣнію, пользованію и распоряженію человѣка законодательствами дѣлятся на различные виды. По Русскому праву основнымъ дѣленіемъ служатъ два: имущество *наличное* и имущество *долговое*. Подъ наличнымъ имуществомъ понимается такое имущество, которое въ данный моментъ находится въ фактическомъ распоряженіи собственника и которымъ онъ не только владѣетъ, но и пользуется для своихъ разнообразныхъ цѣлей— закладываетъ, отдаетъ въ наемъ и вообще проявляетъ свое господство надъ нимъ. Имущество же долговое, на оборотъ, не находится въ его фактическомъ обладаніи, а сохраняется лишь право на него, какъ на чужія дѣйствія.

Слѣдовательно, въ каждомъ такомъ договорѣ воля сторонъ должна быть выражена свободно, взаимно ими понята и направлена именно на измѣненіе юридическихъ отношеній. Договоровъ безцѣльныхъ въ юридическомъ представленіи не бываетъ. Эти условія составляютъ сущность всякаго договора и, только при наличности ихъ, послѣдніе становятся дѣйствительными и для сторонъ обязательными.

Излагая общую теорію договора, проф. Мейеръ говоритъ, что воля контрагентовъ составляетъ основаніе договора и въ этомъ смыслѣ нерѣдко называютъ до-

ЦАВ "Автограф"
май 2021

говоръ закономъ между частными лицами“ *). Но помимо свободнаго волеизъявленія, какъ основаніе договора, необходимо еще твердое и отчетливое уясненіе контрагентами всѣхъ условій его и полное познаніе самаго договорнаго объекта, составляющаго имущественную цѣль соглашенія.

Поэтому принужденіе,—какъ стѣсняющее свободное проявленіе воли въ извѣстномъ направленіи, обманъ,—какъ искусственно измѣняющій это направленіе воли, или даже ошибка въ предметѣ, качествѣ и условіи,—уже не составляютъ свободнаго и сознательнаго соглашенія, а потому заключенный договоръ не можетъ оставаться въ силѣ. Равнымъ образомъ, договоръ не почитается состоявшимся, если воля одного контрагента выражена въ одномъ направленіи, а воля другого—въ другомъ. Въ этомъ смыслѣ законъ предполагаетъ между ними полное тожество какъ по предмету и моменту соглашенія, такъ и относительно всѣхъ прочихъ условій договора, ибо лишь съ этого времени онъ воспринимаетъ обязательную силу для договорившихся сторонъ.

Надо однако замѣтить, что воля контрагентовъ на практикѣ выражается весьма различно и въ самой разнообразной формѣ. Въ то время, какъ одна сторона излагаетъ во всѣхъ подробностяхъ условія соглашенія, какъ основу своего волеизъявленія,—другая—однимъ словомъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, какъ напр. при акцептѣ векселя. Затѣмъ, для одного рода сдѣлокъ требуется письменная форма, иначе контрагентъ не приметъ сдѣланнаго предложенія, тогда какъ для другого—достаточно изустный волевой санкціи. Такъ, по крайней мѣрѣ, этотъ вопросъ разрѣшается всѣми западно-европейскимъ законодательствами, не исключая и Россіи.

По Русскому праву, для дѣйствительности договора, требуется, кромѣ свободнаго волеизъявленія, познанія условій и проч.,—еще соотвѣтствующая роду сдѣлки форма—словесная или письменная, при чемъ послѣдняя въ свою очередь дѣлится *на домашнюю*, когда актъ составляется на дому, *нотаріальную*, когда онъ является у нотаріуса, и *крѣпостную*, когда утверждается старшимъ нотаріусомъ и заносится въ такъ называемый реестръ крѣпостныхъ дѣлъ.

При продажѣ недвижимаго имѣнія, совершается купчая крѣпость, утверждается старшимъ нотаріусомъ и заносится въ соотвѣтствующій губернскій крѣпостной реестръ (ст. ст. 1417 и 1420 т. X, ч. I. Зак. Гр.). Внѣ этого порядка сдѣлки объявляются недѣйствительными и стороны возвращаются въ первобытное юридическое положеніе. Договоръ займа можетъ быть совершенъ и нотаріально, но онъ не будетъ ничтоженъ, если облеченъ въ домашнюю письменную форму, которая для него является во всякомъ случаѣ обязательной (тамъ же ст. 2031).

На оборотъ, сдѣлки на движимое имущество, личный и имущественный наемъ и цѣлый рядъ другихъ могутъ быть совершаемы и въ дѣйствительности въ большинствѣ случаевъ совершаются, словесно, не теряя чрезъ это свое юридическое значеніе и обязательную силу.

Относительно письменной формы надо вообще замѣтить, что она, являясь достояніемъ культуры,—больше всего и примѣняется въ культурныхъ государствахъ. Съ развитіемъ правосознанія, усложнилась и форма волеизъявленія, а, слѣдовательно, появилась тенденція запечетлѣвать каждое или возможное соглашеніе въ такой формѣ которая исключаетъ недоразумѣнія, разнорѣчія, споры и устойчивѣе по времени. Чаще всего письменная форма примѣняется къ имуществамъ цѣннымъ и въ кредитныхъ сдѣлкахъ. Но по проекту нашего Гражданскаго уложенія письменная форма вообще предпочитается и требуется тамъ, гдѣ нынѣ она не обязательна. Такъ

*) Мейеръ, Русск. Гражд. право, 399.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

сдѣлки на движимое имущество по дѣйствующему закону могутъ быть совершаемы словесно (ст. 711. т. X); по проекту же, продажа на сумму свыше 300 руб., должна быть удостовѣрена письменно, если, разумѣется, не сопровождается немедленной передачей проданнаго имущества (ст. 1728 проекта).

Всѣ договоры дѣлятся *на односторонніе и двухсторонніе.*

Въ первыхъ содержится лишь право одного контрагента требовать исполненія опредѣленныхъ дѣйствій отъ другого, тогда какъ у этого послѣдняго нѣтъ такого права къ своему контрагенту, а остается одна обязанность исполнить требуемое дѣйствіе. Таковъ договоръ займа. Въ немъ на должникѣ лежитъ обязанность уплатить занятую сумму денегъ; кредиторъ же, не неся такой обязанности передъ должникомъ, тѣмъ не менѣе сохраняетъ за собой право требовать этой уплаты. Таковъ по своей природѣ и вексель. Всякій векселедержатель располагаетъ правомъ требованія отъ вексельнаго должника уплаты вексельной валюты, чего у послѣдняго, кромѣ обязанности исполнить это требованіе,—нѣтъ. Это происходитъ потому, что кредиторъ выполняетъ свою обязанность при полученіи того или другого обязательственнаго документа, въ которомъ излишне указывать объ исполненной уже обязанности кредитора, но въ которомъ нельзя не опредѣлить обязанности должника, какъ еще не исполненнаго дѣйствія.

Въ договорахъ же двухсторонніхъ праву одного всегда соотвѣтствуетъ обязанность другого. При имущественномъ наймѣ, напр., домовладѣлецъ вправѣ требовать отъ своего контрагента платы арендныхъ денегъ, но онъ въ то же время и обязанъ передать послѣднему въ пользованіе условленное помѣщеніе. Или, если нанимателю законъ предоставляетъ право требовать отъ домовладѣльца нанятаго помѣщенія. то на него же налагается и соотвѣтствующая обязанность уплатить слѣдуемую домовладѣльцу сумму. Такими же признаками обусловливается и договоръ продажи. Покупщикъ, пріобрѣтая право на вещь, обязываетъ себя уплатить за нее условленную цѣну, а продавецъ, получивъ отъ покупщика за нее деньги обязанъ передать въ условленное время, а иногда и въ условленномъ мѣстѣ, но всегда условленнаго качества, а если таковое не опредѣлено, то не ниже средняго.

Но отъ односторонніхъ договоровъ надо отличать такъ называемыя односторонніе сдѣлки, которыя создаются волей одного лица, составляя лишь его дѣйствіе. Между тѣмъ, въ основаніи каждаго договора, въ томъ числѣ и односторонняго, всегда лежитъ воля двухъ или нѣсколькихъ лицъ, безъ чего не осуществимъ никакой договоръ. Въ томъ же договорѣ займа несомнѣнно предшествуетъ выдачѣ обязательства взаимное согласіе контрагентовъ, выражающееся обыкновенно въ томъ, что одна сторона беретъ у другой извѣстную сумму денегъ съ обязательствомъ уплатить ее въ извѣстное время, въ чемъ и выдаетъ соотвѣтствующій документъ. По тому же принципу взаимнаго согласія выдается и вексель, который не могъ бы появиться въ оборотѣ, если бы векселедатель не согласился его выдать, а векселедержатель — принять. И, наконецъ, это понятіе заключается и въ самомъ опредѣленіи договора, какъ соглашеніе воль двухъ или болѣе лицъ, о чемъ въ односторонніхъ сдѣлкахъ не можетъ быть и рѣчи.

XIV.

Возвращаясь къ обоснованію договоровъ, какъ основной причинѣ волеизъявленія контрагентовъ, прежде всего отмѣтимъ, что обоснованность въ различныхъ до-

ЦАВ "Автограф"
май 2021

говорахъ выражается весьма различно. Все зависитъ отъ той цѣли, какая преслѣдуется той или другой стороной. Въ договорахъ возмездныхъ обоснованіемъ соглашенія будетъ служить взаимная эквивалентность, въ противномъ случаѣ такой договоръ не дѣйствителенъ и обязательство ничтожно (ст.ст. 570, 574, 1528, 2014 т. X. ч. I, Зак. Гр.). Что же касается до договоровъ безвозмездныхъ, то, какъ во всякихъ актахъ щедрости, основаніемъ происхожденія ихъ служитъ воля одного лица, но воспринятая другими, какъ напр. въ духовномъ завѣщаніи, которое по существу есть законное объявленіе воли собственника о своемъ имуществѣ на случай смерти, или въ договорѣ даренія, по которому владѣлецъ свободно и по своему усмотрѣнію, даритъ благопріобрѣтенное движимое и недвижимое имущество за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ ограниченій относительно родоваго имѣнія (ст.ст. 1010 и 967, т. X Зак. Гр.). Впрочемъ на всемъ этомъ мы остановимся при разсмотрѣніи отдѣльныхъ договоровъ.

Въ договорѣ купли-продажи, или какъ совершенно правильно называетъ проектъ Гражданскаго Уложенія. —*продажа*, въ силу котораго одна сторона обязывается передать другой въ собственность движимое или недвижимое имущество, а эта послѣдняя, въ роли покупателя, уплатить соотвѣтствующую сумму денегъ,— основаніемъ служитъ взаимная матеріальная эквивалентность, ибо, продавая вещь, одинъ контрагентъ получаетъ отъ другого договорную плату, а этотъ другой— условленную вещь.

Въ запродажѣ, являющейся предвѣріемъ продажи, основаніемъ соглашенія представляются будущіе матеріальные интересы, осуществленіе коихъ, съ взаимнаго согласія, отложено лишь до опредѣленнаго срока.

Договоръ поставки,—есть въ сущности говоря, одинъ изъ видовъ отчужденія имущества, а потому весьма сходенъ по своей цѣли съ договоромъ продажи. Въ проектѣ Гражданскаго Уложенія поставки, какъ самостоятельнаго договора, не существуетъ. Она соединена съ продажей, что нельзя не признать вполнѣ правильнымъ (ст. 1724 проекта).

Въ силу договора поставки одна сторона обязывается передать другой въ собственность къ назначенному сроку опредѣленнаго рода и количества вещи, а другая уплачиваетъ также условленную сумму денегъ. Все отличіе, слѣдовательно, поставокъ отъ продажи заключается во времени исполненія. Въ продажѣ контрагента немедленно или въ непродолжительный срокъ приступаютъ къ исполненію договора, тогда какъ въ поставкѣ всегда предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительное время и во всякомъ случаѣ заранѣе опредѣленное для подготовки, а иногда и пріобрѣтенія предмета поставки, наличность котораго въ моменты соглашенія не обязательна.

По своему юридическому опредѣленію представляется также сходнымъ съ договоромъ поставки,—*договоръ подряда*. Если въ первомъ поставщикъ обязывается къ извѣстному сроку или постепенно доставить опредѣленныя вещи, то во второмъ— подрядчикъ своимъ личнымъ ижливеніемъ за свою отвѣтственностью и подъ своимъ руководствомъ въ сотрудничествѣ съ другими лицами исполнить условленное дѣйствіе, или какъ выражается законъ — предпріятіе. Разница въ предметахъ договоровъ. Содержаніе поставокъ будетъ вещь, а содержаніемъ подряда — наемный трудъ, такъ какъ трудъ лично обусловливалъ уже третій договоръ — личнаго найма.

ГАБ "Автограф" май 2021

Наше законодательство настолько сближаетъ эти два договора, что помѣщаетъ ихъ въ одной 1737 т. X статьѣ, формулируя слѣдующимъ образомъ: «подрядъ или поставка, — говоритъ означенная статья, — есть договоръ, по силѣ коего одна изъ вступившихъ въ оный сторонъ принимаетъ на себя обязательство исполнить своимъ иждивеніемъ предпріятіе, или поставить извѣстнаго рода вещи, а другая, въ пользу коей сіе производится, учинить за то денежный платежъ». Проектъ гражданскаго Уложенія, какъ указано, не только раздѣляетъ ихъ, выдѣляя подрядъ въ особый видъ сдѣлокъ (ст. 1971 Проекта), но поставку соединяетъ съ договоромъ продажи. Основаніемъ всѣхъ этихъ договоровъ, какъ имущественныхъ и возмездныхъ, — является взаимная эквивалентность.

Типичнымъ договоромъ имущественной равноцѣнности является *договоръ мѣны*. Здѣсь одна сторона передаетъ другой въ собственность какое либо движимое или недвижимое имущество, взамѣнъ котораго другая выдаетъ не деньги, а также имущество, равносильное по цѣнности или же съ нѣкоторой надбавкой. Договоръ мѣны отличается отъ договора продажи именно тѣмъ, что въ силу послѣдняго за вещь уплачиваются исключительно деньги, тогда какъ въ силу перваго происходитъ имущественный обмѣнъ, хотя свойство отчужденія того и другого имущества въ собственность остается тоже.

Мѣна въ сущности есть пережитокъ глубокой старины періода натуральнаго хозяйства. Тогда эквивалентомъ сдѣлки могли служить только вещи сообразно назрѣвшей потребности, такъ какъ громозкость, свойство нѣкоторыхъ вещей и цѣлый рядъ другихъ условій не давали возможности сдѣлкамъ вылиться въ какую либо иную форму. Съ развитіемъ же капиталистическаго строя, на почвѣ взаимнаго удовлетворенія потребностей, мѣна все больше и больше уступаетъ мѣсто другимъ видамъ имущественнаго отчужденія, какъ продажѣ, поставкѣ и проч., гдѣ цѣнность потребной вещи легко компенсируется денежными знаками. Поэтому мѣновыя операціи все рѣже и рѣже встрѣчаются въ гражданскомъ оборотѣ, хотя проектъ Гражданскаго Уложенія сохранилъ этотъ договоръ въ обязательственной части гражданскаго права и на будущее время (ст. 1781 Проекта).

Какъ и всѣ предыдущіе договоры, *заемъ* есть также возмездный договоръ, по которому одно лицо обязывается возвратить другому занятые у него деньги или другое замѣнимое имущество въ условленный срокъ. Предметомъ займа, могутъ быть слѣдовательно, не только деньги, но и всякое другое замѣнимое имущество.

Хотя нѣкоторые цивилисты (Побѣдоносцевъ) и находятъ, что занимать можно только деньги, но взглядъ этотъ опровергается повседневной практикой сельскаго общежитія. Въ деревнѣ обычно одинъ поселянинъ занимаетъ у другого хлѣбъ, овесъ, сѣно и другіе продукты хозяйственной необходимости, возвращая все это въ соотвѣтствующемъ количествѣ съ наступленіемъ нови.

Личный и имущественный наемъ — есть договоры, въ силу которыхъ одна сторона предоставляетъ другой въ срочное пользованіе за опредѣленное вознагражденіе — въ первомъ случаѣ свой трудъ, а, во второмъ, — условленное имущество. Договоры эти срочные, такъ какъ въ личномъ наймѣ безсрочный договоръ напомнилъ бы намъ горестныя времена рабства, а въ наймѣ имущественномъ — обратился бы въ одинъ изъ видовъ отчужденія, что въ наймѣ никогда не предполагается. Принципъ срочности отдѣляетъ имущественный наемъ отъ пожизненнаго пользованія, гдѣ имущество переходитъ волею завѣщателя иногда въ собственность одного и въ пожизненное пользованіе другого. Правда, по вопросу о срочности найма можно было бы замѣтить, что и человѣческая жизнь не безсрочна, но эта роковая истина въ дан-

ЦАВ "Автограф" май 2021

номъ случаѣ исключается болѣе общимъ правиломъ,—что ни что ни вѣчно на землѣ и пока тѣ или другіе вопросы касаются человѣка и его интересовъ, онъ не будетъ считать срочнымъ то, что граничитъ съ концомъ его жизни. Подчиняя все въ мірѣ своему господству, онъ не можетъ лишать себя права пользованія достояніемъ своей работы, а потому, естественно, устанавливаетъ такіе сроки, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ его жизненнымъ интересамъ. Поэтому, предѣльнымъ срокомъ имущественнаго найма установленъ 12 лѣтній срокъ (ст. 1692 т. X), а въ наймѣ личномъ—не свыше пяти лѣтъ, а если нанимающійся отпущенъ по паспорту или другому узаконенному виду на жительство, то не свыше срока этого вида (ст. ст. 2214 и 2216 т. X). Основаніемъ найма какъ имущественнаго, такъ и личнаго, является полагаемая за это возмездность.

Чтобы покончить съ обзоромъ договорныхъ отношеній и ихъ обоснованія, остановимся еще на двухъ — договорѣ даренія и договорѣ ссуды, имѣющихъ особенное значеніе для разрѣшенія вопроса о юридической природѣ отношеній по выдачѣ дружескихъ векселей.

Договоръ даренія—есть безвозмездный договоръ, въ силу котораго даритель еще при своей жизни передаетъ одаряемому въ собственность имущественную цѣнность, увеличивая этимъ составъ его имущества и соотвѣтственно сему уменьшая свое собственное.—Въ предыдущихъ договорахъ мы видѣли взаимную имущественную эквивалентность. Въ данномъ же договорѣ этотъ признакъ совершенно отсутствуетъ—и, тѣмъ не менѣе, дареніе продолжаетъ быть дѣйствительнымъ и для дарителя даже въ извѣстныхъ случаяхъ обязательнымъ. Съ момента даренія и перехода подареннаго имущества къ одаренному, послѣдній уже не можетъ быть лишенъ этого дара при отсутствіи указанныхъ въ законѣ условій. Онъ подвергается отобранію подареннаго имущества въ томъ только случаѣ, если проявитъ къ дарителю признаки неблагодарности: покушенія на его жизнь, причиненія ему побой, угрозы, оклеветаніе и проч. (ст. 974 т. X). Даръ такимъ образомъ является однимъ изъ актовъ щедрости и создается волей дарителя до-колѣ даръ этотъ не будетъ отвергнутъ одареннымъ. Поэтому, юридически даритель не можетъ осуществить своей воли, если не послѣдуетъ согласія одаряемаго на принятіе дара, а потому въ основѣ этого договора лежитъ такъ же, какъ и во многихъ другихъ, взаимное согласіе и лишь съ этого момента договоръ даренія почитается осуществившимся (ст. 973 т. X).

Договоръ даренія отличается отъ завѣщанія тѣмъ, что въ первомъ случаѣ собственникъ опредѣляетъ судьбу своего имущества еще при жизни, перенося на одаряемаго не только право собственности на подаренное имущество, но и передавая его въ фактическое обладаніе послѣдняго. Въ завѣщаніи же, наоборотъ, завѣщатель при жизни лишь намѣчаетъ своихъ будущихъ правопреемниковъ, которые приступаютъ къ осуществленію воли завѣщателя послѣ его смерти. Аналогиченъ по цѣли съ договоромъ даренія мало извѣстный—*договоръ въ пользу третьихъ лицъ*. Въ дѣйствующемъ гражданскомъ кодексѣ онъ совсѣмъ не упоминается, между тѣмъ существованіе его нельзя не вывести изъ смысла 1530 ст. т. X, по которой договаривающимся сторонамъ оставляется на волю включать въ договоръ, по обоюдному согласію и по ихъ усмотрѣнію, всякія условія, законамъ не противныя. Ничего противнаго закону въ договорахъ въ пользу третьихъ лицъ нѣтъ, ибо это есть тотъ-же—актъ щедрости одного или нѣсколькихъ лицъ, какъ и въ даренiи. Закономѣрность и возможность такого рода договоровъ признана и Прав. Сенатомъ (78/257 и др.). Какъ всякій договоръ,—договоръ въ пользу третьихъ лицъ, въ случаѣ неисполненія его, производитъ право требовать извѣстнаго удовлетворенія, не только

ИАЕ "Автограф" май 2021

для заключившаго его контрагента, но въ томъ числѣ и для третьяго лица, въ пользу котораго выговорены блага (ст. 693 т. X).

Исходя изъ практической необходимости, проектъ Гражданскаго Уложенія отводитъ договору въ пользу третьихъ лицъ самостоятельное мѣсто, формулируя его такимъ образомъ: «по договору, заключенному въ пользу третьяго лица, исполненія обязательствъ могутъ требовать какъ сторона, возложившая обязательство на должника, такъ и третье лицо» (ст. ст. 1589—1592 проекта).

Слѣдовательно, договоръ въ пользу третьихъ лицъ, — есть такой договоръ, который волею одного или нѣсколькихъ контрагентовъ договорнаго отношенія устанавливаетъ право на какое либо имущество для третьяго лица, если оно съ своей стороны изъявитъ на то согласіе. Другими словами, этотъ договоръ такъ же, какъ и дареніе осуществляется въ зависимости отъ воли третьяго лица и лишь съ этого момента почитается существующимъ (Р. С. 82/4).

Перейдемъ теперь къ договору ссуды. *Договоромъ ссуды* называется такой договоръ, по которому одно лицо (ссудодатель) уступаетъ другому (ссудопринимателю) въ срочное и безвозмездное пользованіе какое либо движимое имущество съ тѣмъ однако, чтобы оно возвращено было обратно въ томъ же состояніи, въ какомъ было получено. Здѣсь уже недостаточно одного согласія сторонъ, но необходима еще фактическая передача предмета ссуды, отъ одного лица къ другому.

Основными признаками ссуды является, поэтому, предоставленіе вещи однимъ лицомъ другому въ срочное и безвозмездное пользованіе и возвратъ ея въ томъ же состояніи, въ какомъ была передана. По этимъ же признакамъ ссуда отличается отъ многихъ другихъ договоровъ. Отъ имущественнаго найма тѣмъ, что наемъ предполагаетъ хотя и срочное пользованіе нанятымъ имуществомъ и возвратъ въ томъ же состояніи, но пользованіе *возмездное*, чего въ ссудѣ нѣтъ. Отъ поклажи (храненіе, перевозка) —тѣмъ, что въ этомъ договорѣ, кромѣ возмездности, поклажепринимателю не предоставляется *право пользованія* предметами поклажи, тогда какъ въ ссудѣ это есть одинъ изъ существенныхъ признаковъ. И, наконецъ, отъ займа, съ которымъ такъ часто смѣшивается ссуда, — главнымъ образомъ тѣмъ, что, при займѣ, право собственности *переходитъ* отъ кредитора къ должнику; въ договорѣ же ссуды таковое всегда сохраняется за ссудодателемъ. Затѣмъ, предметомъ займа могутъ быть только вещи *замѣнимыя*, тогда какъ въ ссудѣ ссудопринимать обязывается возвратить ихъ въ томъ же видѣ; слѣдовательно, здѣсь онѣ не только незамѣнимы и непотребляемы, но и индивидуально опредѣленны. Деньги, напр. не могутъ быть предметомъ ссуды по отсутствію такой опредѣленности, какъ не могутъ быть и потребляемые продукты и проч. Ссудопринимать отвѣчаетъ лишь въ размѣрѣ полной стоимости въ случаѣ порчи или гибели вещи, а не потребленія, и въ соотвѣтственно уменьшенномъ,—при частичномъ поврежденіи именно этой вещи, а не какой либо другой (ст. 2068 т. X).

XV.

Выше мы разсмотрѣли наиболѣе типичные договоры съ матеріальнымъ и воленымъ основаніемъ. Намъ надлежитъ теперь изслѣдовать вопросъ о юридической природѣ тѣхъ правоотношеній, которыми обусловливается выдача векселей вообще и дружескихъ въ особенности. Но въ опредѣленіи даннаго вопроса намъ прежде всего необходимо различать два понятія: понятіе о самомъ векселѣ, какъ обязательствѣ, и понятіе о тѣхъ соглашеніяхъ, въ силу которыхъ онъ выдается.

Разсмотримъ первое.—Что такое векселъ? Съ экономической точки зрѣнія— это платежное средство, орудіе кредита и проч., а съ юридической — основаніе

ЦАБ "Автограф" май 2021

на договорѣ и выраженное въ письменной формѣ абстрактное обязательство заплатить денежную сумму. Слѣдовательно, вексель характеризуется какъ обязательство договорное, абстрактное, одностороннее, формальное и денежное *).

Договорнымъ оно представляется потому, что возникаетъ съ взаимнаго согласія векселедателя съ векселепринимателемъ, при отсутствіи же такого согласія никакой вексель не возымѣетъ силы не только въ отношеніи кредитора, не пожелавшаго принять его въ уплату, но и должника, уклонившагося отъ выдачи такового. Поэтому, волевой моментъ является началомъ возникновенія вексельнаго обязательства, облеченнаго въ установленную форму какъ для того, кто его выдалъ, такъ и для того, кто его принялъ.

Вексель въ отличіе отъ другихъ договоровъ — обязательство абстрактное. Но абстрактность эта не безусловная, а относительная. Она заключается вовсе не въ томъ, что разъ вексель оказался въ рукахъ векселедержателя, то надлежитъ его требованіе исполнить, — а въ томъ, что оказавшееся у векселядержателя вексельное обязательство исключаетъ всякія ожиданія о какой либо эквивалентности. При договорѣ продажи напр., продавецъ, доставивъ проданную вещь покупателю, ожидаетъ и вправѣ ожидать отъ него платежа, такъ какъ договоръ продажи — есть договоръ двухсторонній и при томъ возмездный; въ фактѣ же перехода векселя отъ одного лица къ другому уже само по себѣ заключается законное предположеніе, что основаніе такой передачи было и что остается его лишь исполнить. Такъ разрѣшаетъ данный вопросъ и сенатская практика. Въ рѣшеніяхъ Судебнаго Департамента Прав. Сената высказана руководящая мысль, что вексель всегда подъ разумѣвается валютнымъ, доколѣ противное не будетъ доказано (94/1103 и 97/1260). Эта оговорка «доколѣ противное не будетъ доказано»,—не исключаетъ, слѣдовательно, возможности доказывать, что бываютъ векселя и безвалютные, не смотря на нахожденіе ихъ у векселедержателя. И въ самомъ дѣлѣ, вексель могъ оказаться у того или другого лица подъ разными условіями, или просто изъятъ отъ векселедателя насильственно—путемъ кражи подписаннаго бланка, обмана, принужденія къ выдачѣ и проч. Слѣдуетъ ли изъ этого, что по нему, независимо отъ указанныхъ условій, необходимо платить? Надо полагать, что — *нѣтъ* и не только первому векселедержателю, но и всѣмъ послѣдующимъ пріобрѣтателямъ, если будетъ установлена наличность условій, исключающихъ такую отвѣтственность, а равно и то, что послѣдующему пріобрѣтателю, была извѣстна безденежность векселя. Вопросъ этотъ въ утвердительномъ смыслѣ разрѣшенъ и Гражд. Кас. Деп. въ рѣшеніи 1901 года за № 108, при чемъ это послѣднее обстоятельство можетъ быть доказываемо и свидѣтельскими показаніями.

Исходнымъ соображеніемъ даннаго вопроса является все тотъ же договоръ, который, какъ всегда, покоится на взаимномъ согласіи и соотвѣтствующемъ роду сдѣлки обоснованіи. А такъ какъ вексель, какъ указано,—есть обязательство, основанное на договорѣ, то и къ нему примѣнимы въ той или другой степени всѣ правила и нормы, регулирующія договорныя отношенія.

Вексель, кромѣ того, одностороннее, формальное и денежное обязательство. Но таковымъ въ общихъ чертахъ представляется и заемное письмо. Оно также одностороннее, формальное и денежное, потому что удостовѣряетъ переходъ цѣнности отъ одного лица къ другому. И тѣмъ не менѣе, заемъ почитается ничтожнымъ, если заключенъ безденежно, во вредъ кредиторовъ, или же выданъ по игрѣ (ст.

*) Шершеневичъ, Курсъ торг. права, т. III, стр. 22.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

2014 т. X). Слѣдовательно, сила займа заключается не въ формѣ, а въ томъ или иномъ основаніи.

Точно также и вексель. Формально онъ можетъ обстоять вполнѣ правильно, но по существу оказаться недѣйствительнымъ. Представимъ себѣ, что вексель выданъ для учета, или въ видѣ обезпеченія какого нибудь договора. Обязанъ ли векселедатель его оплатить? Разумѣется нѣтъ, потому что, во-первыхъ, воля векселедателя выражена не въ томъ направленіи, какое придастъ ей векселедержатель, а, во-вторыхъ, требованіе его не отвѣчало бы условіямъ договора. Правит. Сенатъ отказалъ въ искѣ векселедержателю на томъ основаніи, что, получивъ вексель въ обезпеченіе заключенія договора о покупкѣ паевъ отъ векселедержателя, онъ самъ этого требованія не исполнилъ. (Опр. 904/1574). Сенатъ не призналъ въ фактѣ передачи векселя векселедателемъ обычной отвѣтственности перваго передъ послѣднимъ. Совершенно вѣрно, передача эта составляетъ законное предположеніе объ основаніяхъ ея, тѣмъ не менѣе, согласно 33 ст. Векс. Уст., оно не исключаетъ и возраженій, если послѣднія вытекаютъ изъ постановленій Вексельнаго Устава или изъ непосредственныхъ отношеній вексельнаго должника къ кредитору. Наконецъ, то самое правило, которое выражено въ 16 ст. того же Векс. Уст. въ томъ смыслѣ, что вексель считается выданнымъ отъ векселедателя первому пріобрѣтателю, если находится въ его владѣніи, — не безъ существеннаго ограниченія, ибо въ этой же статьѣ, говорится—«развѣ бы оказалось, что выдачи на самомъ дѣлѣ не было и онъ объ этомъ не зналъ».

Интересны законодательные мотивы, приведенные подъ этой статьей. «Всякое лицо только тогда имѣетъ право по векселю,—говорится въ мотивахъ,—когда оно пріобрѣло его *добросовѣстно*, т. е. не знало, что вексель въ моментъ его появленія не былъ выданъ векселедателемъ, а пущенъ въ обращеніе помимо его воли. При этомъ добросовѣстность владѣнія векселемъ, какъ условіе вступленія его въ силу, имѣетъ значеніе въ отношеніи каждаго пріобрѣтателя, т. е. должна быть личною» *).

Приведенныя разсужденія какъ нельзя больше убѣждаютъ насъ въ томъ, что волевой элементъ въ выдачѣ векселей такъ же необходимъ, какъ и въ заключеніи всякаго дургого договора. Формальная строгость вексельнаго обязательства лишь съуживаетъ предѣлы и средства возраженій, но она не исключаетъ этихъ возраженій, какъ не исключаетъ спора о степени свободнаго волеизъявленія, не смотря на выполненную форму и переходъ векселя отъ векселедателя къ пріобрѣтателю. Разъясняя истинный смыслъ 15 ст. Векс. Уст., которая гласитъ, также, что «вексель для выступленія его въ силу въ отношеніи къ первому пріобрѣтателю, долженъ быть выданъ ему векселедателемъ», Правит. Сенатъ неоднократно указывалъ, что принужденіе хотя бы и не физическое, а въ видѣ угрозъ, настоящаго или будущаго зла, влечетъ за собой недѣйствительность выдачи или передачи векселя, смотря по тому, кого коснулось принужденіе—векселедателя или индосатора (Г. К. Д. 901/21). Равнымъ образомъ, сенатомъ допускается споръ о томъ въ какомъ умственномъ состояніи находился векселедатель при выдачѣ или передачѣ векселя; при чемъ доказывать ненормальное состояніе умственныхъ способностей векселедателя возможно и свидѣтельскими показаніями и не только въ тѣхъ случаяхъ, когда вексель выданъ лицомъ послѣ признанія его въ установленномъ порядкѣ лишеннымъ разсудка, но и въ тѣхъ,—когда выдача произведена вообще при

*) Добровольскій Уст. о Векс., 30.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

условіяхъ, свидѣтельствующихъ о ненормальномъ его состояніи въ моментъ выдачи (Г. К. Д. 77/209,79/90 и др.).

Основными положеніями этихъ рѣшеній послужило общее правило, выраженное въ гражданскомъ кодексѣ трактующее о свободѣ воли и взаимномъ согласіи при заключеніи каждаго договора и каждаго обязательства. Произволъ и согласіе должны быть свободны,—говоритъ 701 ст. т. X, такъ какъ всѣ способы пріобрѣтенія правъ только тогда признаются дѣйствительными, когда они утверждаются по непринужденной волѣ и взаимномъ согласіи сторонъ (ст.ст. 700 и 1528 т. X).

Такимъ образомъ ни вексель, ни всякое другое обязательство не можетъ воспринять юридической силы, если выдачѣ ихъ не предшествовало или не сопровождалось свободное проявленіе воли, основанной на взаимномъ согласіи сторонъ относительно всѣхъ условій той или другой сдѣлки. Практически, собственно говоря, вся тяжесть спора заключается въ средствахъ опроверженія домогательствъ одной стороны, направленное на интересы другой, или въ средствахъ защиты того права истца, которое отрицается отвѣтчикомъ. Но объ этомъ мы поговоримъ ниже, при обзорѣ ученія о доказательствахъ, а теперь перейдемъ къ выясненію второго понятія—о свойствѣ юридическихъ отношеній по выдачѣ векселей вообще и дружескихъ въ частности.

Отношенія по выдачѣ векселей вообще вполнѣ понятны. Имъ обычно предшествуетъ тотъ или иной договоръ съ матеріальнымъ или волевымъ основаніемъ. Выдача векселей чаще всего происходитъ вслѣдствіе договора продажи, гдѣ одна сторона, передавая въ собственность другой какое либо имущество (товаръ и проч.), получаетъ въ качествѣ эквивалента, не деньги, а опредѣленной цѣнности обязательство. Векселя не могутъ быть предметомъ поставки или подряда, но они такъ же, какъ и въ продажѣ, встрѣчаются въ качествѣ платежнаго средства за поставленное имущество или же трудъ по подряду по тѣмъ же основаніямъ, ибо Правит. Сенатъ разъяснилъ, что валютою векселя могутъ быть не только деньги или товаръ, но и различныя дѣйствія и услуги, такъ какъ «никакая дѣятельность и никакія услуги одного лица,—говоритъ Сенатъ,—стоящаго въ положеніи подчиненнаго, служащаго, совершенныя въ интересахъ другого—его хозяина,—не могутъ сами по себѣ пр/дполагаться безвозмездными, если о томъ особо не постановлено». (Опр. С. Д. 94 743).

На этомъ основаніи, въ соотвѣтствіи съ требованіемъ 2017 ст. т. X зак. Гр., по которой не считаются безденежными заемныя письма, если они выданы вмѣсто наличнаго платежа за работу, услуги, товары и издѣлія, а также въ удовлетвореніе взысканій, проистекающихъ изъ договоровъ,—Правит. Сенатъ по тому же Судебному Департаменту въ другомъ рѣшеніи не призналъ безденежнымъ вексель, выданный въ счетъ платежей, причитавшихся истцу за хлопоты по исходатайствованію для векселедателя привилегіи на его изобрѣтенія (Опр. 94/349).

Слѣдовательно, выдача обычнаго векселя можетъ быть основана не только на договорѣ продажи, поставки подряда, но и личнаго и имущественнаго найма, гдѣ вексель признается валютнымъ, если выданъ за наемъ имущества или за какой-либо личный трудъ, не исключая и отдѣльныхъ дѣйствій, какъ въ приведенномъ случаѣ.

Вексель можетъ быть и предметомъ даренія, т. е. основаннымъ на договорѣ даренія, особенности котораго, какъ выше указано, заключаются въ томъ, что онъ договоръ безвозмездный, возникающій по волѣ одного лица и направленный на увеличеніе имущественнаго состоянія одаряемаго въ ущербъ своему собственному. Здѣсь ни о какой эквивалентности не можетъ быть и рѣчи. Въ судебной практикѣ встрѣ-

ЦАБ "Автограф"
май 2021

тился такой случай, гдѣ отвѣтчикъ, доказывая безденежность выданнаго векселя, между прочимъ указывалъ, что векселедержатель — по отсутствію у него всякихъ средствъ, не могъ законнымъ способомъ пріобрѣсти отъ него векселя, а потому надлежало въ искѣ ему отказать. Правит. Сенатъ разъяснилъ, повторяя прежнія рѣшенія, что валютою векселя могутъ служить не только деньги, товаръ и другія имущественныя цѣнности, но также и различныя дѣйствія и личныя услуги,— *а равнымъ образомъ въ форму выдачи векселя можетъ быть облечено и дареніе*, почему вопросъ о средствахъ истца призналъ не существеннымъ. (Опр. С. Д. 96|782).

Но вотъ вопросъ—могутъ ли быть векселя предметомъ договора мѣны? Вспомнимъ, что существо этого договора заключается въ томъ, что одна сторона передаетъ другой въ собственность какое либо имущество, но съ тѣмъ, что взамѣнъ переданнаго, получаетъ не деньги, а тоже имущество. Въ практикѣ Судебнаго Департамента есть одинъ очень типичный случай взаимнаго обмѣна векселей. Сенатъ въ общемъ этотъ вопросъ разрѣшилъ правильно, но его исходныя точки зрѣнія юридически несостоятельны. Чтобы нагляднѣе показать въ чемъ заключалось это дѣло и на чемъ основано рѣшеніе Сената, мы приведемъ его нѣсколько полнѣе.

XVI.

Два торговыхъ дома выдали другъ другу для учета векселя по 100.000 руб. каждый отъ 12 декабря 1892 г. ср. черезъ шесть мѣсяцевъ. Снабдивъ ихъ своими бланками, они векселя эти учли въ Россійскомъ Торговомъ Банкѣ. Затѣмъ, вскорѣ послѣ учета, стороны подали въ банкъ заявленія отъ 19 декабря того же года, въ которыхъ указали, что, по наступленіи сроковъ и оплатѣ учтенныхъ векселей со стороны того, кто ихъ учелъ, таковые подлежатъ возврату безъ дальнѣйшаго полученія валюты отъ векселедателя—прямо къ сему послѣднему, т. е. векселя торговаго дома К., учтенные торговымъ домомъ Д. и оплаченные имъ же—возвращаются къ К., а векселя Д., учтенные К. и оплаченные имъ-же,—къ торговому дому Д.

Россійскій Торговый Банкъ переучелъ векселя Д. учтенные К. въ Спб. Международномъ Банкѣ, который по нимъ и взыскалъ деньги съ того же торговаго дома К. судебнымъ порядкомъ, а этотъ послѣдній обратилъ свои исковыя требованія къ торговому дому Д. какъ векселедателю. Отвѣтчикъ, возражая противъ иска, доказывалъ, что векселя эти были выданы для учета, что никакой валюты по нимъ отъ К. не поступало, что все это удостовѣрено самимъ К. въ заявленіи отъ 19 декабря 1892 г. на имя Россійскаго Торговаго Банка и подтверждено нотаріусу при протестѣ. Повѣренный истца К. не только не отрицалъ этихъ обстоятельствъ, но и призналъ, что валюты по нимъ дѣйствительно передаваемо не было. Коммерческій судъ призналъ векселя безвалютными и въ искѣ торговому дому К. отказалъ.

Правит. Сенатъ разрѣшилъ это дѣло иначе. Онъ, во-первыхъ, усмотрѣлъ въ выдачѣ другъ другу для учета векселей — наличность взаимныхъ услугъ, полагая, что торговый домъ К. не могъ обойтись безъ подписи векселей Д., а равно и торговый домъ Д. безъ подписи К. Эти услуги, по мнѣнію Сената, не только взаимны, но и равноцѣнны, а потому уже сами по себѣ заключаютъ взаимную валютность выданныхъ векселей. Далѣе Сенатъ остановился еще на томъ положеніи, что, при счетѣ торговымъ домомъ К. векселей Д. валюта поступила въ кассу перваго, а при учетѣ векселей К. торговымъ домомъ Д.—въ кассу второго, слѣдовательно, валютность оправдывается и матеріально, а, во вторыхъ,—обсуждая признаніе повѣ-

ЦАБ "Автограф" май 2021

реннаго истца, что валюты въ дѣйствительности въ моментъ выдачи векселей передаваемо не было, Сенатъ разъяснилъ въ подтвержденіе своихъ неоднократныхъ рѣшеній, что вовсе не требуется, чтобы валюта по векселямъ была непремѣнно получена при самой выдачѣ ихъ наличными деньгами. Напротивъ, по смыслу закона валютою можетъ быть всякій предметъ, разнообразныя дѣйствія, другая претензія къ тому же лицу и различныя услуги, а потому рѣшеніе коммерческаго суда отмѣнилъ, удовлетворивъ исковыя требованія торговаго дома К. къ торговому дому Д. полностью (Опр. С. Д. 93|1623).

Основнымъ мотивомъ настоящаго рѣшенія представляется, слѣдовательно, равнозначущая цѣнность взаимныхъ услугъ по выдачѣ векселей.

Вотъ съ этимъ именно взглядомъ никоимъ образомъ согласиться нельзя. Если признать, что въ фактѣ выдачи однимъ лицомъ другому извѣстныхъ обязательствъ, заключаются опредѣленной цѣнности взаимныя услуги, тогда надо будетъ признать такими же взаимными услугами дѣйствія и въ каждомъ другомъ договорѣ, въ которыхъ цѣлью намѣчено удовлетвореніе необходимыхъ потребностей. Напр. въ договорѣ имущественнаго найма одно лицо предоставляетъ другому во временное пользованіе жилое помѣщеніе за опредѣленное вознагражденіе—есть весьма существенная услуга, такъ какъ оставаться подъ открытымъ небомъ невозможно, а между тѣмъ предметомъ найма является имущество, а эквивалентомъ наемная плата, а не признакъ взаимныхъ услугъ. Въ договорѣ личнаго найма, который весьма отожествляется съ понятіемъ услугъ,—есть также договоръ возмездный, содержаніемъ котораго является предоставленіе однимъ лицомъ другому своего физическаго или умственнаго труда во временное пользованіе. Объектомъ даннаго договора будетъ, слѣдовательно, трудъ, а не услуга, выражающаяся иногда въ передачѣ совершенно обособленнаго обязательства, заключающаго въ себѣ и безъ того опредѣленную цѣнность.

Даже въ томъ посредничествѣ за честь, которое предусмотрѣно и дѣйствующимъ вексельнымъ уставомъ (ст. 105), гдѣ участіе посредника въ обязательствѣ иначе нельзя разсматривать, какъ оказаніе однимъ лицомъ другому услуги, основанной на личномъ довѣріи или какомъ либо иномъ соображеніи,—и тамъ право обратнаго полученія уплаченной суммы утверждается за посредникомъ не на основаніи личной услуги, а вслѣдствіе произведеннаго имъ платежа по обязательству лица, за честь котораго онъ вступился. Такъ по крайней мѣрѣ опредѣляется это право въ п. 5 ст. 110 Векс. Уст., который гласитъ: „Посредникъ, оплатившій вексель за честь, вступаетъ въ права векселедержателя противъ лица, за честь котораго имъ произведенъ платежъ, а также противъ предшественниковъ этого лица и противъ принимателя“.

Если сопоставить эти соображенія съ тѣмъ фактомъ, который имѣлъ мѣсто между торговыми домами К. и Д., то нельзя не придти къ заключенію, что истолкованъ онъ Сенатомъ неправильно, такъ какъ между сторонами произошли не взаимныя услуги, а обмѣнъ опредѣленныхъ и при томъ равнозначущихъ цѣнностей и эти отношенія, имѣя юридическій характеръ, занимаютъ вполнѣ самостоятельное мѣсто въ русскомъ гражданскомъ правѣ. Мы имѣемъ въ виду договоръ мѣны.

И въ самомъ дѣлѣ, если договоръ мѣны характеризуется—какъ взаимная передача другъ другу опредѣленной вещи въ ссбственность, то въ отношеніяхъ К. къ Д. мы найдемъ всѣ тѣже признаки, какъ и въ договорѣ мѣны. Для цѣлей учета или иныхъ соображеній стороны обмѣниваются опредѣленными цѣнностями, хотя бы и въ формѣ вексельныхъ обязательствъ, что вполнѣ допустимо.

Передавая ихъ въ учетъ и обращая вырученныя отъ учета деньги въ свои

ЦАБ "Автограф"
май 2021

кассы, они несомнѣнно проявляютъ права собственниковъ на эти обязательства, которыя во взаимныхъ отношеніяхъ компенсировались именно вырученной отъ учета суммой.

По конструкціи своей—это отношенія валютныя, такъ какъ, выдавая вексель на себя, векселедатель въ то же время получаетъ взамѣнъ его вексель на своего векселепринимателя, а учитывая ихъ въ Банкѣ, та и другая сторона обращаетъ въ свои кассы равномѣрныя суммы денегъ. И согласно поданному въ банкъ заявленію, стороны обязались произвести оплату этихъ векселей въ томъ порядкѣ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ отношеніямъ. Здѣсь нѣтъ того особаго отношенія, которое встрѣчается при выдачѣ дружескаго векселя, гдѣ оплату его производитъ не векселедатель, а векселеприниматель, если онъ этотъ вексель учелъ. Цѣли хотя и тожественны, но осуществленіе ихъ облечено въ такую форму, которая не допускаетъ другого опредѣленія, какъ по признакамъ мѣны.

Но что за природа отношеній по выдачѣ однимъ лицомъ другому дружескаго векселя? Фиксируется ли оно тѣмъ же признакомъ — оказанной услуги, стоимость которой опредѣляется цѣнностью векселя, или и эти отношенія имѣютъ свою собственную юридическую природу?

Предпосылая разрѣшенію вопроса о дружескихъ векселяхъ цѣлый рядъ договоровъ, мы сдѣлали это въ силу того сравнительнаго метода изложенія, который избранъ нами какъ наиболѣе понятный. Мы полагали и полагаемъ, что качество и свойство предмета лучше всего опредѣляется при сравненіи его съ какимъ либо другимъ, а этимъ другимъ можетъ быть всякій предметъ, который заключаетъ въ себѣ приблизительно аналогичное свойство съ сравниваемымъ.

Сопоставляя эти договоры съ отношеніями по выдачѣ векселей, разумѣется сразу, безъ анализа, трудно опредѣлить точки соприкосновенія, а между тѣмъ выдача дружескихъ векселей однимъ лицомъ другому — не просто фактическое соотношеніе лицъ, а типичный договоръ, въ силу котораго одно лицо выдаетъ другому опредѣленной цѣнности документъ съ тѣмъ, чтобы это другое лицо въ обозначенный на немъ срокъ возвратило его въ томъ же матеріальномъ состояніи. Цѣли выдачи и принятія такого документа могутъ быть различны, но ни одна изъ нихъ не противузаконна. Здѣсь нѣтъ — ни принужденія, ни обмана, ни ничего такого, чтобы угрожало благочинію, общественному порядку, авторитету брачнаго союза, интересамъ Государственнаго фиска, а равно и интересамъ частныхъ лицъ въ смыслѣ лихоимственныхъ изворотовъ или подложнаго переукрѣпленія имущества во избѣжаніе платежа кредиторамъ (ст. ст. 1528 и 1529 т. X. Зак. Гр.).

Слѣдовательно, выдача и принятіе дружескихъ векселей, какъ мы уже указывали, — суть дѣйствія закономѣрныя, почему, можетъ быть, удовлетворяя цѣлямъ кредита, они и процвѣтаютъ въ гражданскомъ оборотѣ. Имъ недостаетъ лишь самостоятельнаго юридическаго опредѣленія, которое несомнѣнно заключается въ общихъ началахъ гражданскаго права. Векселя эти напоминаютъ тѣхъ странниковъ, которые, не имѣя постояннаго пристанища,—все же существуютъ, руководствуясь въ своемъ существованіи идеей внутренней необходимости.

Но при внимательномъ сопоставленіи вексельныхъ сдѣлокъ съ различными договорами, нельзя не замѣтить не только аналогіи, но и полнаго тожества юридическихъ признаковъ съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Конечно, выдача дружескихъ векселей не составляетъ договора продажи и не основана на ней, такъ какъ векселедатель въ собственность своего контрагента ничего не передаетъ и ничего отъ него не получаетъ. Въ этой выдачѣ нѣтъ и

ЦАБ "Автограф" май 2021

отдаленныхъ признаковъ запродажи, или поставки, которые по существу есть также одни изъ возмездныхъ видовъ отчужденія имущества.

Въ этомъ именно типѣ отношеній, въ отличіе отъ единовременной взаимной выдачи равноцѣнныхъ векселей,—нѣтъ и договора мѣны, такъ какъ, получая дружескій вексель, векселепринимателъ ничего съ своей стороны векселедателю не даетъ, кромѣ обѣщанія возвратить, полученный вексель оплаченнымъ изъ своихъ же средствъ. Между тѣмъ, договоръ мѣны, какъ мы видѣли характеризуется обмѣномъ равноцѣннаго имущества, хотя бы и въ формѣ вексельныхъ обязательствъ, и при томъ въ собственность, чего въ дружескихъ векселяхъ нѣтъ.

Нѣтъ юридическихъ признаковъ отожествлять дружескіе векселя и съ договоромъ займа, который,—во-первыхъ, является договоромъ возмезднымъ, а, во вторыхъ, предметомъ займа можетъ быть только замѣнимое имущество, передаваемое въ собственность, тогда какъ вексель, какъ личное обязательство, никакимъ другимъ документомъ замѣнить нельзя и передается оно не въ собственность, а въ срочное пользованіе и безвозмездно.

На договорахъ имущественнаго и личнаго найма, не исключая отдѣльныхъ дѣйствій и услугъ,—нечего и останавливаться. Эти договоры могутъ служить валютой векселя, но не основаніемъ выдачи дружескихъ векселей, по природѣ своей безвозмездной.

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ договоровъ ближе всѣхъ подходитъ отношеніе по выдачѣ дружескихъ векселей—къ договору даренія. Послѣдній такъ же, какъ и выдача вексельнаго обязательства создается волей одной стороны и лишь осуществляется при согласіи другой. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, если векселепринимателъ не пожелаетъ принять отъ векселедателя дружескій вексель, то никакого отношенія и не возникнетъ, какъ не будетъ и договора даренія, если одаряемый откажется отъ принятія дара. Совершенно тожественъ и второй признакъ—отсутствіе возмездности. Если въ дареніи дарителемъ руководитъ чувство щедрости, вызываемое несомнѣнно особыми къ одаряемому отношеніями,—то и въ выдачѣ дружескаго векселя у векселедателя предшествуетъ нѣчто подобное къ векселепринимателю и при томъ совершенно безвозмездно.

Но несмотря на видимое сходство договора даренія съ отношеніями по выдачѣ дружескихъ векселей, тѣмъ не менѣе по существу первый отъ второго отдѣляетъ весьма существенный признакъ—это то, что въ природѣ даренія, даръ переходитъ въ собственность одареннаго, а въ вексельномъ отношеніи векселепринимателъ, по наступленіи срока, обязывается возвратить полученный вексель въ томъ же матеріальномъ видѣ, какимъ онъ былъ полученъ отъ векселедателя.

Но если дареніе отличается отъ вексельнаго отношенія принципомъ передачи дара въ собственность одареннаго, не исключая дара и условнаго, то въ договорѣ ссуды всѣ признаки различія отпадаютъ.

Мы видѣли, что ссуда есть договоръ, въ силу котораго одно лицо уступаетъ другому въ срочное безвозмездное пользованіе какое либо имущество съ обязательствомъ возвратить его въ томъ же состояніи. Слѣдовательно, характерными признаками ссуды, являются: а) взаимное согласіе, какъ основной элементъ всякаго договора, б) срочность, в) безвозмездность, г) пользованіе и д) незамѣнимость и непотребляемость вещей.

Недвижимость предметомъ ссуды не бываетъ

ЦАБ "Автограф"
май 2021

XVII.

Обращаясь къ составнымъ признакамъ отношенія по выдачѣ дружескихъ векселей, мы не можемъ сразу же не замѣтить между ними и договоромъ ссуды полнаго тожества. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ сдѣлка является двухсторонней, ибо одна сторона поредаетъ, а другая принимаетъ извѣстное имущество съ обязательствомъ его возвратить въ томъ же видѣ.

Принципъ срочности совершенно одинаковъ и онъ объясняется одними и тѣми же соображеніями. Если бы въ договорѣ ссуды онъ отсутствовалъ, тогда это была бы уже не ссуда, а въ лучшемъ случаѣ мѣна, по которой имущество одного передается въ собственность другого и наоборотъ. Въ обычныхъ вексельныхъ операціяхъ, когда векселъ выдается въ собственность векселепринимателя съ обязанностью оплатить его векселедателемъ, тогда разумѣется природа отношеній совершенно понятна. Но дружескій векселъ передается не въ свбственность векселепринимателя, а лишь во временное его пользованіе для цѣлей кредита и проч. Этимъ онъ, съ одной стороны, сближается съ ссудой, а, съ другой,—отличается отъ выдачи обычныхъ векселей къ платежу.

Вполнѣ аналогиченъ и второй признакъ—о безвозмездности. Выдавая дружескій векселъ, векселедатель ничего взамѣнъ этого отъ векселепринимателя не получаетъ, кромѣ одного часто платоническаго обѣщанія возвратить его въ томъ же матеріальномъ состояніи.

Срочность этихъ отношеній заключается, во-первыхъ, въ самомъ свойствѣ того обязательства, которое въ данномъ случаѣ становится предметомъ ссуды, а, во-вторыхъ, природою отношеній, разъ обязательство передается не въ собетвенность, а въ пользованіе. Право собственности—есть вѣчное и полное господство лица надъ вещью, право же пользованія не можетъ быть таковымъ и оно ограничено въ правѣ распоряженія вещью.

Относительно срочности вексельнаго обязательства, можно сказать лишь одно, что, какъ обязательство, оно не можетъ быть вообще безсрочнымъ, а согласно п. 6-го ст. 3 Векс. Уст. означеніе срока является существенной принадлежностью каждаго векселя.

Векселъ есть личное обязательство, т. е. индивидуально опредѣленное, а потому онъ незамѣнимъ и, конечно, непотребляемъ. Предметомъ же ссуды и могутъ быть только такія вещи, которыя индивидуально опредѣленны и непотребляемы. Слѣдовательно, и этому послѣднему признаку выдача дружескихъ векселей вполнѣ удовлетворяетъ.

Но вотъ вопросъ—является ли векселъ вообще такимъ движимымъ имуществомъ, которое способно быть предметомъ ссуды по своей природѣ? Для разрѣшенія этого основного вопроса въ ссудѣ—надлежитъ обратиться къ разрѣшенію другого, болѣе общаго, а именно: что̀ дѣйствующее право считаетъ имуществомъ вообще и движимымъ въ частности?

Вопросъ о дѣленіи матеріальныхъ вещей на движимыя и недвижимыя — вопросъ историческій. Онъ прежде всего объясняется государственными соображеніями. «Поземельные участки,—говоритъ проф. Мейеръ,— принадлежащіе по праву собственности частнымъ лицамъ, въ тоже время составляютъ части государственной территоріи: точно такъ же, какъ каждый отдѣльный гражданинъ—есть членъ всего государственнаго союза, каждый клочекъ земли — есть часть всей государственной

ИАБ "Автограф" май 2021

территоріи, подлежащей верховному господству государства; такъ что съ господствомъ частнаго лица надъ каждымъ поземельнымъ участкомъ сходится господство государства *).

Затѣмъ, историческое дѣленіе имущества на движимое и недвижимое вызывалось постепеннымъ переходомъ народностей отъ кочевой жизни къ болѣе осѣдлой, а, въ сферѣ хозяйственной дѣятельности, отъ рыболовства, звѣроловства и проч. къ земледѣлію, почему и матеріальныя блага, добытыя трудомъ, уступали по своему значенію и необходимости тому первоисточнику всѣхъ благъ, каковымъ представлялась земля, на груди которой произростаетъ все существующее. И, наконецъ, въ силу своихъ индивидуальныхъ особенностей, воспитанныхъ можетъ быть въ человѣкѣ вѣками отъ первыхъ земледѣльцевъ, по какой-то наклонной плоскости люди всегда предпочитаютъ имѣть клочокъ собственной земли всѣмъ другимъ благамъ. отсюда естественно проистекаетъ и повышенная цѣнность на землю въ сравненіи съ имуществомъ движимымъ, съ чѣмъ не могли не считаться при дѣленіи этихъ матеріальныхъ благъ и укрѣпленій на нихъ правъ частныхъ лицъ и западно-европейскія законодательства.

Въ основу дѣленія имущества движимаго отъ недвижимаго принимается болѣе или менѣе природное ихъ свойство и присущая подвижность. Наше законодательство, производя дѣленіе по этому признаку, пытается ту и другую категоріи перечислить, что, разумѣется, не удается вслѣдствіе безконечнаго разнообразія произведеній природы. Однако, въ 384 ст. т. X Зак. Гр. оно относитъ къ недвижимости: земли, дома, заводы, фабрики, лавки, желѣзныя дороги и всякія строенія, возведенныя на собственной землѣ, такъ какъ строенія, хотя бы это были и дома, возведенныя на землѣ арендованной, въ силу своей отдѣляемости, а, слѣдовательно, и возможной продажи на сносъ, за послѣднее время сенатской практикой отнесены къ разряду движимости. (Рѣш. Г. К. Д. 90|6, 902|62 и 908|68).

Къ имуществу же движимому очевидно надлежитъ отнести все остальное. Законъ и здѣсь даетъ лишь примѣрный перечень, такъ какъ въ этой категоріи еще труднѣе перечислить и все опредѣлить. Движимостью являются: мореходныя и ручныя суда, книги, рукописи, картины и вообще всѣ предметы, относящіеся къ наукамъ и искусствамъ, домовые уборы, экипажи, земледѣльческія орудія, всякаго рода инструменты и матеріалы, лошади, скотъ, хлѣбъ сжатый и молоченный, всякіе припасы, выработанныя на заводѣ наличныя руды, металлы и минералы и все то, что изъ земли извлечено (ст. 401 т. X Зак. Гр.). Равнымъ образомъ, по ст. 402 того же закона, къ движимости отнесены наличные капиталы, заемныя письма, векселя, закладныя и обязательства всякаго рода.—Нѣсколько точнѣе, но въ общемъ также, опредѣляетъ имущества движимыя и недвижимыя съ нхъ принадлежностями и проекъ гражданскаго уложенія въ ст.ст. 31—49. Такъ этотъ вопросъ обстоитъ повидимому и на западѣ, да другого подраздѣленія невозможно и провести, какъ нельзя бтзконечное перечислить.

Такимъ образомъ, векселя состаяляютъ движимое имущество, а потому, какъ всякое имущество, могутъ быть сами по себѣ объектомъ гражданскаго права. И не только въ теоріи, но и на практикѣ, они являются предметомъ продажи, ибо котируются на биржѣ и имѣютъ свой собственный курсъ, однимъ изъ видовъ обезпеченія договоровъ и обязательствъ, предметомъ даренія, какъ всякая цѣнность, а, слѣдовательно, и предметомъ ссуды. Само законодательство относитъ ихъ къ кате-

*) Мейеръ, Русск. Гражд. права, 107.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

горіи имущественной цѣнности, вызывающей юридическій и экономическій интересъ, а торговый міръ очень часто обезпечиваетъ векселями различные счета въ банкахъ, вноситъ ихъ въ видѣ залоговъ по подрядамъ и поставкамъ, а иногда пускаетъ въ оборотъ въ качествѣ дополнительнаго обезпеченія различныхъ сдѣлокъ такъ называемые соло-векселя, особенно по учетнымъ и залоговымъ операціямъ.

Изъ всего этого видно, что поставленный выше вопросъ о томъ—являются ли векселя сами по себѣ обособленнымъ имуществомъ опредѣленной цѣнности и могутъ ли они по своей природѣ быть предметомъ ссуды,—разрѣшается въ положительномъ смыслѣ, а потому опредѣленіе вексельныхъ отношеній по выдачѣ дружескихъ векселей, какъ договора ссуды, еще больше укрѣпляется въ нашемъ представленіи.

Но всѣми приведенными признаками еще окончательно не исчерпывается понятіе ссуды по выдачѣ дружескихъ векселей. Помимо срочности, безвозмездности, принципа пользованія и характера незамѣняемости,—требуется еще возвратъ предмета ссуды въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ былъ переданъ. По этому, намъ надлежитъ разсмотрѣть еще одинъ и послѣдній вопросъ—о возможности возврата дружескихъ векселей въ томъ же состояніи, въ какомъ они были переданы векселепринимателю.

Въ этомъ вопросѣ надо различать два признака — *формальный* и *матеріальный*.

Со стороны формальной вексель конечно неизмѣняемъ съ какою бы цѣлью онъ не былъ выданъ, а потому при возвратѣ форма остается тою же, какою она была и при выдачѣ.

Но съ точки зрѣнія матеріальной дѣло обстоитъ сложнѣе. Здѣсь все зависитъ отъ природы отношеній. Если вексель выданъ въ качествѣ эквивалента по тому или иному договору, то онъ не можетъ возвратиться къ векселедателю въ томъ же матеріальномъ состояніи, въ какомъ былъ переданъ векселепринимателю. Какъ использованный эквивалентъ, онъ уже матеріально обезцѣненъ, а потому никакого юридическаго интереса къ себѣ не вызываетъ, переставая быть объектомъ гражданскаго права.

Въ дружескихъ же отношеніяхъ, какъ разъ наоборотъ. Тамъ вексель выдается не въ качествѣ эквивалента по договору и не въ собственность, которую можно было бы использовать впослѣдствіи, — а лишь въ срочное и безвозмездное пользованіе принимателя. При наступленіи срока, или по минованіи надобности, такіе векселя возвращаются векселедателю въ томъ же самомъ матеріальномъ состояніи, въ какомъ они были получены отъ него.

И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь матеріальная цѣнность векселя заключается вовсе не въ исписанномъ бланкѣ, какъ таковомъ, а въ той обязанности уплатить условленную сумму, которая выражена на немъ. А разъ векселедатель ничего по выданному векселю не платилъ, то, слѣдовательно, онъ получилъ его обратно въ томъ же матеріальномъ состояніи, въ какомъ и выдалъ.

Но здѣсь можно возразить, что, передавая вексель, хотя и дружескій, векселепринимателю, послѣдній, пустивъ его въ оборотъ, можетъ при наступленіи срока не оплатить и тогда придется это сдѣлать самому векселедателю, чего по характеру сдѣлки онъ не обязывался. Значитъ вексель въ такомъ случаѣ не можетъ возвратиться въ такомъ же матеріальномъ состояніи, въ какомъ былъ выданъ, ибо для третьихъ лицъ, какъ добросовѣстныхъ держателей, нѣтъ никакого дѣла до характера отношенія векселедателя съ первымъ принимателемъ.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

Совершенно вѣрно, принципъ возврата предмета въ томъ же состояніи при данныхъ условіяхъ нарушается, но чрезъ это отнюдь не измѣняется самое существо отношеній. Вѣдь и во всякой другой ссудѣ, переданная вещь можетъ быть контрагентомъ уничтожена, использована до основанія въ своихъ интересахъ и, наконецъ, отчуждена отъ него въ порядкѣ публичной продажи и проч., и тѣмъ не менѣе, ссуда останется ссудою же. Въ этомъ случаѣ ссудодателю предоставляется право искать съ ссудопринимателя не вещь, которой у него уже нѣтъ, а ея стоимость (ст. 2068 т. X).

Точно также вправѣ поступить и дружескій векселедатель по отношенію къ своему принимателю. Оплативъ вексель изъ собственныхъ средствъ, онъ обращаетъ требованія къ векселепринимателю, который, не выполнивъ договора о возвратѣ векселя въ томъ же состояніи, не можетъ освободиться отъ обязанности удовлетворить его. Обратное положеніе противорѣчило бы коренному правилу экономической и юридической справедливости, выраженному въ 574 ст. т. X, по которому никто не можетъ быть лишенъ правъ ему принадлежащихъ безъ суда, такъ равно и никто не вправѣ обогащаться на чужой счетъ безъ достаточнаго къ тому основанія.

Итакъ, суммируя все сказанное по поводу выдачи дружескихъ векселей и сопоставляя эти отношенія съ договоромъ ссуды, — мы не можемъ не придти къ заключенію, что каждое такое отношеніе юридически представляется *договоромъ ссуды, въ силу котораго векселедатель предоставляетъ свой дружескій вексель принимателю въ срочное и безвозмездное пользованіе съ тѣмъ однако, чтобы, по минованіи надобности или по наступленію срока, вексель этотъ былъ возвращенъ въ томъ же матеріальномъ состояніи, въ какомъ первоначально былъ выданъ*. Въ случаѣ же неисполненія этого послѣдняго условія о возвратѣ векселя въ томъ же состояніи, векселедатель сохраняетъ за собой право требовать отъ векселепринимателя возврата уплаченной суммы.

XVIII.

Но одно дѣло теоретически опредѣлить извѣстное отношеніе съ юридической точки зрѣнія и совершенно другое установить его реальное существованіе въ томъ же самомъ видѣ. Для этого необходимо доказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наличность не только свободной и согласной воли, взаимную эквивалентность отношенія, но и ту цѣль, ради которой заключена данная сдѣлка и ту форму, въ которую она по своему роду облечена.

Мы уже говорили о необходимости свободы воли и взаимнаго согласія для каждаго договора и обязательства; указывали, что съ точки зрѣнія матеріальнаго права, если эквивалентъ договорной вещи не полученъ, его можно требовать принудительнымъ порядкомъ съ альтернативной уплатой соотвѣтствующей денежной суммы, но неполучившая сторона вправѣ и вовсе въ извѣстныхъ случаяхъ отказаться отъ исполненія договора, изъ чего слѣдуетъ, что каждому договору и каждому обязательству всегда присущъ одинъ и тотъ же элементъ матеріальнаго или, при безвозмездномъ переходѣ цѣнностей,—волеваго основанія. Безъ этого ни одинъ договоръ не можетъ воспринять обязательственной силы и онъ почитается не существующимъ въ юридической природѣ договоровъ и обязательствъ, какъ таковыхъ.

Но для дѣйствительности договорнаго отношенія мало и этого. Воля сторонъ можетъ быть выражена совершенно свободно, взаимно ими понята; эквивалентъ въ томъ или иномъ видѣ опредѣленъ, но сдѣлка всетаки оказывается не дѣйствительной, а выданное обязательство ничтожнымъ.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

Въ чемъ же дѣло? — Очевидно, въ дѣятельность воли каждаго гражданина вмѣшивается какая то другая власть, которая обязываетъ всякаго вступающаго въ юридическія отношенія дѣйствовать не въ произвольномъ, а въ заранѣе установленномъ для извѣстнаго рода отношеній направленіи, объявляя непризнаніемъ въ силѣ заключаемыхъ имъ договоровъ и обязательствъ противуположнаго характера.—Это власть государственная!

Стоя на стражѣ охраненія добрыхъ правовъ, являющихся залогомъ твердости каждаго общежитія, воспитывая въ гражданахъ чувство законности, какъ линію поведенія всѣхъ и каждаго и, наконецъ, подавляя въ корнѣ всякій произволъ, выходящій изъ предѣловъ установленнаго правопорядка, общественной нравственности и уваженія къ личнымъ и имущественнымъ интересамъ согражданъ,—законодательство объявляетъ не дѣйствительными всѣ тѣ договоры и обязательства, которые не согласуются съ принципомъ законности. Законодательство допускаетъ въ частныхъ сдѣлкахъ свободу воли, но требуетъ, что бы та цѣль, ради которой заключенъ договоръ, была не противна закону и обусловливалась бы взаимнымъ согласіемъ сторонъ, выраженнымъ въ соотвѣтствующей роду соглашенія формѣ.

Дѣйствующее законодательство примѣрно перечисляетъ запрещенныя сдѣлки въ ст. ст. 1528 и 1529 т. X. Мы уже выше приводили ихъ. Но этимъ конечно не исчерпывается область недозволеннаго. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ органы правосудія опредѣляютъ по общимъ принципамъ закономѣрность дѣйствій контрагентовъ и рѣшаютъ вопросъ въ сторону того, чье дѣйствіе согласнѣе съ закономъ.

Слѣдовательно, хотя бы воля сторонъ была выражена свободно и опредѣленъ эквивалентъ, тѣмъ не менѣе по своей цѣли сдѣлка можетъ оказаться и нерѣдко оказывается недѣйствительной, а выданное обязательство ничтожнымъ. Для иллюстраціи этого послѣдняго положенія приведемъ изъ судебной практики нѣсколько характерныхъ случаевъ, когда сдѣлки не признавались въ силу противузаконности цѣли, хотя форма и наличность взаимной воли при заключеніи ихъ вполнѣ соотвѣтствовали роду соглашенія.

Въ видахъ поддержанія авторитета и чистоты брачнаго союза, какъ свободнаго соединенія двухъ лицъ на началахъ любви и взаимнаго согласія подъ сѣнью одного изъ церковныхъ таинствъ; Прав. Сенатъ по Судебному Деп. не призналъ въ силѣ векселя, выданные за склоненіе къ вступленію въ бракъ, усмотрѣвъ въ этомъ стѣснительное вліяніе на свободу выбора, которое должно по идеи вѣчнаго сочетанія осуществляться не только по веленію практическаго разума, но и по влеченію сердца, какъ основѣ мира, любви и согласія сочетающихся. (Опр. 79/1216).

По этимъ же соображеніямъ, въ разъясненіе 12 ст. т. X, трактующей о томъ, что бракъ не можетъ быть законно совершенъ безъ взаимнаго и непринужденнаго согласія сочетающихся, почему родителямъ своихъ дѣтей, а опекунамъ своихъ подопечныхъ, воспрещается принуждать къ вступленію въ бракъ противъ ихъ воли и желанія,—Гражд. Кас. Деп. Сената отказалъ въ искѣ по роспискѣ, выданной дѣвицей третьему лицу въ томъ, что если она вступитъ въ бракъ съ извѣстнымъ лицомъ, то обязывается уплатить за труды и хлопоты условленную сумму денегъ. (67/70).

Въ этомъ рѣшеніи Сенатъ даетъ принципіальное разъясненіе полнаго невмѣшательства кого бы то ни было въ дѣла брачныхъ союзовъ и это положеніе послѣдовательно проводится до настоящаго времени. Онъ говоритъ въ означенномъ рѣшеніи, что «наши законы о союзѣ семейномъ и брачномъ имѣютъ начало въ законахъ церковныхъ и состоятъ въ неразрывной связи съ ними. По ученію пра-

ЦАВ "Автограф" май 2021

вославной церкви, бракъ есть одно изъ ея таинствъ». «Такимъ образомъ—говоритъ далѣе Сенатъ,—по законамъ церковнымъ и гражданскимъ въ составленіи браковъ не допускается и не можетъ быть допускаемо никакихъ постороннихъ вмѣшательствъ, ни нравственныхъ, ни вещественныхъ, такъ какъ всякія подобныя вмѣшательства были бы нарушеніемъ коренныхъ основаній брака».

Въ послѣднемъ рѣшеніи 1899 г. за № 82, подтверждая приведенныя положенія и разъясняя, что «бракъ не можетъ быть предметомъ гражданской сдѣлки», Сенатъ распространилъ ихъ и на браки нехристіанъ. Въ этомъ отношеніи онъ исходитъ изъ того соображенія, что если бы какое либо исповѣданіе и не признавало за бракомъ церковнаго таинства,—то, независимо отъ религіозныхъ догматовъ,—посредничество къ устройству брака вообще противно благочинію и нравственности. «Посредникъ—говоритъ въ этомъ рѣшеніи Сенатъ,—предпринимаетъ за плату устроить бракъ между лицами, изъ коихъ по меньшей мѣрѣ одно еще не имѣетъ къ тому расположеніе; предлагающій устроить бракъ между такими лицами принимаетъ на себя обязанность подѣйствовать на чувства, волю и разумъ одного изъ нихъ».

Такія соображенія вполнѣ примѣнимы ко всякому религіозному исповѣданію, за исключеніемъ конечно тѣхъ, въ которыхъ для брачнаго союза вовсене требуется свободное согласіе сочетающихся.

Этими рѣшеніями нанесенъ окончательный ударъ труду сватовъ и свахъ, которые въ былое время, а въ нѣкоторыхъ сословіяхъ и теперь,—являются какимъ то необходимымъ элементомъ каждаго брачнаго союза. Расхваливая жениха или невѣсту, смотря по тому чьи интересы сваха представляетъ, онѣ неизмѣнно преслѣдуютъ одну и ту же матеріальную цѣль—какъ бы поскорѣе «сдѣлать дѣло», которое потомъ всю жизнь оплакивается несчастной четой, соединенной вопреки воли и желанію, особенно при нашихъ бракоразводныхъ законахъ.

Но въ другомъ рѣшеніи, по вопросу о выдачѣ мужемъ женѣ векселей, подлежащихъ оплатѣ въ случаѣ развода,—Сенатъ призналъ эти векселя не только дѣйствительными по цѣли выдачи, но и валютными по своему матеріальному основанію. Обсуждая этотъ вопросъ, Суд. Деп. нашелъ, что цѣлью выдачи этихъ векселей въ данномъ случаѣ служило не самовольное расторженіе брака, запрещенное согласно п. 1, ст. 1529, т. X, а условное вознагражденіе мужемъ женѣ въ случаѣ воспослѣдованія въ законномъ порядкѣ развода за то право на алименты по 106 ст. т. X, котораго жена лишается со времени развода (опр. 901/2224).

Затѣмъ, заботясь о разумномъ распоряженіи гражданами своимъ имуществомъ, законъ лишаетъ всякаго значенія обязательства, выданныя по игрѣ или для игры (п. 3 ст. 2014 т. X). Исходя изъ этого законоположенія, Прав. Сенатъ не призналъ въ силѣ вексель, выданный однимъ лицомъ другому по игрѣ, при чемъ не только въ отношеніи перваго пріобрѣтателя, но и послѣдующихъ векселедержателей, коль скоро установлено, что, принимая такой вексель, это лицо знало о его происхожденіи по игрѣ (Г. К. Д. 84/79 и др.).

Такимъ образомъ, изъ приведенной практикѣ Судебнаго и Гражданскаго Деп. Прав. Сената, а ее можно бы увеличить еще,—видно, что вексель, хотя и оторванъ отъ своего основанія, но въ тѣхъ случаяхъ, когда возможно соотвѣтствующими данными установить его происхожденіе, онъ лишается обязательственнаго значенія, освобождая векселедателя отъ всякой отвѣтственности по нему.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

Наличность валюты, какъ основаніе выдачи векселя, всегда въ той или иной формѣ предполагается, но мы видѣли, что если установлено противное, векселя и въ томъ случаѣ не дѣйствительны.

Правда, вся приведенная практика Сената, относительно валютности векселей, относится ко времени дѣйствія стараго вексельнаго устава, когда обозначеніе валюты въ текстѣ векселя, считалось существенной принадлежностью его,—но нѣтъ никакого основанія измѣнять установленнаго этой практикой правила и относительно векселей новаго образца по уставу 1903 года, такъ какъ, во-первыхъ, и при дѣйствіи этого послѣдняго устава судебной практикой уже отмѣчены аналогичныя послѣдствія, какъ это видно изъ рѣшеній обоихъ Деп. Сената по вопросамъ о возраженіи противъ вексельнаго требованія (903/1598, 904/1574, 908/216 и 947 и 904/115), а, во-вторыхъ, въ послѣднихъ рѣшеніяхъ Сенатъ между прочимъ самъ ссылается на прежнія рѣшенія о безденежности векселя по старому уставу, какъ напр. на рѣшенія 92|115 и 901|108.

XIX.

Такимъ образомъ, отправляясь отъ приведенныхъ положеній, нельзя не заключить, что если возможенъ и допустимъ споръ о безвалютности векселей вообще, то онъ не исключается и въ векселяхъ дружескихъ, когда векселепріниматель намѣревается осуществить ихъ въ своихъ личныхъ интересахъ и вопреки самаго договора.

Мы полагаемъ даже, что дружескій векселедатель въ силу самой природы отношеній, охарактеризованныхъ выше договоромъ ссуды, сохраняетъ за собой право вещнаго требованія, т. е. обратнаго полученія не денегъ, а самаго векселя, такъ какъ вексель въ этомъ случаѣ передается, какъ установлено, не въ собственности, а въ срочное и безвозмездное пользованіе векселепринимателя и лишь въ случаѣ полнаго или частичнаго уничтоженія по договору ссуды предметъ замѣняется деньгами (ст. 2068 т. X), чего съ векселями не бываетъ.

Весь споръ ограничивается лишь по свойству вексельнаго обязательства предѣлами непосредственныхъ отношеній и онъ не распространяется на добросовѣстныхъ держателей, которые могли не знать и не обязаны узнавать характеръ взаимныхъ отношеній своихъ предшественниковъ къ векселедателю. Но, какъ указано выше, и это правило не безъ исключеній. Практика держится такого взгляда, что если векселедержателю была извѣстна безденежность векселя или неправомѣрное полученіе его, то онъ не можетъ оставаться въ сторонѣ, а, наоборотъ, его право подлежитъ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и непосредственнаго векселепринимателя. Мало того, при установленіи безденежности векселя вообще такими возраженіями, которыя вытекаютъ изъ постановленій Вексельнаго Устава,—безденежность въ отношеніи послѣдующихъ пріобрѣтателей можетъ быть доказываема свидѣтельскими показаніями и по новому Векс. Уст. (904|45 и отъ 8 апр. 1909 г.), чего однако въ отношеніи перваго пріобрѣтателя, согласно 33 ст. Векс. Уст., ни въ какомъ случаѣ не допускается (опр. 906|1111, 907|1898 и 908|216).

Но и всѣми приведенными положеніями вопросъ о дѣйствительности того или другого договора или обязательства не исчерпывается. Воля можетъ быть выражена свободно, согласно и взаимно контрагентами понята, эквивалентъ въ соотвѣтствующемъ видѣ опредѣленъ и, наконецъ, цѣль соглашенія не противна закону,—и тѣмъ не менѣе договоръ или обязательство не порождаютъ законнаго способа пріобрѣтенія

ЦАБ "Автограф" май 2021

правъ на имущество, а, въ случаѣ спора, подобные договоры не являются средствомъ защиты нарушаемыхъ правъ.

Это новое и послѣднее требованіе, которое предъявляетъ законъ договаривающимся лицамъ для дѣйствительности ихъ юридическихъ отношеній, представляетъ особый интересъ, на которомъ теперь намъ и надлежитъ нѣсколько остановиться. Оно заключается въ томъ, что каждое соглашеніе юридическаго характера должно быть облечено въ соотвѣтствующую форму—крѣпостную, нотаріальную, домашнюю, или просто словесную. Оно, это соглашеніе, разумѣется будетъ дѣйствительнымъ, если противная сторона его признаетъ, но, въ случаѣ спора или отрицанія, процессуальное право защищаетъ лишь только то, что доказано соотвѣтствующими роду сдѣлокъ данными и не вправѣ признать, хотя бы дѣйствительно существовавшее и установленное свидѣтельскими показаніями, положеніе, если для такихъ сдѣлокъ установлена обязательная письменная форма.

Другими словами, намъ необходимо разсмотрѣть вопросъ о томъ, какія сдѣлки облекаются въ письменную форму и какія юридически возможны при формѣ словесной.

Само законодательство, указывая въ ст. 699 т. X Зак. Гр. на то, что права на имущество пріобрѣтаются не иначе, какъ способами, въ законахъ опредѣленными,—въ примѣчаніи къ этой статьѣ перечисляетъ и самые способы пріобрѣтенія, называя: 1) способы дарственные и безвозмездные, какъ пожалованіе, выдѣлъ имущества дѣтямъ отъ родителей, дареніе, завѣщаніе; 2) наслѣдованіе по закону; 3) способы обоюдные, т. е. мѣна, купля, поставка и проч. и 4) договоры и обязательства. И затѣмъ, далѣе, въ ст. 707 того же тома Зак. Гр. говорится. что укрѣпленіе правъ на имущество производится: крѣпостными, нотаріальными, явочными или домашними актами и фактическою передачею самаго имущества.

Относительно правъ по обязательствамъ законъ объявляетъ, что «всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, налагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить», а въ случаѣ неисполненія, послѣдніе производятъ право требовать отъ лица обязавшагося удовлетворенія во всемъ томъ, что въ договорахъ и обязательствахъ постановлено. Самый порядокъ составленія и совершенія письменныхъ договоровъ и обязательствъ законодательство также опредѣляетъ. Что же касается до заключенія словесныхъ договоровъ, послѣдніе находятся въ полной волѣ договаривающихся лицъ, лишь бы заключались на непринужденномъ произволѣ и взаимномъ согласіи контрагентовъ и, разумѣется, не содержали бы въ себѣ ничего противузаконнаго (ст. ст. 569—571 т. 7).

Какіе договоры должны быть составлены въ формѣ письменной и какіе—въ формѣ словесной,—примѣчаніе къ ст. 571 т. 7 отсылаетъ къ тому отдѣлу нашего гражданскаго кодекса, который трактуетъ вообще объ обязательствахъ по договору (кн. IV т. X Зак. Гр.).

Мы отчасти уже касались нѣкоторыхъ возмездныхъ и безвозмездныхъ договоровъ и обязательствъ, какъ однихъ изъ способовъ пріобрѣтенія правъ на имущество и той формы, въ которую эти договоры должны быть облечены для сохраненія за ними юридическаго характера.

Теперь намъ остается относительно формы болѣе или менѣе подробно и въ систематическомъ порядкѣ изложить не только то, на что раньше указывалось въ видѣ примѣровъ и предпосылокъ къ другого рода случаямъ, но и то, что до сего времени обходилось молчаніемъ, ибо форма тѣхъ или другихъ сдѣлокъ вообще, а по выдачѣ дружескихъ векселей—въ особенности представляетъ особое значеніе.

ЦАВ "Автограф" май 2021

Всѣ сдѣлки о недвижимости—будетъ ли это продажа, мѣна или залогъ, совершаются крѣпостнымъ порядкомъ. Самая купчая крѣпость совершается у младшаго нотаріуса, а затѣмъ представляется на утвержденіе старшаго, который, утвердивъ ее, отмѣчаетъ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ (ст. 1417 и 1420 т. X). Такъ равно и залогъ. Актъ о залогѣ недвижимаго имущества между частными лицами,—говорится въ 1642 ст. т. X, совершается крѣпостнымъ порядкомъ и называется закладною крѣпостью на недвижимое имѣніе. При совершеніи такой закладной, старшій нотаріусъ налагаетъ у себя въ крѣпостномъ реестрѣ запрещеніе на заложенное имѣніе и дѣлаетъ надлежащее распоряженіе о публичномъ оповѣщеніи въ установленномъ порядкѣ (публикація), при чемъ, если бы въ теченіи семи дней послѣ утвержденія закладной, она почему либо не состоялась, то уничтоженіе совершается чрезъ того же старшаго нотаріуса, который дѣлаетъ о семъ соотвѣтствующую крѣпостную отмѣтку. (ст.ст. 1647 и 1648 т. X).

Слѣдовательно, если самое совершеніе сдѣлокъ о недвижимости выражается въ крѣпостной формѣ, то и исполненіе и уничтоженіе производится тѣмъ же крѣпостнымъ порядкомъ. Такъ напр., по совершеніи платежа по закладной, послѣдняя представляется утвердившему ее старшему нотаріусу для уничтоженія отмѣтки о залогѣ (ст. 1650 т. X).

Что же касается до залоговыхъ операцій относительно движимаго имущества, то, согласно 1667 ст. т. X Зак. Гр., актъ о закладѣ такого имущества составляется или порядкомъ нотаріальнымъ или же домашнимъ, но при непремѣнномъ условіи письменной формы; при неисполненіи сего, требованіе кредитора по такому договору не подлежитъ удовлетворенію (71/1255).

Актъ о закладѣ движимаго имущества, составленный нотаріальнымъ порядкомъ именуется «закладною на движимое имущество», а такой же актъ, составленный домашнимъ порядкомъ, или какъ законъ говоритъ,—«на дому», называется «домовымъ заемнымъ письмомъ съ закладомъ движимаго имущества». (Ст.ст. 1668 и 1672 т. X).

Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ исполненіе по такимъ закладнымъ должно быть удостовѣрено письменными же документами, разъ для заключенія заклада движимости установлена во всякомъ случаѣ письменная форма. Здѣсь нельзя доказывать свидѣтельскими показаніями ни существованіе залоговаго права, ни исполненіе по закладной (69/155 и 67/212). По наступленіи срока, залоговыя обязательства исполняются платежомъ заемной суммы съ процентами, если таковые обусловлены въ закладной, по полученіи каковой залогодержатель обязанъ возвратить залоговое имущество въ цѣлости, въ противномъ случаѣ, на общемъ основаніи, онъ отвѣчаетъ за вредъ и убытки, не исключая городскихъ ломбардовъ, которые также, какъ и всѣ прочіе залогопринимателя, отвѣчаютъ за утрату и порчу залоговъ и при томъ не въ оцѣночной суммѣ, какъ это часто утверждается ломбардами и товариществами ссудъ, а дѣйствительной стоимостью этихъ вещей (905|87).

Какъ закладныя на недвижимое имущество, такъ и движимое, не исключая и домовыхъ заемныхъ писемъ съ закладомъ движимости, не могутъ быть передаваемы по надписямъ, если такое право не содержится въ самыхъ закладныхъ, или если не послѣдуетъ на то согласія залогодателя и при томъ въ письменной формѣ (ст.ст. 1653 и 1678 т. X). Учиненная вопреки означеннымъ правиламъ передача будетъ не дѣйствительна и въ искѣ такому истцу, какъ неправильному держателю хотя и правильно составленнаго обязательства, будетъ отказано, пока данная передача не будетъ установлена надлежащимъ порядкомъ.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

Но если требуется письменная форма для заклада движимости, то сдѣлки купли-продажи на него совершаются по усмотрѣнію контрагентовъ. «Движимыя имущества,—говоритъ 711 ст. т. X,—могутъ быть пріобрѣтаемы законными способами безъ всякихъ письменныхъ актовъ по однимъ словеснымъ договорамъ и соглашеніямъ». Слѣдовательно, какъ самое существованіе такого договора, такъ равно и исполненіе его можетъ быть доказываемо свидѣтельскими показаніями (78|261, 80|125). И лишь проектъ Гражд. Улож., при продажѣ движимости на сумму свыше 300 руб., требуетъ письменной формы (ст. 1728). Однако, необходимо замѣтить, что въ силу общаго правила, если договоръ заключенъ письменно, хотя бы и на движимое имущество, то и всѣ возникающіе отсюда споры должны быть рѣшаемы на основаніи письменныхъ, а не словесныхъ доказательствъ, такъ какъ письменные документы не могутъ быть опровергаемы свидѣтельскими показаніями (78|65, 77|180 и др.).

Что же касается до запродажи, то, будетъ ли это недвижимое или движимое имущество, она должна быть облечена въ письменную форму, хотя бы совершенную домашнимъ порядкомъ (ст. 1683 т. X). Поэтому, наличность запродажи не можетъ быть устанавливаема свидѣтельскими показаніями не только относительно недвижимаго имущества, для котораго вообще требуется письменная форма, но и движимаго, каковое можетъ быть продано, но не запродано, и по словесному договору и при томъ не только за наличный разсчетъ, но, какъ разъяснено въ позднѣйшее время Прав. Сенатомъ, и въ кредитъ (82|3).

Равнымъ образомъ, законъ требуетъ обязательной письменной формы и для договоровъ поставки и подряда. «Договоръ подряда и поставки — говорится въ 1742 ст. т. X—долженъ содержать въ себѣ: годъ, мѣсяцъ и число, званіе и прозвище договаривающихся лицъ, предметъ, срокъ, цѣну и прочія условія подряда, подпись этихъ лицъ, а при безграмотности ихъ, рукоприкладство тѣхъ, кому они вѣрятъ вмѣсто себя подписать. Договоръ сей является для засвидѣтельствованія по правиламъ, изложеннымъ въ положеніи о нотаріальной части». Но уже давно разъяснено, что явка письменныхъ договоровъ на подрядъ или поставку, для засвидѣтельствованія нотаріусу, не обязательна лишь бы тотъ или другой договоръ былъ заключенъ въ письменной формѣ, (71|178, 72|267 и др.). Свидѣтельскія показанія могутъ быть допускаемы только для установленія фактовъ, сопровождавшихъ совершеніе или выполненіе договора подряда и поставки (71|194).

Проектъ Гражд. Ул. относительно формы договора подряда нѣсколько отступилъ. Онъ и здѣсь ставитъ форму договора въ зависимость отъ матеріальной цѣнности самого подряда. Такъ напр., въ ст. 1973 говорится, что «договоръ подряда, въ которомъ вознагражденіе подрядчика превышаетъ 300 р., долженъ быть удостовѣренъ на письмѣ». Поставка же, какъ извѣстно, въ проектѣ исключена и соединена съ продажей.

Въ письменную же форму, какъ уже указывалось, облекается и заемъ (2031 ст. т. X), при чемъ заемное обязательство, составленное у нотаріуса, называется крѣпостнымъ заемнымъ письмомъ и должно быть удостовѣрено поэтому по крайней мѣрѣ двумя свидѣтелями (ст. 2033). Преимущество этой формы заключается въ томъ, что 1) невозможенъ споръ о безденежности займа, 2) въ предпочтительномъ удовлетвореніи предъ актомъ домашнимъ въ случаѣ конкурса и 3) въ правѣ обезпеченія иска согласно 595 ст. Уст. Гр. Суд.—Обязательство же, составленное на дому, въ отличіе отъ крѣпостного, именуется домашнимъ или домовымъ, заемнымъ письмомъ и составляется безъ свидѣтелей, хотя, заемъ по проекту Гр. Ул. на сумму

ГАБ "Автограф" май 2021

ниже 300 руб., можетъ быть заключенъ и въ устной формѣ, а слѣдовательно и доказываемъ свидѣтелями (ст. 1885).

Договоры даренія и мѣны совершаются въ различной формѣ. Все зависитъ отъ того—происходитъ ли мѣна движимаго или недвижимаго имущества. Для послѣдняго требуется не только письменная, но и крѣпостная форма, тогда какъ мѣна движимости, какъ и продажа, оставляется на волю и взаимное согласіе собственниковъ (ст. 1379). Поэтому, договоръ мѣны движимости можетъ быть совершенъ словесно и доказываемъ свидѣтельскими показаніями. По проекту договоръ мѣны подчиняется во всемъ тѣмъ же правиламъ, которыя установлены и для договора продажи (ст. 1781).

Относительно даренія надо замѣтить, если въ силу даренія даритель обязывается въ будущемъ передать предметъ дара одаряемому, тогда письменной формы не требуется, такъ какъ самый договоръ въ этомъ случаѣ находится еще въ полной зависимости отъ воли дарителя. Но если одновременно съ согласіемъ дарителя съ одаряемымъ отъ перваго переходитъ къ послѣднему право собственности на подаренную вещь, тогда форма договора зависитъ отъ того, какое дарится имущество—движимое или недвижимое. Для даренія движимости никакой формы неустановлено, ибо передача такого дара совершается дѣйствительнымъ врученіемъ даримыхъ вещей одаряемому и поступленіемъ въ его полное распоряженіе (ст. 993). Для недвижимости же требуется совершеніе такъ называемой дарственной записи крѣпостнымъ порядкомъ (ст. 987), безъ чего право собственности къ одаренному не можетъ перейти.

Но проектъ Гр. Ул. и для даренія движимаго имущества на всякую сумму, если оно не сопровождается немедленной передачей, требуетъ письменной формы, при чемъ даритель однако не вправѣ требовать обратно подареннаго подъ предлогомъ несоблюденія формы, если онъ уже передалъ въ фактическое обладаніе предметъ дара (движимости) одаренному (ст 1788).

Договоръ имущественнаго найма заключается въ зависимости отъ того,—какое имущество является предметомъ найма—движимое или недвижимое. Въ первомъ случаѣ онъ можетъ быть совершенъ словесно (ст. 1700 т. X). Исключеніе составляетъ наемъ рѣчныхъ и морскихъ судовъ, для каковыхъ требуется письменная форма (тамъ же). Что же касается до недвижимости, то и наемъ совершается въ письменной формѣ (тамъ же), за исключеніемъ городскихъ строеній и земельныхъ участковъ въ городѣ (ст. 1702). Но по проекту Гр. Улож., если наемная плата за годъ или за весь срокъ найма превышаетъ 300 р., то договоръ заключается въ письменной формѣ (ст. 1819).

Весьма запутанная форма существуетъ для личнаго найма. Въ дѣйствующемъ общемъ законѣ говорится лишь, что договоръ личнаго найма можетъ быть предъявленъ къ засвидѣтельствованію у нотаріуса (ст. 2224 т. X). Изъ смысла этой статьи слѣдуетъ, что договоръ личнаго найма во всякомъ случаѣ долженъ быть письменный и лишь явка у нотаріуса оставляется на волю контрагентовъ. Такъ полагаетъ и сенатская практика (80/155). Между тѣмъ, въ ст. 417 Уст. о Пром. говорится объ ученикахъ, пріемъ которыхъ совершается при двухъ свидѣтеляхъ—одного со стороны мастера, а другого со стороны ученика, слѣдовательно, такой договоръ доказываемъ и свидѣтельскими показаніями. О письменной формѣ опредѣленно говорится лишь о наймѣ приказчиковъ (ст. 7 Торг. Уст.), фабричныхъ рабочихъ (ст. 134 Уст. о Пром.) и при наймѣ матросовъ (247 ст. Торг. Уст.). Но тотъ же общій законъ не запрещаетъ нанимать въ услуженіе и рабочихъ людей по однимъ видамъ на жительство, слѣдовательно, по словесному договору (ст. 2226

ЦАБ "Автограф" май 2021

т. X), не исключая и найма нижнихъ воинскихъ чиновъ на вольныя работы (92|47). Однако, для найма повѣреннаго (78|65), учителя (77|13), экономa (80|155) и вообще, за исключеніемъ указанныхъ случаевъ, требуется письменная форма, при неисполненіи чего договоръ не дѣйствителенъ.

Проектъ Гражд. Уложенія въ этомъ отношеніи ставитъ вопросъ о формѣ личнаго найма совершенно опредѣленно. Безотносительно къ роду дѣятельности, сроку и проч.,—онъ категорически объявляетъ, что если рядная плата за годъ или за весь срокъ найма будетъ превышать 300 руб., то договоръ долженъ быть заключенъ въ письменной формѣ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ очевидно можетъ быть и словесный (ст. 1933 Проекта).

Не болѣе ясна форма и договора поклажи. Въ ст. 2104 т. X говорится, что договоръ объ отдачѣ и пріемѣ на сохраненіе совершается или чрезъ письменный актъ, или же просто передачею поклажи съ росписью или безъ росписи. Но затѣмъ, въ ст. 2111, объясняется, что если принявшій на храненіе будетъ запираться въ полученіи того или другого имущества и дѣло дойдетъ до судебнаго разбирательства, то истецъ (поклажедатель) обязанъ представить росписку поклажепринимателя, каковая должна быть вся отъ начала до конца писана и подписана рукой принимателя съ подробнымъ указаніемъ имущества или денегъ. И лишь ниже, въ ст. 2112 того же закона, поясняется, что письменныя доказательства не требуются: 1) когда подобные акты не могли быть составлены вслѣдствіе пожара, наводненія, кораблекрушенія и другихъ исключительныхъ случаевъ; 2) при отдачѣ воинскими чинами своихъ вещей на сохраненіе по случаю внезапнаго и скораго отправленія въ походъ или командировку; 3) въ поклажахъ по торговлѣ и по купеческому обычаю лицами торговой дѣятельности. Такъ разъяснила эти вопросы и Сенатская практика (79|104, 78|46 и др.).

Проектъ Гражд. Улож. и въ этомъ случаѣ, говоря о формѣ, беретъ критеріемъ опредѣленія формы цѣну предмета поклажи. Оставляя въ томъ же видѣ исключительные случаи, когда договоръ не могъ быть составленъ вслѣдствіе пожара, наводненія и пр. Проектъ въ ст. 1902 говоритъ, что если стоимость отдаваемой на сохраненіе вещи будетъ превышать 300 руб., то договоръ долженъ быть составленъ на письмѣ, въ поклажахъ же ниже 300 руб. никакой формы не устанавливается.

Письменная форма установлена для договоровъ: страхованія въ видѣ такъ называемыхъ полисовъ (ст, 558 Уст. Торг.), довѣренности (2308 т. X), мировой сдѣлки (1359 Уст. Гр. Суд.), товарищества (2132 т. X).

По общему правилу всѣ договоры, для которыхъ установлена самимъ закономъ или практикой Сената письменная форма, не могутъ быть доказываемы свидѣтельскими показаніями, а потому, въ случаѣ спора со стороны отвѣтчика, истцу часто невозможно доказать свой искъ.

XX.

Разсмотрѣвъ схематически различныя формы договоровъ, намъ однако надлежитъ подробнѣе разобрать интересующій насъ *договоръ ссуды*, чтобы такимъ образомъ рѣшить вопросъ—въ какую же форму должны быть облекаемы отношенія по выдачѣ дружескихъ векселей. Это сдѣлать необходимо еще и потому, что важно установить не только правовую природу дружескихъ отношеній, но и отыскать средства для защиты возникающихъ изъ такихъ отношеній правъ, ибо судъ защищаетъ только такое право, которое устанавливается соотвѣтствующими роду сдѣлки данными.

ЦАБ "Автограф" май 2021

Дѣйствующее законодательство никакой формы для договора ссуды не устанавливаетъ. Оно въ ст. 2064 т. X говоритъ, что „подъ именемъ ссуды имущества разумѣется договоръ, по силѣ коего одно лицо уступаетъ другому право пользованія своимъ движимымъ имуществомъ, подъ условіемъ возвращенія его же самаго и въ томъ же состояніи, въ какомъ оное было дано, безъ всякаго за употребленіе возмездія». Пытаясь перечислить предметы ссуды, законодательство называетъ: домашній и рабочій скотъ, орудія, платье, вещи, домашніе приборы и сейчасъ же заканчиваетъ «и т. п.», изъ чего разумѣется слѣдуетъ, что предметомъ ссуды можетъ быть все то, что непотребляемо, индивидуально опредѣленно и въ пользованіи возможно для той или другой надобности съ возвратомъ въ томъ же состояніи (ст. 2065).

Но Сенатская практика разъяснила это недомолвіе закона въ томъ смыслѣ, что договоръ ссуды можетъ быть заключенъ и словесно, а, слѣдовательно, какъ всякій словесный договоръ, доказываемъ свидѣтельскими показаніями (71|424, 74|104, 73|73 и др.).

Проектъ Гражданскаго Уложенія въ этомъ отношеніи выражается опредѣленнѣе. Онъ прямо говоритъ, что договоръ ссуды можетъ быть совершенъ на письмѣ или на словахъ, независимо отъ стоимости данной въ ссуду вещи (ст. 1870).

Исходными соображеніями послужили Сенатская практика и выводъ Побѣдоносцева, который говоритъ: «Особой формы для договоровъ о ссудѣ не установлено. По соображенію же 1531 и 1700 Зак. Гражд. можно думать, что эти договоры могутъ быть заключаемы словесно. Такъ по большей части и бываетъ: это и естественно, ибо въ ссудѣ предполагается близкое отношеніе и взаимное довѣріе» *).

Соглашаясь вполнѣ съ возможностью устной формы при заключеніи договора ссуды, мы однако не можемъ не внести нѣкоторой поправки. Во-первыхъ, хотя договоръ ссуды и предполагаетъ взаимное довѣріе и близость отношеній контрагентовъ, тѣмъ менѣе злоупотребленіе этимъ довѣріемъ возможно и оно нерѣдко бываетъ. Оно тѣмъ болѣе возможно, что, въ силу особыхъ отношеній, самый договоръ совершается съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей, приглашеніе которыхъ, если хотите, оскорбило бы чувство расположенія и довѣрія одной стороны къ другой. А во-вторыхъ, для нѣкоторыхъ предметовъ ссуды письменная форма и по существу необходима. Напр., отдается въ пользованіе процентная бумага (70|721). Какъ и чѣмъ установить, что она была у ссудодателя, когда такого рода цѣнности обычно скрываются не только отъ постороннихъ, но и отъ самыхъ близкихъ людей? а затѣмъ, какъ и чѣмъ доказать, что она передана въ пользованіе, а не въ собственность, и при томъ съ обязанностью возвратить не какую либо другую бумагу, а именно эту? Все это вопросы, хотя теоретически и разрѣшаемые, но на практикѣ могутъ привести къ самымъ печальнымъ результатамъ и въ большинствѣ случаевъ приводятъ, кто пренебрегаетъ письменной формой.

Да, наконецъ, проектъ Гражд. Улож., какъ бы сознавая опасность послѣдствій отъ устной формы, устанавливаетъ спеціальную сокращенную (шестимѣсячную) давность для исковъ о возмѣщеніи ущерба вслѣдствіе договора ссуды (ст. 1883), не говоря уже о томъ, что практика вообще предпочитаетъ письменную форму устной и проектъ это обстоятельство санкціонируетъ въ цѣломъ рядѣ статей по

*) Побѣдоносцевъ Курсъ Гражд. Права, т. III, изд. 1896, стр. 332—338.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

поводу даже такихъ предметовъ, для которыхъ въ дѣйствующемъ законѣ никакой формы не установлено, какъ напр. о куплѣ-продажи движимости и проч.

Письменная форма для договора ссуды станетъ еще болѣе необходимой если мы примемъ во вниманіе въ качествѣ предмета ссуды дружескіе векселя. Обычное назначеніе векселя — замѣна денежныхъ знаковъ. Они поэтому являются не только средствомъ расплаты по договорамъ и обязательствамъ, но и орудіемъ кредита и способомъ перевода денегъ изъ одной мѣстности въ другую. Являясь, наконецъ, сами по себѣ обязательствомъ, векселя эти представляются въ роли объекта ссуды явленіемъ исключительнымъ, а потому, какъ всякое исключительное явленіе, уже само по себѣ вызываетъ наиболѣе безспорную и устойчивую форму юридическихъ отношеній, каковой разумѣется является письменный договоръ. Не надо забывать еще, что для всякаго коммерческаго предпріятія источникъ средствъ всегда составляетъ тайну, а тѣмъ болѣе въ моментъ сильнѣйшаго напряженія рессурсовъ, каковые поддерживаются съ помощью искусственнаго кредита.

Кромѣ того, каковы бы не были непосредственныя отношенія контрагентовъ по выдачѣ дружескихъ векселей въ качествѣ предмета ссуды, въ случаѣ спора эти отношенія прежде всего будутъ разсматриваться съ точки зрѣнія спеціальнаго вексельнаго закона, а уже потомъ, для опредѣленія дальнѣйшихъ правовыхъ отношеній, съ точки зрѣнія общаго гражданскаго права.

Мы уже знаемъ, что согласно 33 ст. Векс. Уст. отвѣтственное по векселю лицо можетъ защищаться противъ вексельнаго требованія только такими возраженіями, которыя вытекаютъ изъ постановленій Вексельнаго Устава или изъ непосредственныхъ отношеній векселедателя къ векселедержателю и что согласно твердо установленнаго практикой правила—средствомъ такого возраженія могутъ быть только письменные документы. Такъ разрѣшаетъ данный вопросъ и Сенатская практика Общихъ Департаментовъ. Въ опредѣленіи Суд. Деп. 1891 г. за № 1830 разъяснено, что доказательствомъ безденежности векселя, хотя и утратившаго силу вексельнаго права, могутъ служить лишь документы. Отсутствіе такого векселя въ книгахъ кредиторовъ, а равно и свидѣтельскія показанія,—за доказательство безденежности векселя не принимаются. Это правило подтверждено и въ позднѣйшихъ опредѣленіяхъ того же Деп. относительно новаго вексельнаго устава (908|216 и 947).

Наконецъ, по поводу контокурента, Сенатъ прямо-таки требуетъ подъ страхомъ непризнанія такой сдѣлки въ силѣ, чтобы лицо, открывающее другому контокурентный счетъ, подъ флагомъ котораго часто происходитъ безпрерывный обмѣнъ дружескихъ векселей, обязано было вносить въ кредитъ все то, что оно состоитъ должнымъ ему, т. е. что оно отъ этого лица получило, а въ дебетъ — все то, что оно ему уплатило. Сообразно сему и выданный на себя вексель долженъ быть помѣщенъ въ дебетъ счета получателя, каковой счетъ нейтрализуется возвращеніемъ этого векселя обратно, или уплатой соотвѣтствующей валюты (опр. 94|581).

Изъ всего этого видно, что отношенія по выдачѣ дружескихъ векселей должны быть безусловно облекаемы въ письменную форму, по крайней мѣрѣ съ непремѣнной записью въ торговыхъ книгахъ сторонъ, которыя сами по себѣ, согласно 232 и 233 ст.ст. Уст. Суд. Торг., являются письменнымъ доказательствомъ, если разумѣется ведены правильно и по установленной формѣ. Но и книги эти имѣютъ силу судебнаго доказательства только въ дѣлахъ торговыхъ, хотя бы это была купля-продажа, заемъ и проч. торговое обязательство; въ искахъ же противъ лицъ, къ торговой дѣятельности не принадлежащихъ, онѣ могутъ быть принимаемы за доказательство только въ спорахъ о доставкѣ товара или займа и то тогда лишь, когда

ЦАБ "Автограф" май 2021

доказано будетъ, что товары дѣйствительно были доставлены или деньги взяты, а сомнѣніе или споръ относится ко времени, количеству или качеству доставленнаго товара, при чемъ и въ этомъ случаѣ торговыя книги составляютъ силу судебнаго доказательства лишь въ теченіи одного года со времени доставки товаровъ или выдачи денегъ. Практика Сената установила, что фактъ доставки товара не можетъ быть доказываемъ торговыми книгами противъ лицъ, къ торговой дѣятельности не причастныхъ, а равно рѣшеніе суда не можетъ остаться въ силѣ, если оно основано на торговыхъ книгахъ по поводу такой сдѣлки, которая имѣла мѣсто болѣе года назадъ (75|642, 70|1083 и др.).

Что же касается до неторговыхъ лицъ въ отношеніяхъ между собою, то, за отсутствіемъ у нихъ всякихъ книгъ, остается сказать одно, что для выдачи дружескихъ векселей ими, — письменная форма безусловно обязательна, и при томъ съ точнымъ и подробнымъ обозначеніемъ того или тѣхъ дружескихъ векселей, которые выдаются принимателю для цѣлей кредита съ указаніемъ, что, по минованіи надобности или по наступленіи срока, векселя эти подлежатъ безвозмездному возврату векселедателю оплаченными изъ средствъ векселепринимателя.

Мы готовы идти дальше. Готовы утверждать, что всякое отношеніе по выдачѣ дружескихъ векселей, будетъ ли это между торговыми лицами или неторговыми, какъ отношеніе исключительное и при томъ по поводу такого абстрактнаго обязательства, какъ вексель,—должно быть оформлено письменно и только тогда векселедатель до извѣстной степени можетъ считать себя обезпеченнымъ на случай неоправданія довѣрія принимателемъ, когда будетъ располагать такимъ документомъ, изъ котораго ясно виденъ характеръ ихъ отношеній. Мы говоримъ «до извѣстной степени», такъ какъ и при наличности такого документа съ точнымъ и подробнымъ обозначеніемъ векселя, въ случаѣ перехода его къ третьему лицу, какъ добросовѣстному держателю и неоплаты со стороны векселепринимателя,—векселедателю все равно придется оплачивать его изъ своихъ средствъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ сохраняетъ за собой лишь право требовать отъ своего контрагента уплаченную валюту — и только, какъ все равно сосудодатель вправѣ требовать отъ ссудопринимателя стоимость испорченной вещи.

Преимущество письменной формы практически состоитъ въ томъ, что оно въ значительной степени упрощаетъ споръ, сокращаетъ его во времени и дѣлаетъ болѣе безспорнымъ то, что иногда не удается доказать съ помощью самыхъ достовѣрныхъ свидѣтелей. А главное—письменный документъ всегда находится въ рукахъ дружескаго векселедателя, тогда какъ свидѣтеля надо отыскивать, а не рѣдко онъ забываетъ условія договора, оказывается недостаточно объективнымъ, а то такъ ко времени спора умираетъ, не говоря уже о томъ, что свидѣтель всегда элементъ случайный, а потому и не всегда при совершеніи подобныхъ договоровъ возможный.

XXI.

Разсмотрѣвъ юридическую природу отношеній по выдачѣ дружескихъ векселей и опредѣливъ эти отношенія какъ договоръ ссуды,—перейдемъ теперь къ изложенію ученія о судебныхъ доказательствахъ на случай спора, которыя, какъ указывалось еще вначалѣ, имѣютъ рѣшающее значеніе въ процессѣ. Намъ нѣтъ нужды останавливаться на значеніи и цѣляхъ судебной защиты того или другого права. Общеизвѣстно, что современныя законодательства, въ видахъ установленія правового порядка, безъ котораго никакое государство немыслимо, воспрещаютъ своимъ подданнымъ

ЦАВ "Автограф"
май 2021

всякое насиліе и самоуправство, хотя бы оно было направлено на возстановленіе своего дѣйствительнаго или предполагаемаго права.

Нашъ законъ, въ ст. 690 т. X., охраняетъ отъ самоуправства даже незаконное владѣніе и лишь въ рѣдкихъ, заранѣе опредѣленныхъ, случаяхъ, допускаетъ самооборону, или самовольное осуществленіе своего права при его очевидности.

Такъ напр., залогодержатель вправѣ удержать до полученія залоговой суммы заложенную вещь. Или, владѣлецъ товарнаго склада можетъ не выдать товаръ принятый на храненіе до полученія стоимости храненія и проч. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, лицо, считающее свое право нарушеннымъ, обязано обратиться за защитою къ суду, какъ органу государственной власти.

Судебная защита, являясь учрежденіемъ въ общественномъ интересѣ, доступна всѣмъ и каждому, а потому никакіе договоры, ограничивающіе право судебной защиты, недѣйствительны, какъ противорѣчащіе законному порядку страны. Но гражданскій судъ, въ противоположность уголовному, призванный охранять и возстанавливать частныя права гражданъ, приступаетъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ не по собственной иниціативѣ, а тогда *и только тогда*, когда этого требуетъ лицо, право котораго нарушено. Слѣдовательно, если никто объ этомъ не проситъ, то и гражданскій судъ ни къ какому дѣйствію не приступаетъ, хотя бы нарушеніе права того или другого лица представлялось для всѣхъ очевиднымъ.

Но мало и этого. Если лицо проситъ о возстановленіи своего права, оно, кромѣ того, обязывается гражданскимъ процессомъ дѣйствовать не по своему произволу, а въ заранѣе установленномъ порядкѣ. Поэтому, для защиты права чрезъ посредство суда, такое лицо должно предъявить такъ называемый искъ и представить всѣ доказательства, устанавливающія его право, а въ извѣстныхъ случаяхъ и факты правонарушенія. Технически это лицо, будь оно физическое или юридическое, именуется *истцомъ*, а тотъ, противъ котораго направлено исковое требованіе, — *отвѣтчикомъ*.

Самые иски по своему предмету чрезвычайно разнообразны. Въ одномъ случаѣ, истецъ требуетъ передачи ему какого-либо имущества, а въ другомъ—притязаетъ на опредѣленныя дѣйствія своего контрагента. Затѣмъ, то онъ добивается признанія за собой какого-либо права, а то проситъ установить извѣстныя правоотношенія уничтоженными и т. д. Вообще же говоря, предметомъ гражданскаго иска бываютъ всякаго рода споры, вытекающіе изъ области семейственныхъ, наслѣдственныхъ, вещныхъ и обязательственныхъ отношеній, и права эти такъ же сложны и разнообразны, какъ сложна и разнообразна человѣческая дѣятельность.

Во всякомъ случаѣ, въ чемъ бы гражданскія права извѣстнаго лица ни заключались и изъ какихъ бы основаній они ни проистекали, въ случаѣ нарушенія, истецъ обращается въ цѣляхъ защиты съ искомъ къ суду, представляетъ ему доказательства, объясняя въ чемъ заключалось его право, чѣмъ и когда оно нарушено, а отвѣтчикъ, защищаясь противъ такого требованія, опровергаетъ все то, что истцомъ утверждается, подкрѣпляя свои возраженія соотвѣтственными доказательствами. Причемъ, всякая процессуальная дѣятельность, какъ истца, такъ и отвѣтчика, проистекая изъ состязательнаго начала, движется въ формѣ, въ сроки и направленіи заранѣе установленными закономъ и, внѣ этого порядка, не достигаетъ намѣченной цѣли. Вотъ почему въ гражданскомъ процессѣ важно не только собрать доказательственный матеріалъ, но и представить его суду своевременно и въ должномъ порядкѣ.

Когда все будетъ собрано, изслѣдовано и провѣрено, судъ постановляетъ рѣшеніе, коимъ или признаетъ требованіе истца подлежащимъ удовлетворенію, или же

ЦФБ "Автограф"
май 2021

отказываетъ въ нихъ въ зависимости отъ степени основательности самаго притязанія и доказанности его въ надлежащемъ порядкѣ. Рѣшеніе это, со времени вступленія въ законную силу, становится частнымъ закономъ, обязательнымъ не только для сторонъ, но и для суда, его постановившаго, а равно и для всѣхъ прочихъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ Имперіи (ст. 893 Уст. Гр. Суд.). Поэтому, если бы отвѣтчикъ, обязанный судомъ что либо возвратить истцу, или уплатить присужденную сумму, не пожелалъ этого исполнить добровольно,—онъ побуждается къ тому мѣрами принудительнаго воздѣйствія вплоть до своей личной отвѣтственности—въ первомъ случаѣ въ видѣ обвиненія за растрату, а во второмъ—объявленія несостоятельнымъ должникомъ, съ послѣдствіями, въ извѣстныхъ случаяхъ, личнаго задержанія.

XXII.

Въ наши задачи не входитъ систематическое изложеніе гражданскаго процесса, или какъ его еще называютъ—гражданскаго процессуальнаго права, но изъ того немногаго, что можно было сказать въ самыхъ краткихъ и общихъ выраженіяхъ,—нельзя не замѣтить, что въ этомъ состязаніи сторонъ часто вся дѣятельность ихъ сводится къ представленію такихъ доказательствъ, которыми утверждалось бы или опровергалось отыскиваемое право. Другими словами, тяжущіеся стремятся довести судъ до убѣжденія къ справедливости и основательности своихъ требованій и возраженій, а потому исходъ процесса зависитъ отъ того—будутъ ли судомъ признаны представленныя доказательства правильными и соотвѣтствующими роду правоотношенія.

Основное правило гражданскаго процесса состоитъ именно въ томъ, что истецъ обязанъ доказать свой искъ, а отвѣтчикъ—свои возраженія (ст. 366).

Но вотъ вопросъ—что обязаны стороны доказывать, чтобы добиться отъ суда желательнаго рѣшенія? Обязаны ли они устанавливать только данныя, на которыхъ покоится ихъ право и факты, коими оно нарушается, или же имъ надлежитъ еще доказать и объективныя нормы самаго права, т. е. законъ?

Разумѣется только первое. Второй вопросъ разрѣшается общеизвѣстной презумпціей, выраженной въ ст 95 Осн. Зак., по которой «никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, когда онъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ». Если такое требованіе закона обязательно для каждаго поданнаго, то оно тѣмъ болѣе обязателько для суда. Поэтому всегда предполагается, что суду законы извѣстны, а потому доказывать ихъ нѣтъ надобности.

Но если та или другая сторона ссылается на обычай и если онъ по закону примѣнимъ, то сославшійся обязанъ обычай этотъ установить (130 ст.). На практикѣ же весьма не безполезно если не доказывать, то постоянно указывать тѣ законы, которыми обусловливается отыскиваемое право, такъ какъ приведенная выше презумпція—лишь предположеніе, а не фактъ. Нѣтъ нужды доказывать также и отрицательное обстоятельство. Напр., представленнымъ подписнымъ счетомъ устанавливается долгъ отвѣтчика въ извѣстной суммѣ, а потому доказать, что товаръ по этому счету не поступилъ,—лежитъ на обязанности уже возражающаго отвѣтчика, а не истца.

Однако, въ области процессуальнаго права обязанности сторонъ не ограничиваются и этимъ. Надо не только доказать извѣстное обстоятельство, или права въ его фактической обстановкѣ, но и необходимо установить его юридическое существованіе, иначе представленныя доказательства не произведутъ юридическаго эффекта.

Напр., одно лицо даетъ другому извѣстную сумму въ заемъ при свидѣтеляхъ,

ЦАВ "Автограф" май 2021

Затѣмъ, по наступленіи срока, должникъ не платитъ денегъ кредитору. Право одного и обязанность другого въ данномъ случаѣ фактически существуютъ.

Но если кредиторъ, обратится въ судъ съ искомъ и въ подтвержденіе факта займа сошлется на свидѣтелей,—то судъ не можетъ признать такія доказательства въ процессуальномъ отношеніи допустимыми и, не входя даже въ повѣрку ихъ, откажетъ въ искѣ, такъ какъ если заемъ по закону совершается письменнымъ порядкомъ, то, въ случаѣ спора, такимъ же порядкомъ онъ и устанавливается. Или, извѣстное имущество передается однимъ лицомъ другому на храненіе (договоръ поклажи). Впослѣдствіи самъ принявшій разсказывалъ объ этомъ свидѣтелямъ. Но при возникновеніи спора, истецъ обязанъ представить суду сохранную росписку отвѣтчика, иначе судъ не допуститъ свидѣтелей и откажетъ въ искѣ (ст. 409 Уст.).

Приводя выше краткій перечень гражданскихъ сдѣлокъ и указывая ту форму, въ которую по закону и установившейся практикѣ Прав. Сената облекаются эти сдѣлки, мы этимъ хотѣли заранѣе предустановить и тѣ доказательственныя средства, съ помощью которыхъ устанавливается наличность извѣстнаго права. Это отправные этапы, отъ которыхъ неминуемо принуждены отправляться тяжущіяся стороны въ своей состязательной дѣятельности. Поэтому, не останавливаясь долѣе на доказательствахъ вообще, перейдемъ къ изложенію отдѣльныхъ ихъ видовъ, чтобы такимъ образомъ подойти къ разрѣшенію интересующаго намъ вопроса о дружескихъ векселяхъ.

XXIII.

Наше процессуальное право отмѣчаетъ полный рядъ доказательствъ: 1) Осмотръ на мѣстѣ, какъ средство непосредственнаго удостовѣренія суда въ существованіи извѣстнаго факта; 2) Заключеніе слѣдущихъ людей (экспертиза), которые своими спеціальными познаніями помогаютъ суду уяснить истинное значеніе факта; 3) Свидѣтели, которые въ качествѣ очевидцевъ объясняютъ суду все видѣнное и слышанное ими о фактахъ; 4) Окольные люди, которые также, какъ и свидѣтели удостовѣряютъ извѣстное фактическое состояніе лица къ имуществу по тому, какъ они его понимаютъ и видятъ; 5) Присяга, дѣйствіемъ которой разрѣшается въ извѣстныхъ случаяхъ споръ; 6) Признаніе, которымъ устанавливается извѣстное обстоятельство въ пользу противной стороны; 7) Документы, которые въ свою очередь дѣлятся: на документы, содержащіе заявленіе обоихъ сторонъ, документы, содержащіе заявленія одной стороны въ пользу другой, и документы, содержащіе заявленія постороннихъ лицъ, и 8) Торговыя книги.

Такова въ общемъ классификація судебныхъ доказательствъ. Уже одно разнообразіе ихъ указываетъ на то, что выбирать и оперировать съ ними въ процессѣ надо умѣючи. Надо не только собрать соотвѣтствующія доказательства, но и представить ихъ суду въ должномъ порядкѣ, иначе онѣ окажутся мало пригодными.

Мы не будемъ разсматривать каждый видъ судебныхъ доказательствъ въ отдѣльности. Выше отмѣчено, что доказательствомъ извѣстнаго правоотношенія будетъ все то, что соотвѣтствуетъ формѣ сдѣлки. Поэтому, главнымъ образомъ мы остановимся на торговыхъ книгахъ и постараемся выяснить необходимость и значеніе записей въ нихъ дружескихъ векселей.

Нѣкоторое подобіе торговымъ книгамъ замѣчается еще въ Римѣ, но начало возникновенія счетоводства надлежитъ отнести къ среднимъ вѣкамъ (Италія). Во Франціи въ XVI вѣкѣ изданъ былъ королевскій указъ о необходимости для банкировъ вести напр. журналъ, а въ уставѣ 1673 г. это требованіе распространено было и на

ЦАБ "Автограф" май 2021

купцовъ. Современное французское и итальянское законодательства предписываютъ купцамъ вести журналъ, копировальную и инвентарную книги. Наиболѣе правильно поставлено счетоводство въ Германіи, Швейцаріи и Англіи. Въ этихъ странахъ законодатель не устанавливаетъ никакого комплекта книгъ и порядка веденія ихъ, а требуетъ лишь,—чтобы изъ нихъ было ясно видно состояніе имущества предпріятія и его торговыя операціи [1]). Русское законодательство въ этомъ отношеніи съ самаго начала было поставлено въ затруднительное положеніе. Съ одной стороны, примѣръ Запада убѣждалъ въ пользѣ и необходимости веденія торговыхъ книгъ, а, съ другой, косность и невѣжество русскаго купца, дѣлали всякое начинаніе въ этомъ направленіи невыполнимымъ. Вотъ почему наше законодательство не только требуетъ веденія счетоводства подъ страхомъ уголовнаго наказанія (ст. 1173 Ул. и 686 У. Т.), но и предписываетъ порядокъ веденія книгъ. Подраздѣливъ торговлю на три разряда: оптовую, розничную и мелочную, законъ въ ст. 669 Уст. Торг. говоритъ, что занимающіяся торговыми дѣлами лица обязаны имѣть и содержать свое счетоводство въ надлежащемъ порядкѣ сообразно роду торговли, причемъ такая обязанность распространяется на всѣхъ и каждаго занимающагося торговлей (685 У. Т.). Далѣе, законодательство даже опредѣляетъ какія книги для каждаго рода торговли предприниматель обязанъ вести и какъ долженъ производить записи.

Для *мелочной* торговли обязательны три книги: 1) товарная, для записи полученныхъ товаровъ съ означеніемъ цѣнъ, причемъ мелочныя статьи могутъ быть обозначаемы итогомъ; 2) кассовая, для прихода и расхода съ ежемѣсячнымъ заключеніемъ и выводомъ остатка, и 3) разсчетная или ресконтро, для записи разсчетовъ съ разными лицами и учрежденіями (672 У. Т.). Для *розничной* торговли, кромѣ указанныхъ трехъ книгъ, обязательна еще документальная для записи векселей, заемныхъ писемъ, росписокъ, банковыхъ билетовъ, акцій, договоровъ и проч. выданныхъ и полученныхъ документовъ (ст. 671 У. Т.). И, наконецъ, для *оптовой*, кромѣ товарной, кассовой и ресконтро, причемъ здѣсь требуются уже подробныя записи, необходимы: а) меморіалъ или журналъ для ежедневной записи всѣхъ операцій предпріятія въ хронологическомъ порядкѣ; б) копировальная для исходящихъ бумагъ; в) фактурная для записи фактуръ на отправленные товары, и г) главная для средоточія всѣхъ счетовъ (ст. 670 У. Т.).

Въ дополненіе къ этимъ книгамъ не возбраняется имѣть различныя вспомогательныя книги, но не измѣняя однако установленнаго комплекта (ст. 683 У. Т.). Книги должны быть ведены исправно и въ надлежащемъ порядкѣ—безъ помарокъ, подчистокъ, приписокъ и съ перенумерованными страницами (ст. 675 У. Т.). Въ случаѣ же ошибокъ, помарокъ и проч., законъ дастъ весьма подобное указаніе какъ ихъ исправлять (ст. 676 и 677 У. Т.).

Никакого господствующаго языка законъ не устанавливаетъ. Каждый можетъ вести свои книги на томъ языкѣ, на какомъ заблагоразсудитъ, кромѣ евреевъ, которымъ воспрещено вести счетоводство на своемъ языкѣ подъ страхомъ его ничтожности (ст. 674 У. Т. и Р. С. 82-3).

Отсутствіе счетоводства въ томъ или другомъ предпріятіи, помимо уголовнаго наказанія отъ денежнаго штрафа въ первые три раза до лишенія права торговли,—карается еще весьма тяжелыми послѣдствіями чисто гражданскаго характера. Напр.: а) въ случаѣ несостоятельности, хотя бы она была въ дѣйствительности и несчастной, признается неосторожнымъ банкротомъ, если разумѣется нѣтъ доказательствъ злого

[1]) Шершеневичъ. Курсъ торг. права, т. I, стр. 194-205.

ЦАБ "Автограф" май 2021

умысла; б) въ случаѣ смерти предпринимателя, при наличности правильнаго счетоводства, допускается безостановочное продолженіе предпріятія, а при не имѣніи торговыхъ книгъ или неправильномъ веденіи ихъ,—такое предпріятіе останавливается (прил. къ ст. 1238 т. X. п. 14-16); в) правильно веденныя книги имѣютъ силу судебнаго доказательства (ст. 233 и 234 У. С. Т).

Законодатель, въ заключеніе, съ одной стороны, обязываетъ каждаго торгующаго повѣрять себя ежегодно, или по крайней мѣрѣ каждые 18 мѣсяцевъ, (ст. 678-680 У. Т.), а съ другой,—охраняетъ коммерческую тайну. Согласно 681 ст. У. Т., торговыя книги составляютъ неотъемлемую собственность предпринимателя, а потому никто и ни подъ какимъ предлогомъ не вправѣ требовать открытія ихъ, за исключеніемъ случаевъ несостоятельности (ст. 682 У. Т. и Р. С. 96-117) или же при производствѣ судебнаго слѣдствія (ст. 368 У. У. С.).

На Западѣ эти два положенія разрѣшаются различно. По германскому и французскому праву—торговыя книги доступны судебной гласности. Въ случаѣ споровъ по наслѣдованію, товариществу и несостоятельности, книги подлежатъ всестороннему разсмотрѣнію не только суда, но и сторонъ. Что же касается до необходимости ежегодно повѣрять себя, то и здѣсь напр. германскій торговый кодексъ требуетъ, во-первыхъ, при открытіи торговли,—подробное составленіе инвентаря, который представлялъ бы полный обзоръ всего имущества предпріятія и заключалъ бы перечисленіе всѣхъ составныхъ частей его съ сотвѣтствующею оцѣнкою каждой, дабы всякій зналъ имущественныя силы предпріятія, а, во-вторыхъ, такой инвентарь вмѣстѣ съ балансомъ по германскому и итальянскому праву вносится періодически въ особую книгу за подписью хозяина, такъ что имущественное состояніе предпріятія легко провѣрить въ каждый данный періодъ. Срокъ отчетности установленъ, въ противоположность нашему полуторогодовому—годовой.

Торговыя книги предприниматель обязанъ хранить въ цѣлости за всѣ предшествовавшіе годы и, въ случаѣ несостоятельности, предъявить ихъ по крайней мѣрѣ за послѣдніе 10 лѣтъ. Поэтому, въ случаѣ пожара, наводненія и проч. стихійнаго истребленія книгъ, предприниматель, а въ отсутствіе его довѣренный, или управляющій, доносятъ суду о случившемся въ теченіи 2-хъ недѣль подъ страхомъ того же уголовнаго наказанія. Судъ, удостовѣрившись въ справедливости заявленія, выдаетъ надлежащее удостовѣреніе, которое охраняетъ предпринимателя отъ уголовной отвѣтственности (688-691 У. Т.).

XXIV.

Въ процессуальномъ отношеніи торговыя книги имѣютъ силу судебнаго доказательства, причемъ дѣйствующій Уст. Суд. Торг. относитъ ихъ къ особенному роду письменныхъ доказательствъ. Ихъ доказательная сила распространяется не только на торговыя дѣла между купцами взаимно, но и на лицъ къ торговлѣ не принадлежащихъ. Однако, для воспріятія торговыми книгами силы судебнаго доказательства, законъ, какъ указано выше, предъявляетъ цѣлый рядъ требованій.

Во-первыхъ, комплектъ книгъ долженъ соотвѣтствовать роду торговли; во-вторыхъ, порядокъ веденія книгъ долженъ отвѣчать установленному порядку; и въ третьихъ, добросовѣстность записей. При наличности этихъ условій торговыя книги составляютъ полное доказательство противъ лицъ торговой дѣятельности и не ограничиваются никакимъ срокомъ, кромѣ общаго десятилѣтняго, за малымъ исключеніемъ противъ умершаго купца, гдѣ книги теряютъ силу по истеченіи пяти лѣтъ (ст. 234 и 238 У. С. Т.).

ЦАБ "Автограф"
май 2021

Торговыми книгами между лицами торговой дѣятельности можетъ быть доказываема всякая операція товарная по покупкѣ-продажѣ, вексельная по выдачѣ и принятію векселей, заемъ, имущественный наемъ и проч.

Что касается до доказательной силы торговыхъ книгъ противъ лицъ, къ торговлѣ не принадлежащихъ, то здѣсь законодательство устанавливаетъ нѣкоторыя весьма существенныя ограниченія. Оно, во-первыхъ, считаетъ ихъ за половинное доказательство и при томъ въ теченіе одного года со времени доставки товара или отпуска денегъ, а, во-вторыхъ, книги принимаются за доказательство въ томъ лишь случаѣ, когда доказано, что товаръ дѣйствительно доставленъ или деньги забраны, а весь споръ сводится ко времени, количеству, или цѣнѣ доставленнаго товара или обѣщаннаго платежа (466 ст. У. Г. С.).

Торговыя книги не принимаются за доказательство вообще: если въ нихъ окажутся вновь вставленные листы, подчистки и поправки; если въ статьяхъ окажутся неисправности въ пользу хозяина; если предприниматель на основаніи тѣхъ же книгъ ранѣе заявлялъ, что платежа по извѣстной операціи не поступало, а потомъ оказалось, что такой платежъ въ дѣйствительности произведенъ; если по судебному приговору предприниматель объявленъ злостнымъ банкротомъ; и, наконецъ, если онъ лишенъ вообще правъ и преимуществъ (ст. 242 У. С. Т. и 468 У. Г. С). Однако, во всѣхъ этихъ случаяхъ торговыя книги теряя силу доказательства въ пользу предпринимателя, сохраняютъ полную силу и значеніе противъ него самого (243 У. С. Т. и 469 У. Г. С.).

Далѣе, законодательство совершенно исключаетъ изъ числа доказательствъ такъ называемые хозяйственныя конторскія книги, понимая подъ послѣдними книги экономій (67/492), книги и реестры различныхъ торговцевъ и мастеровыхъ, если онѣ не сопровождаются собственноручной подписью отвѣтчика, а равно счеты, записи и всякія домашнія бумаги, если все это должникомъ не подписано (ст. 248 250 У. С. Т. и 470, 472 ст. У. Г. С.). Чтобы покончить съ вопросомъ о торговыхъ книгахъ, остановимся въ заключеніе на значеніи заграничныхъ торговыхъ книгъ для русскаго процессуальнаго права.

По ст. 707 У. Г. С. договоры и акты, совершенные заграницей, обсуждаются на основаніи законовъ того государства, въ предѣлахъ котораго они совершены и признаются дѣйствительными, если только заключающаяся въ нихъ сдѣлка не противна законамъ Имперіи.

Слѣдовательно, если бы тотъ или другой актъ не былъ сходенъ съ обрядами по русскимъ законамъ, тѣмъ не менѣе онъ признается дѣйствительнымъ, если не опровергается въ подлинности.

Отправляясь отсюда, нельзя не признать полной силы судебнаго доказательства и за торговыми книгами заграницы. Это положеніе подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что книги, какъ мы видѣли, и на Западѣ составляютъ полное доказательство, а во-вторыхъ, они пользуются покровительствомъ закона и у насъ. Въ отношеніи заграничныхъ книгъ требуется лишь одно, чтобы правильность веденія книгъ по мѣстнымъ законамъ и точность выписи изъ нихъ, была завѣрена русскимъ посольствомъ или миссіею и чтобы приложенъ былъ переводъ на русскій языкъ (Р. С. 78/511). Причемъ, если бы встрѣтилось какое либо затрудненіе, то и тогда, согласно 709 У. Г. С., судъ можетъ просить Мин. Ин. Дѣлъ войти въ сношеніе съ подлежащимъ иностраннымъ правительствомъ о доставленіи ему по возникшему вопросу заключенія.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

XXV.

Мы до сего времени говорили о значеніи торговыхъ книгъ и о порядкѣ веденія ихъ по роду торговли. Но этимъ мы еще не отвѣтили на вопросъ о записяхъ въ нихъ операцій по выдачѣ дружескихъ векселей. Между тѣмъ, этотъ именно вопросъ и волнуетъ коммерческій міръ и въ особенности счетоводовъ. Каждый счетоводъ вмѣстѣ съ своимъ предпринимателемъ всегда стоитъ передъ задачей, — что имъ дѣлать съ полученнымъ или выданнымъ дружескимъ векселемъ, слѣдуетъ ли его записывать въ свои торговыя книги или нѣтъ и, если слѣдуетъ, то какъ и куда именно? Вотъ на этотъ послѣдній вопросъ мы и постараемся сейчасъ отвѣтить, обосновавъ свой отвѣтъ данными объективнаго характера.

Не повторяя ранѣе сказаннаго о цѣлесообразности записей въ книгахъ по выдачѣ и полученію дружескихъ векселей, мы обращаемъ вниманіе на требованіе самого закона и установившуюся практику Прав. Сената.

Законъ, въ ст. 678 У. Т., предписываетъ каждому торгующему безъ изъятія повѣрять и считать себя по своимъ книгамъ и выводить балансъ, означая въ немъ: свой капиталъ, движимое и недвижимое имущество, наличность денегъ и денежныхъ документовъ, товаровъ, долговъ, расходовъ и годовую прибыль, а въ ст. 679 того же Уст. указываетъ, что безнадежные долги, по коимъ не предполагается полученія, не уничтожаются безгласно, а ставятся на счетъ убытка и записываются на приходъ какою либо малозначущею суммою. Слѣдовательно, самъ законъ обязываетъ предпринимателей отражать въ своихъ книгахъ полную дѣйствительность, хотя бы подчасъ и сомнительнаго свойства, и записывать въ свои книги все то, что имѣло мѣсто въ предпріятіи. Подобная необходимость особенно рельефно обрисована въ германскомъ торговомъ кадексѣ, который требуетъ полнаго и точнаго баланса и устанавливаетъ для сего особую книгу.

Если таково требованіе закона вообще, то, спрашивается, можно ли сомнѣваться въ необходимости записывать въ свои книги все то, что совершается въ предпріятіи? Думается, здѣсь возможенъ только одинъ отвѣтъ—предприниматели не только могутъ, но и обязаны записывать въ свои книги всякую операцію, не исключая операціи по выдачѣ и полученію дружескихъ векселей. Это, во-первыхъ, необходимо для полноты ихъ собственнаго счетоводства, а, во-вторыхъ, въ интересахъ сохраненія за нимъ силы судебнаго доказательства вообще и въ частности по вексельнымъ операціямъ.

Въ практикѣ Прав. Сената встрѣтился слѣдующій случай: два товарищества обмѣнивались между собою дружескими векселями на протяженіи ряда лѣтъ, причемъ одно товарищество эти операціи въ своихъ книгахъ проводило, а другое дѣлало это лишь въ части. Въ результатѣ образовались противорѣчивыя суммы: по книгамъ перваго товарищества — ему состоитъ должнымъ второе 36,378 руб. 80 коп., а по книгамъ второго, наоборотъ, должно первое. При сличеніи выписей оказалось, что у одного товарищества записано болѣе другого въ общемъ на 119,554 руб. 98 коп., при чемъ это послѣднее товарищество нѣкоторый возвратъ векселей у себя не отмѣчало.

Прав. Сенатъ, разрѣшая данный вопросъ въ пользу болѣе правильнаго счетоводства, установилъ слѣдующее руководящее положеніе: лицо, открывающее другому контокорентный счетъ, обязано вносить въ кредитъ все то, что оно состоитъ ему должнымъ, а въ дебетъ—все то, что оно-ему выдало или уплатило. Сообразно сему, выданный на себя вексель долженъ быть помѣщенъ въ дебетъ счета получателя,

ЦАБ "Автограф"
май 2021

внесеніе же нейтрализующей записи въ кредитъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ случаѣ возвращенія векселя обратно (94/581 Сб. Д. 214/101).

Въ другомъ рѣшеніи Прав. Сенатъ указалъ, что если статьи счета отвѣтчика по торговымъ книгамъ истца оказываются не согласными со статьями книгъ отвѣтчика, то на обязанности истца лежитъ доказать правильность занесенія спорныхъ статей въ свои торговыя книги (88/185. Сб. Д. 211).

Не ясно ли послѣ этого, что операціи по дружескимъ векселямъ должны быть записываемы въ торговыя книги и нужно ли болѣе доказывать подобную необходимость вообще? Если самъ законъ требуетъ записи движимаго и недвижимаго имущества, денегъ, товаровъ, *долговъ*, *документовъ*, расходовъ и проч. и если воспрещаетъ уничтожать безгласно даже сомнительные долги, а Сенатъ указываетъ не только на необходимость, но и на порядокъ записей въ книгахъ, — то не слѣдуетъ ли считать данный вопросъ рѣшеннымъ вполнѣ и навсегда въ положительномъ смыслѣ?

Но если запись дружескихъ векселей необходима, то, спрашивается, какъ же ихъ проводить по книгамъ? Вѣдь, съ одной стороны, подобныя операціи составляютъ коммерческую тайну, а, съ другой,—нѣтъ для этого подобающаго счета.

На этотъ послѣдній вопросъ мы уже отвѣтили выше, доказывая полную закономѣрность такихъ записей. Мы тамъ предлагали выданный дружескій вексель записывать въ дебетъ счета векселепринимателя и въ кредитъ какого-нибудь спеціальнаго счета. На терминъ мы не претендуемъ. При возвращеніи же векселя — запись должна быть обратная. Въ тѣхъ случаяхъ, когда векселепріниматель не оправдаетъ оказаннаго довѣрія и когда дружескому векселедателю придется платить лично, то кредитовать надлежитъ счетъ кассы и дебетовать счетъ спеціальный по выдачѣ дружескихъ векселей. Останется, слѣдовательно, не ликвидированнымъ счетъ дружескаго векселепринимателя, что будетъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительному положенію вещей.

Дружескій же векселедатель, очевидно, поступаетъ обратно. Когда онъ получаетъ такой вексель, то заноситъ его въ кредитъ счета векселедателя и въ дебетъ спеціальнаго счета, а когда учтетъ, то, дебетуя кассу, — кредитуетъ счетъ спеціальный. Останется не закрытымъ счетъ дружескаго векселедателя, но онъ можетъ быть закрытъ или возвратомъ векселя обратно, или же уплатою денегъ при соотвѣтственномъ кредитованіи счета кассы.

Такимъ образомъ взаимныя отношенія получаютъ вполнѣ точное, правдивое и правильное отраженіе въ тѣхъ и другихъ книгахъ, а подъ прикрытіемъ терминологіи счета дружескихъ векселей будетъ спокойно существовать и такъ называемая коммерческая тайна.

XXVI.

Но намъ могутъ возразить — зачѣмъ создавать особый счетъ дружескихъ векселей, хотя бы подъ прикрытіемъ другого наименованія, когда имѣется обычный счетъ «Векселей къ платежу» и зачѣмъ подраздѣлять тѣ и другіе векселя, одинаковые по своей природѣ? Вѣдь выданный вексель къ платежу всегда будетъ таковымъ, независимо отъ основанія выдачи, а потому такой вексель съ успѣхомъ можетъ быть записанъ въ обычный счетъ векселей къ платежу. Дѣйствительно, такое возраженіе возможно, но оно не будетъ правильно по существу отношеній контрагентовъ.

Прежде всего, выданный вексель,—не есть вексель къ платежу, ибо тотъ, кто выдаетъ, убѣжденъ въ томъ, что онъ его обратно получитъ, а тотъ, кто получаетъ такой вексель, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя обязанность возвратить его въ томъ же матеріальномъ видѣ. Въ выдачѣ же обыкновенныхъ векселей къ платежу происходитъ совершенно обратное. Слѣдовательно, разница большая и ее надлежитъ строго различать, чтобы сохранить за книгами по этимъ статьямъ силу судебнаго доказательства.

ЦАБ "Автограф" май 2021

Эти отношенія мы опредѣлили договоромъ ссуды, въ силу котораго одно лицо уступаетъ другому во временное и безвозмездное пользованіе свое имущество. Такой договоръ по самой природѣ своей предполагаетъ возвратъ взятаго имущества обратно въ томъ же видѣ въ какомъ и полученъ, а при истребленіи и порчѣ, — уплачивается его стоимость. Уже это одно убѣждаетъ, что смѣшивать выдачу дружескихъ векселей съ обыкновенными и записывать ихъ въ одномъ счетѣ нельзя.

И въ самомъ дѣлѣ, если бы мы записали дружескій вексель въ обыкновенный счетъ «Векселей къ платежу», то этимъ самымъ мы создали бы себѣ непримиримое противорѣчіе и подали бы поводъ истолковывать наши отношенія въ противоположномъ смыслѣ. Съ одной стороны, мы стали бы утверждать, что вексель проистекаетъ изъ дружескихъ отношеній, что платить по нему обязанъ векселепринимать, а, съ другой, отнесеніемъ такого векселя въ счетъ векселей къ платежу, мы разрушали бы данное утвержденіе и установили бы совершенно обратное положеніе.

Да, наконецъ, торговыя книги съ подобной записью не составили бы полнаго доказательства по такой статьѣ. На утвержденіе, что вексель подлежалъ возврату со стороны векселепринимателя въ томъ же видѣ, послѣдній съ полнымъ основаніемъ могъ бы возразить, что этого онъ дѣлать не обязанъ и въ подтвержденіе своего возраженія сослался бы на торговыя книги векселедателя, въ которыхъ дѣйствительно дружескій вексель значился бы въ счетѣ векселей къ платежу.

Оспаривать и доказывать свидѣтельскими показаніями, что подобная запись вызвана техническими соображеніями, нельзя, такъ какъ иначе книги потеряли бы всякій доказательственный авторитетъ.

Но помимо юридическихъ соображеній, при разрѣшеніи даннаго вопроса нельзя не остановиться и на чисто практической сторонѣ записей, имѣющей общественный интересъ. Во-первыхъ, сліяніе всѣхъ векселей въ одномъ счетѣ «Векселей къ платежу» крайне затруднило бы выясненіе вексельной задолженности предпріятія, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ пришлось бы дѣлать кропотливыя выборки по тексту записей; а, во-вторыхъ, для предпріятій обязанныхъ публичной отчетностью, подобная запись создавала бы не совсѣмъ желательное предположеніе со стороны общества о его вексельной задолженности. Въ послѣднемъ случаѣ, ихъ счетъ «Векселей къ платежу», всегда былъ бы перегруженъ дружескими векселями, что разумѣется не допустимо даже съ точки зрѣнія простого коммерческаго разсчета.

Вотъ почему мы полагаемъ, что дружескіе векселя не должны быть смѣшиваемы съ векселями къ платежу и что операціи по нимъ должны быть проводимы по спеціальному счету, наименованіе котораго можетъ быть самое разнообразное.

XXVII.

Мы могли бы теперь подвести итогъ всему сказанному выше объ историческомъ, бытовомъ и юридическомъ значеніи дружескаго векселя до записей его въ торговыхъ книгахъ включительно.

Мы видѣли, что такъ называемое вексельное посредничество за честь имѣло мѣсто въ торговой дѣятельности еще въ XVII в. и оно не чуждо было и русскому вексельному праву первой половины XVII вѣка. Мы наблюдали, что изъ простой мѣновой квитанціи, вексель выросъ до важнаго, обстрактнаго обязательства, имѣющаго международное значеніе. И, наконецъ, для насъ несомнѣнно, что въ частности дружескіе векселя вызваны къ жизни потребностями торговаго оборота и начинаютъ играть немаловажную кредитную роль. Думается, поэтому, что выясненіе его юридической природы и опредѣленіе закономѣрности обращенія назрѣло вполнѣ.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

Не претендуя на безусловную полноту и точность сдѣланнаго опредѣленія отношеній по выдачѣ и принятію дружескихъ векселей, мы все же не можемъ не отмѣтить, что сдѣлано все, что оказалось возможнымъ. Мы прослѣдили всѣ главнѣйшіе виды договоровъ, дали краткое опредѣленіе особенностей каждаго изъ нихъ и пришли къ заключенію, что отношенія по выдачѣ дружескихъ векселей вполнѣ тождественны съ отношеніями по договору ссуды. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, имущество передается не въ собственность, а во временное и безвозмездное пользованіе и, какъ здѣсь, такъ и тамъ, оно подлежитъ возврату въ томъ же матеріальномъ видѣ, въ какомъ получено, въ противномъ случаѣ возмѣщается его стоимость.

Мы не оставили безъ обсужденія и вопроса о формѣ данныхъ сдѣлокъ и пришли къ выводу, что по своимъ особенностямъ выдача дружескаго векселя должна сопровождаться письменнымъ документомъ, присоединивъ къ этому общую тенденцію законодателей къ письменной формѣ, какъ наиболѣе безстрастнымъ и живучимъ памятникамъ человѣческой дѣятельности. Мы, далѣе, привели краткую классификацію доказательствъ и установили, что для нѣкоторыхъ сдѣлокъ требуется безусловно письменная форма, а въ иныхъ случаяхъ даже крѣпостная и, во всякомъ случаѣ, сдѣлка можетъ быть доказываема только такими доказательствами, которыя соотвѣтствуютъ той формѣ, въ которую она облечена. Отсюда само собой слѣдовало, что если выдача дружескихъ векселей должна сопровождаться письменнымъ документомъ, то и доказывать такую выдачу можно только письменными доказательствами ни осмотръ на мѣстѣ, ни экспертиза, ни свидѣтели, ни, наконецъ, окольные люди— здѣсь не умѣстны, потому что осматривать и изслѣдовать ничего, а свидѣтели недопустимы. Конечно, признаніе отвѣтной стороны смогло бы установить извѣстное отношеніе, но тогда вообще не будетъ спора, а слѣдовательно суду и разрѣшать нечего. Гражданскій процессъ состоитъ именно въ томъ, чтобы съ помощью извѣстныхъ доказательствъ разрѣшить возникшій *споръ*, а потому доказательства такого рода, какъ документы или торговыя книги должны быть представлены. Въ соотвѣтствіи съ такимъ выводомъ, мы разсмотрѣли доказательственное значеніе торговыхъ книгъ и нашли, что по дѣйствующему торговому кодексу онѣ отнесены къ категоріи письменныхъ доказательствъ въ отношеніи торговыхъ лицъ. Въ заключеніе, для полноты обзора, мы остановились и на характерѣ самыхъ записей въ торговыхъ книгахъ, отмѣтивъ между прочимъ, что, юридически правильной и наиболѣе отвѣчающей дѣйствительности, будетъ та запись, въ которой дружескіе векселя окажутся въ особомъ счетѣ, отличномъ отъ обычнаго счета «Векселей къ платежу».

О закономѣрности обращенія такихъ векселей не было нужды долго останавливаться, такъ какъ этотъ вопросъ слишкомъ очевиденъ. Ни интересовъ кредиторовъ онъ не затрагиваетъ, ни общественнаго благочинія и порядка не нарушаетъ. И если, тѣмъ не менѣе, такой вопросъ возбуждаетъ разногласіе, то разумѣется неосновательное.

Итакъ, что же изъ всего сказаннаго въ концѣ концовъ слѣдуетъ?—Очевидно то, что выдача дружескихъ векселей вполнѣ правомѣрна и подобныя операціи въ жизни дѣйствительно существуютъ; что отношенія эти могутъ нормироваться законами о ссудѣ,—какъ такимъ договоромъ, въ силу котораго ссудодатель вправѣ требовать обратно свое имущество, а ссудопринимать обязанъ или возвратить, или же, въ извѣстныхъ случаяхъ, уплатить его стоимость; что особенность выдачи дружескихъ векселей обязываетъ облекать свои отношенія въ письменную форму; что такой формой можетъ быть не только договоръ, но и торговыя книги, если въ нихъ у обоихъ контрагентовъ проведена данная операція; что запись дружескаго векселя представляется поэтому во всѣхъ отношеніяхъ необходимой и даже обязательной, что

ЦАБ "Автограф"
май 2021

сліяніе дружескаго векселя со всѣми остальными векселями какъ въ книгахъ векселедателя, такъ и векселепринимателя чрезвычайно опасно и во многомъ крайне не удобно, а потому для нихъ долженъ быть открытъ самостоятельный счетъ; и что, тогда, вполнѣ будетъ опредѣлены отношенія контрагентовъ, ограждены интересы общества и вполнѣ удовлетворено требованіе закона, что и важно для всякой прамѣрной сдѣлки изъ какихъ бы основаній она ни проистекала.

Въ слѣдующемъ изложеніи мы перейдемъ къ обзору бронзовыхъ векселей и разсмотримъ порождаемыя ими послѣдствія для контрагентовъ, закона и общества.

II. Бронзовые векселя.

XXVIII.

Приступая къ выясненію бронзовыхъ векселей, если бы мы начали съ вопроса о томъ, — что такое бронзовые векселя, то должны были бы отвѣтить, что сами по себѣ бронзовые векселя такіе-же, какъ дружескіе и всѣ остальные, ибо на нихъ нѣтъ никакого внѣшняго различія. Поэтому, въ изслѣдованіи дружескихъ векселей, мы отправлялись не отъ вопроса о томъ, что такое дружескій вексель, а отъ тѣхъ отношеній векселедателя къ векселепринимателю, въ силу которыхъ появляется въ гражданскомъ оборотѣ такой вексель въ качествѣ извѣстной матеріальной цѣнности. Слѣдовательно, и въ изученіи бронзовыхъ векселей намъ надлежитъ исходить не изъ природы самаго векселя, а изъ тѣхъ отношеній, въ силу которыхъ онъ появляется въ жизни. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, намъ придется поставленный выше вопросъ формулировать иначе, присоединивъ къ нему два дополнительныхъ, а именно: 1) Каковы основанія выдачи бронзовыхъ векселей и что за отношеніе между векселедателемъ и векселепринимателемъ? 2) Какъ реагируетъ законъ на подобнаго рода сдѣлки и въ чьихъ интересахъ онѣ создаются? И 3) каково должно быть отношеніе счетоводства къ такимъ векселямъ?

Вотъ вопросы, къ выясненію которыхъ мы и должны теперь приступить въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи о бронзовыхъ векселяхъ.

На вопросъ о томъ, каково основаніе выдачи бронзоваго векселя,—мы могли-бы отвѣтить кратко:—никакого! Вся жизнь и судьба такого векселя, такъ же преступны, какъ преступенъ бываетъ человѣкъ отъ дня своего рожденія до самой смерти. Это, что называется по теоріи Ломброзо, прирожденная преступность, которая искореняется уничтоженіемъ субъекта преступленія.

И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, съ какой цѣлью и въ чьихъ интересахъ выдается такой вексель? Тамъ, когда нужно уменьшить долю участія кредитора въ распредѣленіи денегъ должника — выдается бронзовый вексель. Тамъ, когда нужно запугать кредитора въ обремененіи долгами имущества должника, — выдается бронзовый вексель. Тамъ, когда нужно создать большинство въ общихъ собраніяхъ кредиторовъ при учрежденіи администраціи или конкурса,—выдается бронзовый вексель. И въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, разнообразіе и количество которыхъ безпредѣльны, вездѣ появляется тотъ-же бронзовый вексель, какъ каменное изваяніе въ наглой позѣ и съ безстыднымъ лицомъ! Законъ, общественная нравственность и индивидуальная мораль,—безсильны передъ нимъ, ибо первый — крайне неподвиженъ, вторая—индиферентна вообще, а третье—слишкомъ хрупкое и нѣжное средство для борьбы съ такимъ чудовищемъ. И общество терпитъ его какъ нѣчто неизбѣжное,

ЧАЕ "Автограф"
май 2021

роковое и неустранимое во всякой торговой или хозяйственной дѣятельности. Ему, какъ алчному идолу, отчисляется извѣстный процентъ и такое явленіе считается почти въ порядкѣ вещей. Конечно, предприниматель въ большинствѣ случаевъ прибавляетъ этотъ процентъ къ стоимости фабриката и такимъ образомъ переноситъ тяжесть расходовъ съ своихъ плечъ на общество, но отъ этого отрицательное значеніе бронзовыхъ векселей не уменьшается и они остаются такими же, какими должны быть по самому своему существу.

Такимъ образомъ, мы не ошибемся, если скажемъ, что бронзовые векселя — есть не только недозволенное дѣйствіе но и общественное зло, бичъ того взаимнаго довѣрія, которое такъ необходимо и такъ важно во всякой дѣятельности людей, а въ коммерческой въ особенности. — И тѣмъ не менѣе, бронзовые векселя существуютъ, и не только существуютъ, но и продолжаютъ свою разрушительную дѣятельность все съ большей и большей силой. Они, какъ тотъ аппаратъ, который выкачиваетъ цѣнности отовсюду, куда направитъ его корыстная рука. Слѣдовательно, уже по одному этому ни о какомъ законномъ основаніи существованія бронзовыхъ векселей не можетъ быть и рѣчи, какъ нельзя легализировать какое нибудьпреступное дѣяніе.

Но если это такъ, то спрашивается,—каково-же юридическое отношеніе векселедателя къ векселепринимателю? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо прежде всего рѣшить, что такое юридическое отношеніе вообще и каковы его составные элементы въ частности.

— „Юридическимъ отношеніемъ — говоритъ проф. Шершеневичъ, — будетъ всякое бытовое отношеніе, когда и на сколько оно опредѣляется юридическими нормами“, т.-е. закономъ. Въ зависимости отъ преслѣдуемой цѣли, юридическое отношеніе можетъ быть основано на экономическомъ интересѣ, когда стороны руководствуются хозяйственными соображеніями и на началахъ нравственности, по скольку такого рода явленіе подчинено юридическимъ нормамъ. Какъ частно-правовое явленіе, юридическое отношеніе всегда предполагаетъ субъектовъ, объекты, право и обязанность.

Субъектами будутъ стороны отношенія, объектами предметъ его, а право и обязанность являются величинами, поддерживающими правовое равновѣсіе сторонъ. Здѣсь какъ будто коренится основаніе эмблемы богини правосудія, которая съ завязанными глазами взвѣшиваетъ все то,—что кладется на чаши ея вѣсовъ и такимъ образомъ устанавливаетъ юридическое отношеніе между договорившимися сторонами по поводу какого либо имущества или личныхъ ихъ дѣйствій.

Поэтому, если мы будемъ отправляться отъ этихъ основныхъ положеній и сопоставимъ ихъ съ тѣмъ отношеніемъ, которое создается у векселедателя къ векселепринимателю бронзоваго векселя,—то неминуемо констатируемъ полное отсутствіе всѣхъ тѣхъ остальныхъ элементовъ, которыми опредѣляется юридическое отношеніе вообще.

Во-первыхъ, въ подобной сдѣлкѣ совершенно нѣтъ субъекта обязанности. Здѣсь все сливается въ одномъ лицѣ и все подчинено только его волѣ. Если бронзовый векселепринимательи выступаетъ въ роли истца, то лишь фиктивно. По существу онъ является ни больше ни меньше, какъ соучастникомъ недозволеннаго дѣянія, цѣль и интересъ котораго — солидарны съ интересомъ векселедателя. Во-вторыхъ, само соглашеніе ихъ направлено не на измѣненіе имущественныхъ отношеній, а, главнымъ образомъ, на то, чтобъ сохранить прежній порядокъ вещей. Въ третьихъ, въ такомъ отношеніи отсутствуетъ серьезное намѣреніе сторонъ осуществить въ дѣйствительности то, что ими формально изложено въ сдѣлкѣ и если кѣмъ либо изъ нихъ предпринимаются тѣ или иныя внѣшнія дѣйствія, то лишь для видимости.

О нравственномъ основаніи бронзовыхъ сдѣлокъ можно говорить лишь со сни-

ЦАБ "Автограф"
май 2021

сходительностью мошенника, который, имѣя возможность обобрать свою жертву, не сдѣлалъ этого изъ сожалѣнія, что тогда у этой жертвы не останется на самое необходимое.

Отсюда ясно, что никакого основанія для выдачи бронзовыхъ векселей нѣтъ, а потому отношенія векселедателя къ векселепринимателю отъ начала до конца противозаконны и юридически немыслимы.

XXIX.

Законъ на подобныя сдѣлки реагируетъ двояко. По отношенію однѣхъ—онъ просто объявляетъ ихъ недѣйствительными, а по отношенію другихъ,—помимо недѣйствительности, грозитъ еще уголовнымъ наказаніемъ.

Признавая въ гражданскомъ правѣ автономію частной воли и свободу дѣйствій по поводу тѣхъ или иныхъ сдѣлокъ, законодательство однако ставитъ извѣстные предѣлы, за границу которыхъ договаривающимся лицамъ воспрещается выходить подъ страхомъ вышеуказанныхъ репрессій. Такъ напр., оставляя на волю гражданамъ заключать договоры и обязательства по взаимному согласію и включать въ нихъ всякія условія, — законодатель сейчасъ-же спѣшитъ предупредить, что цѣль такихъ договоровъ и обязательствъ не должна быть противна законамъ, благочинію и общественному порядку (ст. 1528 и 1530 т. X), а 1529 ст. того-же тома, уже примѣрно перечисляетъ какіе договоры не дѣйствительны, а обязательства ничтожны. Въ п. п. 2 и 3 этой 1529 ст., между прочимъ, отмѣчается: а) если договоръ или обязательство клонятся къ подложному переукрѣпленію имѣнія въ избѣжаніе платежа долговъ, или б) къ лихоимственнымъ оборотамъ. То-же приблизительно повторяется и въ 2014 ст. т. X относительно займа. „Заемъ почитается ничтожнымъ—говоритъ эта статья,—если по судебному разсмотрѣнію найдено будетъ: 1) что онъ безденежный; 2) что учиненъ подложно во вредъ конкурса надъ несостоятельнымъ учрежденнаго; и 3) что произошелъ по игрѣ, или произведенъ для игры съ вѣдома о томъ заимодавца.

Въ области обязательственной части гражданскаго права заключается два вида договоровъ и обязательствъ, которые въ значительной степени отожествляются съ бронзовыми векселями. Это 1, договоры *мнимые или вымышленные* и 2, договоры

Договоры *мнимые* — это такіе договоры, которые заключаются для виду и внѣшнее содержаніе которыхъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Или чаще всего прикрываются ни въ чемъ не измѣнившіяся имущественныя отношенія контрагентовъ. *притворные или симулятивные.* Разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Характерною особенностью такихъ договоровъ всегда будетъ отсутствіе одного изъ существеннѣйшихъ элементовъ всякаго договора—соглашеніе сторонъ.

Поэтому поводу проф. Гуляевъ весьма основательно заключаетъ, что «договоръ долженъ быть выраженіемъ истинной воли сторонъ, а если воля направлена въ одну сторону, а внѣшнее проявленіе ея въ другую, то договоръ является формой безъ присущаго ей содержанія, а потому такой договоръ не порождаетъ обязательствъ; та воля, которую въ дѣйствительности имѣютъ стороны,—не обнаружилась, а обнаруженная для виду только, — не есть подлинная воля контрагентовъ. При такомъ разладѣ между волей и ея обнаруженіемъ,—не возникаетъ никакихъ юридическихъ послѣдствій договора“ [1]).

Такого же въ общемъ мнѣнія придерживаются и другіе цивилисты и такъ разрѣшаетъ данный вопросъ наша кассаціонная практика.

---

[1]) Гуляевъ, Русск. Гражданск. право, 236.

ЦАБ "Автограф"
май 2021

Различая по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ договоры мнимые и договоры притворные и основываясь на юридическомъ принципѣ, который состоитъ въ томъ, что договоръ есть соглашеніе воль по поводу имущества, или дѣйствія лицъ,— Прав. Сенатъ говоритъ, что такія сдѣлки, которыя прикрываютъ собою ни въ чемъ не измѣнившееся имущественное отношеніе сторонъ, заключенныя только для виду и для достиженія противузаконной цѣли по отношенію третьихъ лицъ, кредиторовъ,—суть мнимыя, а потому, какъ все злонамѣренное и не отвѣчающее юридическому принципу,—всегда подлежатъ безусловному уничтоженію. Поэтому—повторяетъ Сенатъ—приведенное выше положеніе,—тамъ, гдѣ отсутствуетъ воля сторонъ и ни въ чемъ не измѣняются имущественныя отношенія ихъ,—тамъ нѣтъ договора и не можетъ быть никогда серьезнаго обязательства ($^{92}/_{28}$, $^{901}/_{45}$, $^{902}/_{87}$ и друг.).

Проэктъ новаго Гражд. Улож. вполнѣ воспринялъ эту точку зрѣнія Сената. Въ первой половинѣ 1587 ст. говорится, что договоръ, заключенный только для виду (мнимый договоръ), признается не дѣйствительнымъ. Тоже самое проводится и многими западноевропейскими законодательствами (Германскимъ, Австрійскимъ, Саксонскимъ и друг.).

И дѣйствительно, при выдачѣ однимъ лицомъ другому бронзоваго векселя,— развѣ въ чемъ нибудь ихъ имущественныя или личныя отношенія мѣняются? Наоборотъ, все остается по старому. Создана лишь видимость, фикція, которая если и направлена на измѣненіе матеріальнаго отношенія, то не между контрагентами, а между должникомъ и третьими лицами, какъ его кредиторами. Затѣмъ, никакого волеизъявленія въ такой сдѣлкѣ нѣтъ, а, слѣдовательно, нѣтъ и серьезнаго обязательства. Вся полнота правъ сосредоточивается въ рукахъ векселедателя и совершенно отсутствуетъ лицо обязанное. Вотъ почему дѣйствующее законодательство такой договоръ опредѣляетъ,—какъ подложное переукрѣпленіе имущества съ цѣлью неплатежа долговъ, а заемъ, какъ безденежное обязательство, учиненное подложно во вредъ конкурса (1529 и 2014 ст. т. X), а потому въ защитѣ такихъ сдѣлокъ совершенно отказываетъ.

Но помимо недѣйствительности такого рода договоровъ и обязательствъ, законодательство, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ цѣляхъ огражденія частныхъ и публичныхъ интересовъ,—караетъ виновныхъ и въ уголовномъ порядкѣ. Въ дѣйствующемъ Улож. о Наказ., кромѣ наказуемости злостнаго банкротства, посвященъ рядъ статей о преступленіяхъ и проступкахъ по нѣкоторымъ обязательствамъ. Напр., *по купль-продажѣ*— воспрещается продавать имѣніе уже проданное, а равно такое, которое состоитъ подъ запрещеніемъ, секвестромъ и опекой (ст. 1699 и 1700 Ул.). Или, самое важное, уголовный законъ караетъ и всѣхъ тѣхъ, кто, зная о состоявшемся въ установленномъ порядкѣ распоряженіи о наложеніи запрещенія или ареста на имущество, до дѣйствительнаго проведенія этой мѣры въ исполненіе,—переукрѣпитъ, безденежно передастъ, или же инымъ способомъ скроетъ имущество, или часть онаго,—тотъ, въ случаѣ послѣдовавшаго отъ сего для кредитора или другихъ лицъ ущерба, подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 8 до 1 г. 4 мѣсяцевъ (ст. 1700[1] Ул.). Нов. Улож. 1903 г. въ общемъ сохранило эту статью, квалифицируя данную сдѣлку,—какъ недобросовѣстное дѣйствіе по имуществу (ст. 607). Такъ разрѣшаются эти вопросы и касс. практ. Прав. Сената ($^{900}/_{29}$ по дѣлу Ильина).

Совершенно иное представляютъ изъ себя договоры *притворные* или *симулятивные*. Эти договоры не только уголовно не наказуемы, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и закономъ защищаемы. Юридическая особенность ихъ состоитъ въ томъ, что воля контрагентовъ изъявляется, но по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, характеръ одной сдѣлки прикрывается формою другой, дѣйствительно между сторонами состоявшейся.

Нѣчто подобное нами отмѣчено въ исторіи средневѣковаго векселя, когда каноническое право объявило войну замаскированнымъ займамъ подъ проценты въ

ЦАВ "Автограф" май 2021

формѣ тогдашняго вексельнаго обязательства. Тогда церковь прежде всего вооружилась противъ помѣтки въ векселѣ процентовъ и противъ разницы валюты съ той суммой, которая подлежала уплатѣ.

Въ современномъ быту стороны часто имѣютъ въ виду совершить одну сдѣлку, но дѣлаютъ это по различнымъ мотивамъ подъ видомъ другой. Такъ напр., одно лицо, желая одарить другое, продаетъ ему свой благопріобрѣтенный домъ, не беря съ него никакихъ денегъ. По существу это будетъ договоръ дареніи, а по формѣ договоръ купли-продажи. Или, одно лицо даетъ другому заимообразно извѣстную сумму денегъ, но для большей гарантіи заключаетъ съ нимъ договоръ поклажи (храненія). По существу это заемъ, а по формѣ поклажа. Сдѣлки въ обоихъ случаяхъ будутъ притворными, такъ какъ подъ видомъ одной, скрываютъ другую, но игнорировать ихъ нѣтъ никакого основанія, если интересы третьихъ лицъ ни чѣмъ не нарушаются. Въ такихъ сдѣлкахъ есть все, что требуется для дѣйствительности договоровъ: возможное волеизъявленіе, имущественное перемѣщеніе и серьезное рѣшеніе сторонъ вступить въ данную сдѣлку.

Прав. Сенатъ, соглашаясь съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ притворныхъ договоровъ, установилъ два положенія для дѣйствительности ихъ: первое, чтобы цѣль и содержаніе не были противны закону, благочинію и общественному порядку, а второе, чтобы сдѣлка представлялась дѣйствительно состоявшейся. Поэтому, — разсуждаетъ далѣе Прав. Сен., — „сдѣлки притворныя, прикрывающія собою другое, дѣйствительно состоявшееся между сторонами соглашеніе, подлежатъ уничтоженію лишь въ томъ случаѣ, если сила такого соглашенія не охраняется закономъ. Если же, наоборотъ, оно само по себѣ закону не противно, то сдѣлка не уничтожается, а прикрываемое ею соглашеніе обсуждается по правиламъ о томъ договорѣ, которому оно по своимъ законнымъ признакамъ соотвѣтствуетъ“ ($^{901}/_{45}$ $^{902}/_{87}$). Слѣдовательно, въ приведенномъ примѣрѣ сдѣлки могутъ обсуждаться—въ первомъ случаѣ не по содержанію договора купли - продажи дома, а по договору дареніи, а, во второмъ не по договору поклажи, а по договору займа и т. д.

Такого-же взгляда держится и новое Граж. Ул. во II-й части 1587 ст., гдѣ сказано, что «договоръ, заключенный подъ видомъ другого (притворный), обсуждается по правиламъ о томъ договорѣ, который стороны въ дѣйствительности имѣли намѣреніе заключить».

Однако, справедливость обязываетъ отмѣтить, что всякая сдѣлка, учиненная во вредъ третьимъ лицамъ, только тогда можетъ быть уничтожена, когда будетъ установлено, что обѣ стороны дѣйствовали недобросовѣстно, въ противномъ случаѣ законъ не отказывается защищать такую сдѣлку, которая заключена въ интересѣ добросовѣстнаго контрагента. Напр. должникъ, видя что его дѣла пришли въ упадокъ, начинаетъ распродавать за безцѣнокъ свое имущество, а вырученныя деньги направляетъ не на удовлетвореніе кредиторовъ, а въ свою пользу. Спрашивается, будетъ ли такая сдѣлка дѣйствительна? — Несомнѣнно, такъ какъ покупатель въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ вполнѣ добросовѣстно, о цѣляхъ продажи не зналъ, а потому нѣтъ никакихъ основаній лишать его тѣхъ имущественныхъ выгодъ, которыя онъ пріобрѣлъ по добросовѣстному договору.

Такъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ и Прав. Сенатъ, говоря, что ст. 1529 предполагаетъ недобросовѣстность обѣихъ сторонъ. «Преступное побужденіе одной стороны къ заключенію договора — разсуждаетъ Сенатъ — само по себѣ не можетъ еще служить по 1529 ст. основаніемъ для признанія договора недѣйствительнымъ, если такое побужденіе не выразилось въ самомъ договорѣ и не доказывается его содержаніемъ, — то другая сторона въ правѣ защищаться добросовѣстнымъ вступленіемъ въ договорное соглашеніе и требовать на семъ основаніи исполненія договора». Даже

ЦАВ "Автограф"
май 2021

признаніе Уголовнымъ судомъ о томъ, что одинъ контрагентъ заключилъ сдѣлку съ преступной цѣлью,—не влечетъ за собой безусловнаго основанія къ уничтоженію ея для другого, если этотъ послѣдній докажетъ, что онъ дѣйствовалъ добросовѣстно и не зналъ о преступной цѣли своего контрагента ($^{85}/_{63}$ и др.).

XXX.

Итакъ, съ точки зрѣнія матеріальнаго права — однѣ (мнимыя) сдѣлки безусловно недѣйствительны, а въ извѣстныхъ случаяхъ и уголовно-наказуемы, другіе же (притворные) остаются подъ защитой закона.

Но когда приходится переходить изъ области матеріальнаго опредѣленія въ область процессуальнаго установленія права, то всегда сталкиваешься съ вопросомъ,—а какъ и чѣмъ доказать наличность такихъ обстоятельствъ, которыя разрушали бы невыгодную сдѣлку, особенно какъ переукрѣпленіе имущества съ цѣлью неплатежа долговъ и проч.? Вѣдь какъ никакъ, а стороны облекаютъ свои отношенія въ форму того или иного договора, или обязательства и обычно предусматриваютъ все до мелочей. — Какъ же, слѣдовательно, установить, что сдѣлка ихъ вымышленная? Или, что особенно трудно, какъ и чѣмъ доказать выдачу бронзоваго векселя, когда никакихъ внѣшнихъ признаковъ отличія на немъ нѣтъ? Вѣдь бронзовый векселъ такое-же абстрактное обязательство какъ и всѣ остальные векселя. Наконецъ, подобнаго рода отношенія возникаютъ между родными, друзьями и вообще между крайне близкими людьми. Они всегда выбираютъ удобный моментъ для осуществленія намѣченной сдѣлки и, конечно, дѣйствуютъ во всемъ по заранѣе обдуманному плану. Здѣсь должникъ не только не оказываетъ противодѣйствія своему «кредитору», но, наоборотъ, во всемъ и всегда идетъ ему на встрѣчу. Третьи лица чаще всего узнаютъ объ этомъ только тогда, когда бронзовый кредиторъ проявляетъ притязаніе на имущество должника, стѣсняя и уменьшая такимъ образомъ ихъ интересы.

Вотъ тутъ то и создается тупикъ, изъ котораго рѣдко находится выходъ. Съ одной стороны, третьи лица не знаютъ и не могутъ знать сущности заключенной сдѣлки; они могутъ лишь предполагать о ея фиктивности, не имѣя этому положительныхъ доказательствъ. А, съ другой, сдѣлка иногда уже облечена въ форму судебнаго рѣшенія, которое по своей природѣ неоспоримо (ст. 893 У. Г. С.).

Правда, законъ допускаетъ третьихъ лицъ оспаривать ту или иную сдѣлку, заключенную должникомъ во вредъ ихъ интересамъ. Но тотъ же законъ, по общему правилу, обязываетъ истца доказать свой искъ и лишь послѣ того, какъ онъ докажетъ его, отвѣтчикъ приступаетъ къ опроверженію (ст. 336 У. Г. С.). Кромѣ того, тотъ же законъ обязываетъ доказать наличность сознательнаго переукрѣпленія имущества не только въ отношеніи самаго должника, но и его контрагента, такъ какъ невыгодность сдѣлки для кредиторовъ,—само по себѣ еще не служитъ достаточнымъ основаніемъ къ уничтоженію ея. Напр., если лицо, впавшее впослѣдствіи въ несостоятельность, продастъ свое имущество покупщику, который дѣйствуетъ добросовѣстно и не знаетъ о цѣли продавца—то сдѣлка эта не можетъ быть расторгнута по требованію третьихъ лицъ, хотя-бы интересы ихъ и были этимъ нарушены ($^{88}/_{3}$; $^{91}/_{62}$). И, наоборотъ, если должникъ выдастъ векселъ при упадкѣ своего имущественнаго положенія, хотя-бы въ видѣ дара, то такой векселъ кредиторы въ правѣ оспаривать, какъ нѣчто нарушающее ихъ интересы. Дареніе по закону не возбраняется, но дарить можно свое и не во вредъ кредиторамъ.

Однимъ словомъ, всегда, когда дѣйствіе должника кредиторъ находитъ для себя вреднымъ, онъ вправѣ оспаривать его, доказавъ наличность злонамѣренной цѣли, или же установивъ также обстоятельство, которое само по себѣ поражало бы сдѣлку,

ЦАБ "Автограф"
май 2021

какъ, напр., цѣль къ расторженію супружества, договоръ по поводу такого права, которое лицу не принадлежитъ по законамъ о состояніи и т. д. Здѣсь обѣ стороны могутъ дѣйствовать добросовѣстно, но самъ по себѣ предметъ договора не подчиненъ частной волѣ, а потому по иниціативѣ суда сдѣлка будетъ признана недѣйствительной, а обязательство ничтожно.

Установивъ такимъ образомъ право третьихъ лицъ оспариваетъ заключенную во вредъ ихъ интересамъ сдѣлку и отмѣтивъ условіе оспариванія, мы однако не разрѣшили еще вопроса о томъ — какъ и чѣмъ доказать ничтожность ея? Между тѣмъ это наиболѣе важный и трудный вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго не мало задумывается юристъ въ примѣненіи его на практикѣ. Легко сказать—выдача бронзоваго векселя или подложное переукрѣпленіе имущества съ цѣлью неплатежа долговъ—не дѣйствительны! Вѣдь они въ подавляющемъ большинство случаевъ недѣйствительны не сами по себѣ, а по требованію: заинтересованныхъ лицъ, которые, какъ мы видѣли, обязаны доказать наличность такихъ условій. Слѣдовательно, опять таки мы сталкиваемся съ трудной частью процессуальнаго права—это съ ученіемъ о доказательствахъ, особенно въ его практическомъ примѣненіи.

Въ отдѣлѣ о дружескихъ векселяхъ, мы привели различные виды доказательствъ и отмѣтили, что въ общемъ они сводятся къ непосредственному осмотру суда, заключеніямъ свѣдующихъ лицъ, къ словеснымъ показаніямъ свидѣтелей и окольныхъ людей, къ письменнымъ документамъ, торговымъ книгамъ, къ собственному признанію сторонъ и, наконецъ, къ присягѣ тяжущихся. Послѣдній способъ доказыванія уже выходитъ изъ употребленія и встрѣчается весьма рѣдко, являясь пережиткомъ стараго времени.

Вся трудность предвидѣнія доказательствъ въ примѣненіи ихъ къ такого рода сдѣлкамъ, какъ выдача бронзовыхъ векселей и подложное переукрѣпленіе имущества вообще, состоитъ въ томъ, что сдѣлкамъ этимъ всегда предшествуютъ самые разнообразные комбинаціи, раскрыть которыя не всегда удается. Можно, разумѣется, установить нѣкоторыя типическія явленія въ этой области, но онѣ отнюдь не могутъ считаться исчерпывающими по той простой причинѣ, что, чѣмъ опаснѣе въ жизни положеніе, тѣмъ люди дѣлаются изобрѣтательнѣе, а для этого требуются и новыя средства опроверженія.

Всѣ эти явленія можно однако подраздѣлить на три категоріи: 1) субъекты сдѣлки 2) содержаніе ея и 3) соотношеніе сторонъ въ имущественномъ положеніи.

Субъектами фиктивныхъ сдѣлокъ всегда будутъ, какъ указано, близкіе родственники или же связанные продолжительнымъ знакомствомъ, дружбой и проч., такъ какъ всякая фиктивная сдѣлка только и можетъ покоится на непремѣнномъ довѣріи одного лица другому. Напр., если должникъ задумалъ переукрѣпить свое имущество съ цѣлью неплатежа долговъ, онъ обязательно изберетъ своимъ контрагентомъ родственника или лицо, пользующееся его довѣріемъ по дружбѣ, продолжительному знакомству и проч., иначе рискуетъ, вмѣсто предполагаемой выгоды, потерять послѣднее. Или же, если должникъ рѣшитъ выдать бронзовый векселъ для участія въ распредѣленіи его собственныхъ денегъ, или въ общемъ собраніи кредиторовъ,— векселепринимателемъ всегда будетъ тотъ же родственникъ или другое близкое лицо. И, наконецъ, если должникъ составилъ заемные обязательство съ залогомъ или безъ онаго, то въ соучастіи съ тѣми же близкими лицами и т. д. въ этомъ направленіи.

Слѣдовательно, первопричину фиктивности сдѣлки нужно искать прежде всего въ субъектахъ отношенія. Правда, наше законодательство допускаетъ полную имущественную раздѣльность не только между друзьями, но и самыми близкими родственниками, напр, между мужемъ и женою (ст. 109 т. X), между родителями и дѣтьми (ст. 193 т. X) и т. д. Но это нисколько не мѣшаетъ отправляться въ изъясненіи той или иной сдѣлки именно отъ этого субъективнаго признака, такъ

ЦДБ "Автограф"
май 2021

какъ, во-первыхъ, послѣдующія обстоятельства покажутъ насколько въ конкретныхъ случаяхъ вѣрна указанная раздѣльность, а, во-вторыхъ, установятъ время и способъ пріобрѣтенія и характеръ фактическаго отношенія новаго собственника къ данному имуществу.

Что же касается до содержанія фиктивныхъ сдѣлокъ, то онѣ всегда носятъ характерный отпечатокъ несоотвѣтствія съ дѣйствительностью. Обычно покупная цѣна значительно ниже стоимости предмета. Дѣлается это во избѣжаніе расходовъ по совершенію договора. Предметы показываютъ оптомъ, такъ какъ несерьезная сдѣлка не вызываетъ внимательнаго и точнаго перечисленія ихъ индивидуальныхъ признаковъ. Далѣе, деньги всегда уплачиваются впередъ немедленно и сполна, дабы не оставить возможности кредитору положить на нихъ арестъ. Совершаются такія сдѣлки чаще всего не задолго до имущественнаго паденія должника и въ очень рѣдкихъ случаяхъ заблаговременно.

И, наконецъ, съ точки зрѣнія фактическаго соотношенія, фиктивныя сдѣлки всегда находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Во-первыхъ, вы часто встрѣтите то или другое предпріятіе проданнымъ, но бывшій хозяинъ, по какому то закону тяготѣнія собственническаго интереса, продолжаетъ распоряжаться въ немъ и совершенно не замѣчаетъ несоотвѣтствія съ формальнымъ положеніемъ вещей. Въ лучшемъ случаѣ онъ поступаетъ къ новому владѣльцу на службу, въ качествѣ приказчика, управляющаго и проч., чтобы подъ тѣмъ или инымъ основаніемъ не выпустить изъ своихъ рукъ фактическаго распоряженія проданнымъ имуществомъ. Во-вторыхъ, имущественнаго соотношенія фиктивныя сдѣлки никогда не порождаютъ. Закладывается напр. недвижимое имѣніе, или выдается векселъ на десятки тысячъ, а бюджетъ залогодержателя или векселепринимателя остается въ прежнемъ положеніи. Поэтому, вполнѣ естественно возникаетъ вопросъ,—откуда-же взялась у покупателя или векселепринимателя такая крупная сумма денегъ, когда ихъ у него никогда не было, и по соціальному и экономическому положеніямъ и не могло быть? Затѣмъ, доброта и смѣлость такимъ контрагентовъ прямо-таки неизъяснимы. Должникъ давно уже не платитъ и это всѣмъ извѣстно; дѣла его пришли въ совершенный упадокъ; имущество далеко не покрываетъ долговъ,— и, тѣмъ не менѣе, контрагенты эти ссужаютъ подчасъ огромныя суммы такому должнику. Но, что всего характернѣе, — такъ это то, что въ кассѣ никогда такихъ денегъ не оказывается. Заложенъ ли домъ, выданъ векселъ, или продано какое имущество,— а денегъ по прежнему въ кассѣ нѣтъ? Вопросъ о томъ, гдѣ-же деньги?—ставить не приходится, такъ какъ онъ простъ и понятенъ самъ по себѣ. Разъ сдѣлка фиктивна, то какъ же могутъ оказаться средства?

Вотъ тѣ нѣсколько пріемовъ, которые иногда приводятъ къ цѣли, но разумѣется ими удовлетворяться нельзя. Надо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить тотъ путь, по которому намѣриваешься идти и намѣтить тѣ доказательственныя средства, съ которыми рѣшаешься оперировать, иначе результатъ получится обратный ожидаемому

XXXI.

Какія же это доказательственныя средства для опроверженія фиктивныхъ сдѣлокъ въ томъ числѣ и бронзовыхъ векселей? Дѣйствуетъ ли здѣсь обычный принципъ—въ какую форму облечена сдѣлка, такимъ доказательствомъ можетъ быть и опровергаема она, или же исключительность отношенія допускаетъ исключеніе изъ общаго правила въ области доказательственнаго права?

Для разрѣшенія данныхъ вопросовъ надлежитъ прежде всего различать,—кто оспариваетъ сдѣлку, являясь въ роли истца? Если это самъ должникъ, а такіе случаи вполнѣ возможно, то дѣйствуетъ общее правило, изложенное въ 409 и

ЦАБ "Автограф" май 2021

410 ст. Ул. Гр. Суд., которое гласитъ, что свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы доказательствомъ только тѣхъ событій, для которыхъ по закону не требуется письменная форма, и равно если содержаніе сдѣлки облечено въ письменную форму, то и опровергается она письменными же документами, за исключеніемъ споровъ о подлогѣ, или сомнѣнія въ подлинности.

Мы отмѣтили, что случаи опроверженія должникомъ своихъ собственныхъ сдѣлокъ возможны. Это бываетъ тогда, когда должникъ, переукрѣпляя свое имущество или выдавая бронзовый вексель на избранное имъ лицо, обманывается въ оказанномъ довѣріи. Тогда начинается регрессивная работа его по возстановленію прежняго имущественнаго положенія, которое допускается и нашей кассаціонной практикой ($^{80}/_{36}$; $^{90}/_{32}$).

Что же касается до третьихъ лицъ, кредиторовъ, то за ними нельзя не признать въ выборѣ доказательствъ нѣсколько привилегированнаго положенія, во-первыхъ, потому, что договоры и обязательства налагаютъ обязанность исполнить ихъ на тѣхъ, только, кто участвовалъ въ совершеніи такихъ сдѣлокъ, а, во-вторыхъ, потому, что дѣятельность третьихъ лицъ въ этомъ отношеніи направлена на раскрытіе подлиннаго волеизъявленія и закономѣрности цѣли, чему законъ не можетъ не покровительствовать, такъ какъ обратное положеніе означало-бы, что въ одномъ случаѣ, объявляя сдѣлки недѣйствительными по признакамъ, указаннымъ въ 1529 ст. т. X, въ другомъ тотъ же законъ стѣсненіемъ выбора средствъ опроверженія какъ бы узаконялъ дѣйствіе само по себѣ незаконное, съ чѣмъ разумѣется согласиться нельзя.

Поэтому, въ способѣ доказыванія фиктивности сдѣлокъ практика не только неставитъ какихъ либо преградъ, но, наоборотъ, допускаетъ, напр., измѣненіе установленнаго судебнымъ рѣшеніемъ правоотношенія одного лица къ имуществу другого. Такъ напр., въ цѣломъ рядѣ рѣшеній Прав. Сенатомъ установлено, что состоявшееся рѣшеніе суда о правѣ собственности на описанное имущество между однѣми лицами, не обязательно для третьяго, въ этомъ процессѣ не участвовавшаго ($^{86}/_{74}$ и др.), а потому это третье лицо всегда въ правѣ обращать взысканіе на такое имущество и требовать его продажи.

Изъ всего этого ясно что для всякаго третьяго лица, чьи права заключенной сдѣлкой нарушены, средства доказыванія ни чѣмъ не ограничиваются. Домогаясь уничтоженія такой сдѣлки, третье лицо можетъ пользоваться всѣми видами судебныхъ доказательствъ, начиная отъ письменныхъ документовъ, экспертизы и кончая свидѣтельскими показаніями, смотря потому что онъ найдетъ по роду сдѣлки наиболѣедля себя цѣлесообразнымъ.

При чемъ, въ отношеніи договоровъ притворныхъ, истцу достаточно доказать несоотвѣтствіе содержанія съ дѣйствительнымъ соглашеніемъ сторонъ, независимо отъ той цѣли, которую они преслѣдовали. Но когда договоръ оспаривается мнимый,— вопросъ сейчасъ же осложняется. Если кредиторъ оспариваетъ сдѣлку вслѣдствіе противузаконности ея цѣли, то ему нѣтъ надобности доказывать—зналъ или нѣтъ одинъ контрагентъ с цѣлевомъ намѣреніи другого. Въ этомъ случаѣ самъ судъ по собственной иниціативѣ уничтожитъ сдѣлку, лишь бы было доказано это послѣднее обстоятельство, т. е. противузаконность ея цѣли. Но когда та или другая сдѣлка оспаривается потому, что она совершена во вредъ интересамъ третьихъ лицъ, тогда надо доказать кромѣ наличности этого обстоятельства, еще и степень извѣстности контрагента о злонамѣренной цѣли должника. Другими словами, для того, что-бы разрушить заключенную сдѣлку, необходимо положительно установить злой умыселъ *обоихъ* контрагентовъ, а не одного, какъ многіе практики полагаютъ ($^{88}/_{3}$; $^{91}/_{62}$ и др.).

Относительно бронзовыхъ векселей можно сказать то же самое, за исключеніемъ лишь того, что здѣсь не нужно доказывать второго условія о томъ—зналъ или нѣтъ векселепріниматель о цѣли векселедателя при выдачѣ подложнаго векселя.

НАБ "Автограф" май 2021

Разъ доказано, что бронзовый вексель выданъ должникомъ во вредъ кредиторовъ, то этимъ самымъ презюмируется, что цѣлевое намѣреніе было извѣстно векселепринимателю, ибо принимая вексель и не передавая никакой валюты, онъ не можетъ не знать видовъ своего векселедателя. Вопросъ можетъ значительно осложниться въ случаѣ перехода бронзоваго векселя къ третьему лицу. Недобросовѣстность послѣдняго никакъ не можетъ предполагаться, хотя бы было доказано, что векселедатель и векселепринимателъ дѣйствовали недобросовѣстно, въ цѣляхъ подложнаго переукрѣпленія имущества. Поэтому, въ отношеніи третьихъ векселедержателей наличность послѣдняго условія должна быть положительно доказана, такъ какъ, хотя съ одной стороны, не рѣдки случаи недобросовѣстнаго участія въ подобныхъ сдѣлкахъ и этихъ третьихъ векселедержателей, но, съ другой, возможно и обратное положеніе, а тамъ гдѣ возможно сомнѣніе, тамъ необходима большая осторожность.

XXXII.

Теперь намъ остается выяснить отношеніе счетоводства къ бронзовымъ векселямъ вообще и къ мнимымъ и притворнымъ сдѣлкамъ въ частности.

По вопросу о записи въ торговыя книги бронзовыхъ векселей и мнимыхъ сдѣлокъ мы будемъ отстаивать совершенно обратное положеніе тому, которое высказано было относительно дружескихъ векселей. Здѣсь мы вполнѣ раздѣляемъ то чувство негодованія нѣкоторыхъ счетоводовъ, которые отнеслись къ этому вопросу совершенно отрицательно. И то брезгливое отношеніе, которое дѣйствительно не согласуется съ достоинствомъ бухгалтера не только, какъ профессіональнаго дѣятеля, но и какъ гражданина. Хотя бухгалтеръ по своему служебному положенію и подчиненное лицо, но это только въ служебномъ и при томъ въ предѣлахъ правомѣрныхъ требованій патрона. Въ нравственномъ же отношеніи, а мы бы сказали и въ профессіональномъ, — онъ долженъ быть независимъ, какъ независимъ всякій дѣятель въ своей спеціальности. Если бухгалтеръ не обязанъ доносить на своего патрона по поводу его имущественныхъ комбинацій, то онъ тѣмъ менѣе вправѣ ихъ прикрывать такой отраслью знанія, которая въ теченіе ряда вѣковъ пользуется довѣріемъ закона и уваженіемъ въ глазахъ общества, достигнувъ въ этомъ отношеніи своего высшаго апогея. Поэтому, бухгалтеру должны быть также дороги принципы его профессіи, какъ дорого ему свое собственное достоинство и нравственная чистота.

Отсюда ясно, что если дружескіе векселя мы усиленно рекомендовали и рекомендуемъ записывать въ торговыя книги, то бронзовые векселя и мнимыя сдѣлки вообще никакимъ образомъ не должны попасть туда ни въ общій, ни въ какой либо спеціальный счетъ. Абсолютное игнорированіе подобныхъ сдѣлокъ не только не рушитъ бухгалтерскаго принципа, заключающагося въ томъ, что каждая операція должна быть проведена по книгамъ, но и общей цѣли счетоводства, стремящагося дать въ книгахъ полное отраженіе дѣйствительности. Во-первыхъ, счетоводство какъ явленіе правомѣрное, пользуется защитой права, тогда какъ выдача бронзовыхъ векселей, какъ всякое подложное переукрѣпленіе имущества съ цѣлью неплатежа долговъ, дѣйствіе недопускаемое гражданскими нормами, а въ извѣстныхъ случаяхъ и наказуемое уголовнымъ закономъ. Слѣдовательно, записывая бронзовые векселя въ торговыя книги и вообще проводя вымышленную операцію по нимъ, дѣйствія бухгалтера съ полнымъ основаніемъ могли бы быть отнесены къ дѣйствіямъ соучастника въ любомъ преступномъ дѣяніи, которое состоитъ въ томъ, что преступленіе, хотя и совершается дѣятельностью одного лица, но преступный результатъ, въ этомъ случаѣ, будетъ находиться въ причинной зависимости отъ дѣйствія всѣхъ остальныхъ лицъ, такъ или иначе содѣйствовавшихъ осуществленію его. Во-вторыхъ, запись

ЦАБ "Автограф"
май 2021

бронзовыхъ векселей въ торговыя книги, какъ разъ отразила бы не дѣйствительное положеніе вещей, а своего рода бухгалтерскую фикцію, что несомнѣнно противорѣчило бы основной идеѣ счетоводства. По книгамъ напр. значилось бы, что выданъ векселъ, но тогда спрашивается,—по закону двойной записи какой же счетъ надо дебетовать? Дебетовать счетъ векселепринимателя нельзя, такъ какъ въ кредитѣ его ничего нѣтъ и не можетъ быть, а дебетовать счетъ кассы тѣмъ болѣе невозможно, такъ какъ тогда окажется по записямъ извѣстная наличность, которой въ дѣйствительности не будетъ. Или, предположимъ, что по мнимому договору продана партія товара. Здѣсь можно еще закредитовать счетъ товара, но тогда опять возникнетъ вопросъ—какой же счетъ дебетовать? Дебетовать «счетъ кассы» по указанной выше причинѣ не возможно, а записать куда нибудь для равновѣсія необходимо. Равнымъ образомъ, совершено немыслимо провести по книгамъ и мнимую залоговую операцію, которая создастъ тѣ же неудобства и несообразности.

Однимъ словомъ, создается такой тупикъ, изъ котораго бухгалтеріи съ ея закономъ двойной записи положительно нѣтъ выхода, если бы кто нибудь рѣшился провести по торговымъ книгамъ ту или другую мнимую операцію, не говоря уже о томъ, что и съ нравственной точки зрѣнія бухгалтеръ этого дѣлать не въ правѣ. Конечно, для равновѣсія можно создать на соотвѣтственную сумму торговые расходы и такимъ образомъ забалансировать сдѣлку. Но тогда отчего не пойти дальше и не превратить счетоводство вообще въ орудіе подлога? Разъ возможно создавать вымышленныя статьи дебета и кредита въ отношеніи бронзовыхъ векселей, то отчего же нельзя создать видимость по поводу любой подложной сдѣлки? Думается такого направленія никто изъ г.г. бухгалтеровъ не раздѣлитъ, какъ никто не пожелаетъ работать подъ занесеннымъ мечомъ правосудія.

Но если бухгалтеръ не обязанъ и не въ правѣ проводить по своимъ книгамъ сдѣлки мнимые и бронзовые векселя,—то, спрашивается,—какъ онъ долженъ относиться къ сдѣлкамъ притворнымъ или симулятивнымъ? Долженъ ли онъ ихъ игнорировать подобно сдѣлкамъ мнимымъ, или же, разсудивъ, признаетъ, что притворные сдѣлки есть нѣчто реально-существующее и заключающее въ себѣ всѣ признаки любого договора?

Припомнимъ сущность такихъ сдѣлокъ. Она заключается въ томъ, что притворныя сдѣлки совершаются серьезно и никому не вредятъ. Все различіе ихъ состоитъ въ томъ, что подъ видомъ одной сдѣлки прикрывается другая. Напр., какъ указано выше, совершается заемъ, но для большей гарантіи кредитора, облекается въ форму договора поклажи (храненія). Или, подъ формой купли-продажи, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, скрывается дареніе, и проч. Ничего противузаконнаго здѣсь нѣтъ. Въ худшемъ случаѣ, такіе договоры будутъ обсуждаться по тѣмъ, въ которые должна была быть въ дѣйствительности облечена сдѣлка. Какъ же съ ними не считаться? Мало того, вѣдь притворныя сдѣлки создаютъ имущественное измѣненіе, порождаютъ права и обязанности съ извѣстными послѣдствіями, а все это не можетъ не быть отражено въ счетоводствѣ. Поэтому, необходимость записи ихъ въ торговыхъ книгахъ очевидна.

Правда, разрѣшивъ этотъ вопросъ, мы сейчасъ же сталкиваемся съ новыми затрудненіями. Передъ нами встаетъ второй вопросъ—какъ же формулировать такую сдѣлку, подъ прикрытіемъ которой въ дѣйствительности совершается другая? Это несомнѣнно большое затрудненіе, но имъ не слѣдуетъ смущаться. Поэтому поводу мы полагаемъ, что при записяхъ притворныхъ сдѣлокъ, прежде всего надлежитъ руководствоваться формальнымъ содержаніемъ договора.

Правильность такого заключенія подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что притворные договоры ничего неправомѣрнаго въ себѣ не заключаютъ; во-вторыхъ, бух-

ЦАБ "Автограф" май 2021

галтеръ не судья, а потому онъ при всей своей независимости, не можетъ вскрывать и устанавливать внутреннее содержаніе сдѣлки; для него важна ея закономѣрность и фактическая согласованность съ требованіемъ двойной записи, а все остальное дѣло заинтересованныхъ лицъ; въ третьихъ, правильное опредѣленіе бухгалтеромъ подчасъ весьма трудныхъ юридическихъ сдѣлокъ, потребовало бы отъ него основательнаго знанія юриспруденціи, въ противномъ случаѣ толкованіе носило бы самый хаотическій характеръ, чего требовать отъ него никто не въ правѣ.

Другое дѣло бухгалтерское оперированіе сообразно содержанію сдѣлки. Предположимъ, выданъ векселъ ввидѣ даренія. Очевидно онъ долженъ быть записанъ въ кредитъ счета „векселей къ платежу“ и въ дебетъ личнаго счета одареннаго. Въ первомъ случаѣ такой векселъ дѣйствительно будетъ для векселедателя векселемъ къ платежу, а, во второмъ, личнымъ счетомъ одареннаго удостовѣряется передача ему извѣстной цѣнности. Такая запись важна еще и въ слѣдующемъ отношеніи. Представимъ себѣ, что одаренный оказалъ своему дарителю явное непочтеніе, или самый даръ учиненъ подъ какимъ нибудь условіемъ и условіе это одареннымъ не исполнено. Вѣдь въ томъ и другомъ случаѣ, по закону даръ возвращается дарителю обратно (974 и 976 ст. т. X). Затѣмъ, родителями при своей жизни уступлено дѣтямъ извѣстное имущество въ видѣ дара, но они умерли бездѣтными. По закону, хотя родители и не наслѣдуютъ послѣ дѣтей своихъ, но въ приведенномъ случаѣ имъ возвращается подаренное имущество обратно «яко даръ» (ст. 1142 т. X).

Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ случаяхъ весьма важно сохранить доказательство означеннаго перехода имущества или происхожденіе его потому или другому основанію, что бы, при обратномъ требованіи, можно было доказать ту или другую сдѣлку.

Но эта обязанность сохраненія доказательства уже несомнѣнно лежитъ на счетоводствѣ, какъ имѣющемъ извѣстное процессуальное значеніе вообще. Записавъ сдѣлку въ кредитъ соотвѣтствующаго счета (векселей къ платежу, товара и проч.) и задебетовавъ счетъ одареннаго, счетоводство такимъ образомъ устанавливаетъ извѣстное юридическое отношеніе, которое взависимости отъ послѣдующихъ условій порождаетъ извѣстныя юридическія послѣдствія. Затѣмъ, по наступленіи срока векселя, подлежитъ уже кредитовать счетъ «кассы» и дебетовать счетъ «Векселей къ платежу», а по наступленію условій дара, или увѣренности дарителя въ почтительномъ отношеніи одареннаго, — закредитуется личный счетъ его съ отнесеніемъ дара въ счетъ тѣхъ или иныхъ расходовъ, смотря по классификаціи счетовъ.

Предположимъ далѣе, что подъ видомъ договора поклажи заключенъ заемъ процентными бумагами, (если деньгами, то требуется указать годъ чеканки монеты или №№ кредитныхъ билетовъ), спрашивается—какъ съ ними поступить? Очевидно, руководствуясь приведеннымъ выше положеніемъ, надлежитъ записать: во-первыхъ, въ дебетъ счета «Процентныхъ бумагъ» или другой соотвѣтствующій счетъ, если послѣдній не ведется и въ кредитъ личнаго счета контрагента; а, во-вторыхъ, при расчетѣ, кредитуется счетъ «Процентныхъ бумагъ» и дебетуется личный счетъ контрагента. Послѣдній же въ своихъ книгахъ очевидно поступаетъ наоборотъ: дебетуя личный счетъ контрагента, одновременно кредитуетъ и счетъ процентныхъ бумагъ, или другой соотвѣтствующій счетъ.

Подобная запись, помимо указанныхъ основаній, имѣетъ еще громадное удобство въ отношеніи лицъ не торговаго сословія, гдѣ, доказавъ наличность даренія и проч. условія, уже не придется доказывать время и цѣну переданнаго, чего нельзя достигнуть при иномъ способѣ записи, а тѣмъ болѣе при совершенномъ отсутствіи ея.

И такъ, бронзовые векселя незакономѣрны; они проистекаютъ изъ личнаго или вымышленнаго основанія, которое не подходитъ ни подъ одно юридическое

ЦАВ "Автограф"
май 2021

понятіе; такого рода сдѣлки, а, слѣдовательно, и векселя недѣйствительны и могутъ быть оспариваемы заинтересованными лицами; счетоводство должно отнестись къ нимъ безусловно отрицательно, какъ къ дѣянію незакономѣрному. Что же касается до сдѣлокъ притворныхъ, то, если само законодательство, теорія и судебная практика оправдываютъ ихъ существованіе, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія и счетоводству ихъ игнорировать.

Но въ концѣ концовъ пожалуй мнѣ скажутъ—почему же собственно счетоводство обязано считаться съ интересами юриспруденціи и записывать въ свои книги то, что составляетъ лишь видъ судебнаго доказательства? А главное—почему оно обязано записывать именно такъ, а не иначе и при томъ въ отношеніи дружескихъ векселей согласно существа сдѣлки, а въ договорахъ притворныхъ согласно ихъ формальному содержанію? Какъ будто цѣнность и смыслъ всякой дѣятельности заключается въ одной юриспруденціи?

На всѣ эти и многіе другіе возможные вопросы по данному предмету мы отвѣтили бы слѣдующимъ образомъ. — Конечно смыслъ и цѣнность человѣческой дѣятельности не заключается въ одной только юриспруденціи, но тѣмъ не менѣе все это необходимо въ счетоводствѣ, — какъ такой отрасли знанія, которая несомнѣнно находится въ подчиненномъ состояніи у права. А за тѣмъ, разъ законодательство присваиваетъ торговымъ книгамъ видъ судебнаго доказательства, то очевидно, что бы сохранить такое значеніе, онѣ должны быть ведены не только въ установленномъ порядкѣ, но и соотвѣтствовать требованіямъ юридическаго быта, иначе книги окажутся формой безъ содержанія.

Различіе записей дружескихъ векселей и притворныхъ договоровъ вообще объясняется тѣмъ, что юридическая природа первыхъ имѣетъ всегда одну и ту же конструкцію, а потому она легко поддается опредѣленію; конструкція же и основаніе вторыхъ такъ разнообразны, а подчасъ сложны и спорны, что здѣсь уже нуженъ опытъ юриста и властная рука суда.

Вотъ только такое счетоводство мы всегда имѣли въ виду. Россія чревата своеобразіемъ и такимъ консерватизмомъ, который давно уже потерялъ цѣльность. Такъ называемыя домашнія записи, памятныя и хозяйственныя книги давно уже не пользуются покровительствомъ закона — и если, тѣмъ не менѣе, онѣ ведутся, то можно одно только сказать,—тѣмъ хуже для ихъ владѣльцевъ; а такое доморощеное счетоводство весьма распространено у насъ. Но если оно не имѣетъ никакого юридическаго значенія, то не та ли судьба постигаетъ и то счетоводство, которое принебрегло указаніемъ закона и практикой суда? Отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ лежитъ въ самомъ основаніи данной работы и тотъ, кто сталкивался въ жизни съ требованіемъ права или изучалъ его,—тотъ не удивится сдѣланнымъ нами выводамъ относительно записи однѣхъ сдѣлокъ и полнѣйшаго игнорированія другихъ, разумѣется, по стольку, по скольку тѣ или другія сдѣлки стали извѣстны самому бухгалтеру. О тѣхъ же, которыя отъ счетоводства скрыты,—не можетъ быть и рѣчи вообще, такъ какъ такія сдѣлки будутъ составлять тайну патрона и касаются лично его, а не предпріятія, каковое, какъ извѣстно, экономически подраздѣляется, являясь вполнѣ обособленнымъ и самостоятельнымъ въ своей хозяйственной дѣятельности.

КОНЕЦЪ.

ЦАБ "Автограф"
май 2021